

Широко известная американская актриса
и режиссерка
Анжела Динчипанчи Нью-Йорк, Лондон,
Лос-Анджелес

ДО
ПОСЛЕДНЕГО
ВЗДОХА

18+

РОКИ КАЛЛЕН

Каллен Роки

До последнего вдоха

Rocky Callen
A BREATH TOO LATE

Text copyright © 2020 Rocky Callen Published in 2020 by Henry Holt
Published by arrangement with Pippin Properties Inc. through Rights People,
London and The Van Lear Agency.

© Шаповал И.Ю., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

* * *

*Для тех, кто блуждает во тьме.
Не забывайте, что звезды светят и для вас.*

Предупреждение: в данном романе содержится описание сцен физического насилия, поднимаются темы суицида и депрессии.

От автора

Каждый день кто-нибудь совершает самоубийство. Каждую минуту. По статистике каждый год около миллиона человек расстается с жизнью.

Миллион чьих-то отцов, матерей, сестер, братьев, сыновей и дочерей, которые чувствуют себя потерянными и считают, что у них не осталось надежды.

В этом романе не будет счастливого конца. Он посвящен прекрасным и ужасным моментам, из которых состоит жизнь, возможностям, которые существуют даже в самых темных уголках и которые мы иногда просто не видим.

Я прошу вас смотреть внимательнее, смотреть глубже, быть смелыми и настойчивыми в поисках надежды. Потому что вы прекрасны и нужны этому миру.

Более десяти лет я проработала психотерапевтом. С детства я борюсь с хронической депрессией. Мне также приходилось сталкиваться с эпизодами физического насилия, которые так и остались в тайне. Мы все переживаем бесконечно разный опыт и оттенки боли и в каждой конкретной ситуации свои сложности.

Но если однажды сказать правду вслух, ее уже нельзя будет запереть в темном углу. А правда состоит в том, что бывают дни, когда я чувствую себя непобедимой, когда мои карманы набиты солнечным светом, а мир полон возможностей. Но также бывают дни, когда мне кажется, что к моим щиколоткам привязали якоря, и я тону, и никто этого не видит.

Я написала эту книгу, потому что мне было это необходимо. Когда мне было одиннадцать, я чуть не сделала такой же выбор, как Элли. Но всякий раз, когда я терялась в лабиринтах собственной боли и страданий, я выбиралась из них и обнаруживала, что меня ждет жизнь. Моя жизнь, которую я хотела сохранить.

Будучи психотерапевтом, я не раз становилась свидетелем невероятной силы и крепости человеческого духа.

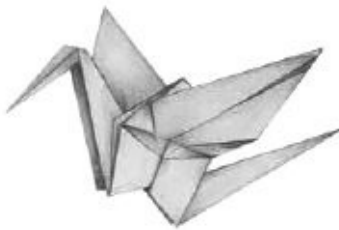
Работа и жизнь показали мне: во тьме можно найти надежду. Иногда депрессия накрывает меня, и я становлюсь ее заложницей, но я твердо верю, что завтрашний день значит многое. И я продолжаю бдительно следить за моим психическим и эмоциональным здоровьем, чтобы обрести свободу.

Я написала эту книгу для людей, которые скрывают свою боль; для тех, кто закрыл свои сердца и двери; для тех, кто может не увидеть тянущиеся им навстречу лучи надежды.

Книга не может вместить в себя все, что я хочу сказать, но она может стать напоминанием, что тебе не обязательно переживать все в одиночку, что существует помощь, которая ждет тебя, и что существует единственный способ повлиять на статистику суицида и домашнего насилия – сказать об этом вслух и рассказать свою историю.

Эта книга посвящается всем Элли этого мира, потерянным, обделенным вниманием, лечащим свои сердца и балансирующим на грани между надеждой и болью.

И если это ты, то я тебя вижу. Прошу, не уходи. Я говорю это тебе (потому что мне часто приходится напоминать это себе самой): ты нужен этому миру.

1

Смерть,

тьма поглощает последнюю толику моего сознания, и я понимаю, что сожалею.

Ты не прекрасная, не свободная и не романтичная – не такая, какой тебя описывают в романах. Ты девочка, у которой не осталось надежды, которая слишком поздно поняла, что хочет жить. Я думала, ты спасешь меня, Смерть.

Но ты лгунья.

Как и все остальные.

2

Жизнь,

ты слишком тихая. Но это не та тишина, в которой можно найти покой. Это удушающее безмолвие, которое расползается во все стороны, как лужа крови; пустота, которая глумится над тобой, издевается, поедает взглядом, пока от тебя не останутся одни кости.

Прошлой ночью мне приснился ужасный сон, но я его почти не помню. Я не могу собраться с мыслями. Сон кажется чем-то далеким, покрытым пеленой тумана, но он беспокоит меня. Он протягивает ко мне руку и манит к себе пальцем. Я не реагирую.

В комнате все еще темно, слишком темно. Наверное, будильник уже прозвенел.

Я протираю глаза и бесшумно подхожу к двери. Мне нравится спускаться на первый этаж раньше мамы и отца. Я щелкаю выключателем в коридоре и моргаю. Темно. Почему все равно темно? Быть может, лампочка перегорела или мама снова забыла заплатить за электричество. Я тихо ругаюсь. Шаги мои легкие – я стараюсь опираться всем весом на перила, чтобы ступени не скрипели. Я снова тру глаза руками. Должно быть, я еще не до конца проснулась, потому что все вокруг выглядит странно.

Я задеваю стеклянный шар со снегом – сувенир с Аляски, стоящий на туалетном столике у лестницы, – и быстро протягиваю руку, чтобы поймать его, но он и не думал падать. Я озадаченно моргаю, потом поворачиваю за угол и громко выдыхаю.

Мама и отец уже на кухне, сидят в темноте.

Я потираю плечо ладонью и захожу в комнату. Они не поднимают глаз. Как и всегда. Я специально иду длинным путем к кухонным шкафчикам, потому что, если пойду напрямую от двери, зацеплю стул отца. Я обхожу стол, протискиваюсь за спиной матери. Регина. Ее имя означает «царица», но при взгляде на нее ни о чем подобном не думаешь. Ее высокая фигура втиснута в небольшое пространство, где ей не место.

Я смотрю на нее и вздрагиваю. Что-то случилось, что-то страшное. Она похожа на труп, молчаливая, неподвижная. На ее лице черные и голубые разводы, как будто она уже разлагается. На ней нет макияжа. Она никогда не спускается, не накрасившись, не замаскировав свои синяки. Никогда.

Мне хочется ненавидеть ее, но я не могу.

Я просачиваюсь за ее стулом и, прежде чем сесть, заглядываю в шкафчики. Я хочу спросить, почему они сидят в темноте. Но я не хочу первая нарушать тишину, разбивать ее на крошечные осколки. Потому что тишина, по крайней мере, не может причинить боль. Я держу рот на замке.

Неудивительно, что мне нравится жесткий хэви-метал. Солисты могут кричать, пока не охрипнут, в то время как мое собственное горло сохнет и болит от того, что я очень редко издаю какие-либо звуки. Отец сидит у стола, ждет. Наблюдает. Глаза мамы опущены.

Она хлюпает носом.

Я настораживаюсь. Она никогда ни за что не пикнет... даже когда до моей спальни доносятся шлепки и удары, даже когда он врежет ей со всей силы. Ни стоны, ни звука.

Я смотрю на нее внимательно. Ее белки налиты кровью. Ее кожа, наряду с обычными черными, синими и исчезающими желтыми пятнами, покрыта красным. Ее веки так опухли, что глаз почти не видно. Я хочу дотронуться до ее руки, но сдерживаюсь.

Что бы ни пытались ее сломать, меня это не сломит. Эта мысль въелась мне в голову, хоть мне и стыдно за нее. Я все еще наблюдаю за мамой из-под опущенных ресниц и замечаю, что она держит что-то в руках. Я пытаюсь рассмотреть, что именно. Плюшевого мишку с оторванным и болтающимся на нитке глазом в крошечной футболке с надписью: «В БАЛТИМОРЕ МЕНЯ ЛЮБЯТ».

Она заходила в мою комнату. Медведь сидел у меня на кровати, рядом с подушкой. Я хочу вырвать его у нее из рук. Я уже тянусь за ним, как вдруг мама снова хлюпает, а потом издает гортанный, булькающий звук. Она затаила дыхание, чтобы подавить плач. Но у нее не слишком хорошо получается.

Отец смотрит на нее. Круговым движением отводит назад плечи со своей фирменной медлительностью и вдумчивостью, а затем наклоняется над столом.

– Ох, Регина. – Голос его мягок и обманчиво спокоен. – Перестань уже плакать. Это не твоя вина.

Отец встает, и мама, вздрогнув, проглатывает слезы. Он тащит за собой стул, чтобы поставить его рядом с маминым. Скрип ножек о пол корбит мои уши. Отец не спеша садится и говорит:

– Ш-ш-ш, ты же знаешь, я не люблю, когда ты плачешь.

Предупреждение. Предупреждение под маской утешения. Он вот-вот ударит. Я чувствую это. Я начинаю отодвигаться на сиденье стула.

Собираюсь бежать. Он не любит, когда она плачет. А когда мама плачет, он заставляет ее лить слезы еще сильнее.

Она игнорирует предупреждение.

Слышатся всхлипы, неистовые и прерывистые, как землетрясение. Я тут же перевожу на нее взгляд, и мои глаза лезут на лоб. Я встаю и бросаюсь к двери. Мне нужно сбежать, выбраться из засасывающей воронки, которую она создает своими слезами. Она затянет меня. Я чувствую это. То, как она плачет, ненормально. Это меня пугает.

Мама прижимает медведя к груди. Она знает, что ее ожидает, но не успокаивается. Отец рычит и толкает ее в стену, стул наклоняется под нею. Он кладет свою огромную руку ей на горло. Своим весом он вдавливая ее в стену. Он вечно пытается что-нибудь раздавить. Из горла мамы доносятся свистящие, заикающиеся всхлипы, она дрожит.

– Ш-ш-ш, ш-ш-ш. Все хорошо. Я рядом. Просто послушай меня. Ладно? Ш-ш-ш.

Мама резко крутит головой из стороны в сторону. Она говорит «нет». Она говорит «хватит». Она просит «помоги».

Но я не спешу на помощь.

Я убегаю. На улицу. Мама, видимо, попробовала отбиваться или сопротивляться, потому что теперь я снова слышу стоны. Отец кричит. Разбивается стекло. За моей спиной ураган, и я не останавливаюсь. Я хватаю воздух ртом, моя грудь часто поднимается и опускается. Должно быть, на какое-то время я забываю дышать.

На тротуаре нет ни синяков, ни секретов, ни криков. Я вздыхаю и достаю свои наушники. Я выжимаю громкость на полную, не обращая внимания на выскочившее на экране предупреждение о потери слуха. Добравшись до максимальной громкости, я все равно не убираю палец с кнопки – вдруг получится выжать еще немного. *Давай же, думаю я. Еще чуть-чуть. Просто заставь мир исчезнуть.*

Ревут электрогитары, яростно стучат барабаны, солист орет в микрофон, и мои плечи расслабляются.

Громче не становится. Мир не исчезает, и через десять минут я оказываюсь около своей школы.

Мне становится зябко. Довольно холодно для мая. Небо затянуто тучами. Оно кажется ярким, но на него словно наложили фильтр. Как на фото в Инстаграме, которое обработали так, чтобы цвета стали мягкими и приглушенными. Я склоняю голову набок и моргаю, пытаюсь избавиться от наваждения. Подходя к крыльцу школы, я смотрю направо.

Он здесь.

Я не замедляю шага, тут же отвожу взгляд. Но успеваю заметить, что он поднимает глаза, пристально смотрит в сторону дороги. Поднимаясь по ступеням, я сжимаю челюсть.

Ну конечно, он ищет кого-то. Не меня. Кого-то без синяков под футболкой, не слушающего дэт-метал, чтобы заглушить звуки этого мира. Он живет в реальности. Он странное сочетание отличника и рокера, он умный и талантливый, крутой, но не настолько, чтобы из-за этого вести себя как высокомерный придурок. Август Мэттьюс.

Мне даже нравится тот факт, что его имя совпадает с названием месяца, ассоциирующегося с солнцем, влажным воздухом, светлячками, последними летними вечеринками, поездками на пляж и моим днем рождения.

Прежде чем открыть дверь, я решаюсь посмотреть на него еще раз. Он стоит там же, надеется. Ждет. Но не меня.

Я вхожу в здание не оборачиваясь. Кажется, еще вчера он ждал на тротуаре меня.

Мною снова овладевает странное чувство растерянности.

Потеря ощущения времени, невозможность восстановить цепочку событий. *Может, это правда было вчера?* Мне кажется, что я пытаюсь сделать шаг, но теряю равновесие, вот-вот упаду. Я стараюсь вспомнить, но воспоминания подернуты дымкой. *Конечно, нет. С тех пор прошли годы.* Я принимаю эту дрожащую мысль, но все равно не чувствую в ней уверенности.

Ученики уже спешат на первый урок. Раздается пронзительный первый звонок. Я хмурюсь. Как получилось, что я опоздала?

Я добираюсь до кабинета английской литературы – единственного предмета в старшей школе, который можно вынести. Отчасти потому, что я хочу стать писателем, когда выберусь из этой проклятой дыры, отчасти потому, что мне нравится учитель, мисс Хупер. Когда она читает вслух отрывок из какого-нибудь произведения, ее глаза блестят, словно слова помогают ей быть настоящей, словно они ее талисман, и ей всего-то нужно прочитать их, чтобы разжечь в себе огонь. Интересно, чувствует ли она его? Я имею в виду сияние жизни. Интересно, бурлит ли оно внутри нее? Интересно, что она при этом ощущает?

Я хочу быть мисс Хупер.

Взглянув на пустую парту Августа, находящуюся через две от моей, я сажусь. Иногда мне кажется, что он наблюдает за мной, но это глупо. Он бы не стал обращать на меня внимания. Не как раньше, особенно когда мисс Хупер сияет от наполняющей ее жизни, а я сижу и гнию на своем

стуле.

Я сажусь и удивляюсь, что Бритни не бросает на меня взгляд из серии «о боже, не могу поверить, что я сижу с этой ненормальной». Она продолжает хихикать вместе с Сарой и Терри, а потом они рассаживаются по местам, полностью меня игнорируя. Что мне вполне по душе. Я абсолютно счастлива, когда меня не замечают.

Я потягиваюсь и смотрю в потолок. На нем тридцать шесть трещинок. Я знаю. Я их все посчитала.

Слышен скрип открывающейся двери, и я смотрю, кто пришел. На пороге стоит Август, он еле дышит. У него взволнованный и растерянный вид, что ему совершенно не к лицу. Он направляется к своему месту и по пути стучит костяшками пальцев по моей парте, в то же время оборачиваясь на дверь.

Я смотрю на то место, где была его рука, и моргаю. Что это значит?

Мои мышцы напрягаются, и я оборачиваюсь. Взгляд Августа устремлен на дверь, он вертит между пальцами карандаш. У него всегда с собой карандаш: в руках или заложен за ухо. Он всегда готов нарисовать что-нибудь в своем блокноте для скетчей.

Я разворачиваюсь обратно, и у меня вдруг начинает кружиться голова. Мисс Хупер стоит у учительского стола, сложив перед собой руки. Она молода и красива, но от нее не исходит ее обычного сияния. Ее челюсть слишком сильно сжата, а в глазах совсем нет блеска. Я замечаю, что она снова и снова сглатывает, как будто ей необходимо что-то сказать, но она не может выдать из себя ни слова.

Кто-нибудь еще это заметил? Я оглядываюсь по сторонам. На мисс Хупер никто не смотрит. Все либо склонили головы и устались в экраны телефонов, либо развалились на партах и общаются со своим друзьями. Август качает ногой, отчего она бьется о парту, и все не сводит глаз с двери. Кого он ждет?

Наконец мисс Хупер прокашливается, но большинство учеников все еще не обращают на нее внимания. Она смотрит на меня. Я подаю вперед. *Да, я слушаю. Я здесь.*

У красивых, светящихся изнутри людей есть одна особенность. Когда они смотрят на тебя, общаются с тобой, начинает казаться, что ты тоже начинаешь светиться. Но сейчас ее свет направлен не на меня, поэтому я не могу сиять в ответ. Она смотри сквозь меня стеклянным взглядом, и я уверена, что моя внутренняя черная вакуумная пустота каким-то образом поглотила ее прекрасное свечение и рассеяла его. В ней уже потеряно множество всего, включая мою улыбку, и не только.

Мисс Хупер наконец начинает говорить:

– Класс, тишина.

В ее голосе слышится надрыв, чего раньше не случалось. Я напрягаюсь, гадая, кто же сумел списать на контрольной в прошлую пятницу. Я обвожу взглядом помещение. Бекка или Тай? Я всматриваюсь в лица двух учеников, сидящих на первой парте бокового ряда. Красные глаза, дурацкие улыбки, отсутствующий взгляд, устремленный в пустоту. Они накуренные? Seriously? В 7.45 утра? Я закатываю глаза. Меня окружают идиоты.

Мисс Хупер вновь откашливается.

– Я... я вынуждена сообщить очень печальное известие. Одна из ваших одноклассниц, – у нее срывается голос, – вчера умерла.

Ее лицо краснеет и покрывается пятнами, а я выпрямляюсь. Умерла? Кто-то умер? Про себя я перебираю учеников по списку и пытаюсь вспомнить, кого я видела в коридоре.

В классе воцаряется тишина.

Мисс Хупер продолжает

– Элли Уокер, – голос ее снова дрогнул, – вчера покончила с жизнью у себя дома.

Тишина. Невыносимая. Мое сердце бьется о грудную клетку, едва ли не ломая ребра. Нет. Нет-нет-нет-нет-нет. Я вскакиваю и вот-вот закричу.

Я же прямо перед вами!

Готова швырнуть в кого-нибудь эту парту. В кого угодно. Чтобы меня заметили. Чтобы меня увидели.

Кто-то начинает кричать. Я резко поворачиваю голову. Август встает и, тыча в мисс Хупер пальцем, громко обвиняет ее:

– Вы врете! Это все чертова ложь!

Я никогда не слышала, чтобы Август ругался. Или кричал. Или чтобы его голос звучал уязвленно и с надрывом. В этот момент я начинаю ощущать вопиющую странность происходящего. Все, что меня окружает, кажется каким-то иным, и я не вписываюсь в картину этого мира.

Мисс Хупер вскинула руки так, словно она успокаивает какое-то священное животное. В ответ Август закрывает лицо ладонями.

Его трясет. Меня тоже.

И я больше не могу здесь оставаться. Больше не могу задерживать дыхание. Мне нужен воздух. Поэтому я бегу.

Я оказываюсь в женском туалете, легкие болят от напряжения. Я смотрю в зеркало...

И ничего не вижу. Я кричу. *И никто меня не слышит.*

3

Воспоминания,

я пытаюсь вас удержать, но вы продолжаете ускользать из-под кончиков моих пальцев.

4

Мама,

я бегу домой, жадно втягивая воздух в легкие, и, пошатываясь, поднимаюсь к себе в комнату. Поначалу я не открываю глаза. Они крепко зажмурены от страха.

Вдох. Выдох.

Я открываю глаза. Я помню... свое частое поверхностное дыхание, когда я завязывала шнурки. Я торопилась. Я нервничала. Мои пальцы продолжали двигаться. Они не хотели умирать. Они знали, что делать, лучше, чем мозг. Лучше, чем мое разрывающееся сердце. Я опираюсь на раму дверного проема.

Мой взгляд падает на ноги. Они босы. Я моргаю. Разве я не обувалась? Я ищу свои исписанные маркерами кеды Converse – те самые, что должны были пройти со мной мой путь к успеху. Когда я пытаюсь до них дотронуться, моя рука проходит насквозь.

Я. Умерла.

Я падаю на пол. Мы живем в таунхаусе – он длинный и узкий, как будто его сплюснули по бокам. Мне кажется, что он сжимается еще сильнее. В этих стенах я задыхаюсь.

Позади стула стоит глубокая металлическая чаша, внутри которой пепел. Я моргаю. Я не помню эту чашу. Не помню, что могло гореть внутри нее. Я подползаю поближе, чтобы посмотреть. Опускаю руку внутрь, чтобы перевернуть несколько обугленных клочков бумаги, но пальцы проходят сквозь твердую поверхность. Я поджимаю под себя ноги и с содроганием вздыхаю.

Я больше не принадлежу этому миру. Теперь это не мой мир.

Я сжимаю зубы. *Он и не был моим никогда.*

Я обхватываю голову ладонями и массирую виски, судорожно пытаюсь вспомнить. У меня всегда были мысли о суициде. Проходящие мысли. Они казались робкими, сокровенными. И я не помню тот момент, когда они

перестали быть просто мыслями и превратились в скрытого, но реального монстра.

Мой мозг представляет собой мешанину образов и воспоминаний, и я не могу сложить их вместе в правильном порядке. Временная структура нарушена, и я не могу восстановить ее.

И лишь в этот момент, полулежа на полу, я смотрю на свою кровать и вижу, что матрас прогнулся в середине. На него давит вес. Я встаю на колени и вижу, что кто-то, свернувшись калачиком, лежит лицом к стене.

Я моргаю. Встаю и вижу, что это ты, мама. Ты кажешься слишком большой для моего матраса. Ты всегда была выше меня. Твои колени подтянуты к подбородку, и ты спишь. Я обхожу кровать, чтобы рассмотреть тебя получше. Твоя нижняя губа разбита и только начинает заживать. Из ноздри у тебя выглядывает корка засохшей крови.

Твоя голова лежит на моей подушке. Я хочу, чтобы ты ушла. Убралась прочь! Я хочу сама лежать на своей кровати и закрыть на замок дверь в свою комнату.

Но тут я замечаю, что ты все еще держишь в руках моего плюшевого медведя.

И мою грудь наполняет непрощенное чувство упоения и нежности.

Ты купила мне этого медведя, когда мы переехали сюда. Только ты и я, и этот дом на Сансет-стрит. У него была густая золотисто-коричневая шерстка и пара сверкающих темных глаз. Ты купила его, когда мы проезжали Балтимор. Ты тогда сказала, что он *самый мягкий и пушистый* и что *его хочется постоянно обнимать, как и твою маленькую девочку*. Я помню, что пищала от восторга, когда ты мне его подарила. Я сидела в своем детском сиденье, а мишка служил мне подушкой во время нашего долгого пути к новому дому. Окна машины были открыты, сквозь них лился солнечный свет и воздух.

Солнечный свет рассеивается вместе с воспоминанием, и я делаю вдох.

Сейчас у медведя свалявшаяся шерсть. Он расходится по швам. Выглядит старым и потрепанным. Раньше мне приходилось подолгу крепко прижимать его к себе, чтобы успокоиться. А теперь от него почти ничего не осталось.

Я отхожу от кровати и сжимаю кулаки. Я не хочу тебя прощать. Из-за тебя мы продолжали оставаться здесь. Ты впустила его. И мне наплевать, что ты горько плачешь. Ты опоздала.

Ты опоздала на несколько лет. Но, несмотря на это, именно ты – не я – до сих пор дышишь. В моей голове что-то назойливо шевелится: «*Ты слишком боялась уйти. Я слишком боялась остаться*».

Эта мысль, словно угодившая в грудь пуля, проделывает во мне огромную дыру. Внутри меня бурлит только что зародившаяся ярость. Я ударяю кулаком в стену, но моя рука просто пронзает ее насквозь, и я чертыхаюсь. Когда я была жива, то редко ругалась, но в этот момент я всего лишь пятнышко среди подобных мне серых теней, и я выдаю столько нецензурной лексики, что хватило бы на целый словарь.

Я хочу разорвать этот мир на куски, но не могу даже оставить на нем вмятины.

Это не мой мир, повторяю я снова. Он не был моим никогда.

5

Мама,

после своего бранного монолога я чувствую себя уставшей. Но это не мешает мне продолжать попытки достучаться до реального мира. Я пробую хватать тебя, трясти, но, что бы я ни делала, у меня не получается установить контакт. В отчаянии я начинаю кричать, а потом и вовсе сползаю по стене на пол и сворачиваюсь калачиком.

Я идиотка. Идиотка! Я не должна была просто так уходить. Сбежать. Оставлять этот пропахший виски, сигаретным дымом и потом дом. Покидать эту обитель пристальных, внимательных взглядов, яростных ударов и гнетущей тишины.

Я узнаю текущие между лопатками струйки холодного пота, свое сбивчивое дыхание – даже несмотря на то, что моим легким уже не нужен воздух. Неужели те женщины из церкви были правы и человек, совершивший суицид, действительно попадает в ад? Я к тому же еще и внебрачный ребенок. Когда меня будут хоронить, уж точно не положат в священную землю.

Похороны? Разве не ими ты должна заниматься, мама? Или они уже состоялись?

Я смотрю на кровать. Ты все еще лежишь, свернувшись, как ребенок.

Поэтому я до сих пор здесь? В этом промежуточном, неясном, несуществующем месте? Я еще не обрела вечный покой в земле? Или это потому, что я некрещеная? Или все это всего лишь сон?

У меня болит голова. Я захожу в ванную и смотрю в зеркало. Сначала я ничего не вижу, но затем – возможно, потому, что я знаю, что я здесь, – медленно начинает проступать мой силуэт, а мои черты становятся четче.

Цвет моей кожи – пепельно-белый. Мои глаза на оттенок светлее, а кости проступают сильнее. Так выглядят мертвые? Я наклоняюсь ближе и внимательно изучаю очертание.

Я смотрю так, как будто мое отражение даст мне ответы, расскажет мне, почему все так и что делать дальше. Но ничего подобного не происходит. «Отвечай мне!» – кричу я.

Раздается дверной звонок, и я вздрагиваю. Моя голова резко разворачивается в сторону ванной и источника пронзительного звука. Дверной звонок? Я даже не знала, что он до сих пор работает. Наш дом на Сансет-стрит зажат между двумя пустыми таунхаусами, и никто сюда не приходит.

Я прокрадываюсь в холл, как будто кто-то может меня заметить. Хотя, очевидно, они не могут. Я призрак. Ну, по крайней мере, я так думаю. И тем не менее я крадусь. Тихо. Нерешительно. Я спускаюсь по лестнице на первый этаж, чтобы посмотреть в окно и узнать, кто стоит у нас на крыльце. Увидев знакомые ссутуленные плечи и спадающие на глаза волосы, я ахаю.

Август. Он ждет, спрятав руки в карманы и сжимая челюсть. Он нервно сглатывает и стучит. Парень озирается на подъездную дорожку к гаражу, видит твой полуразваливающийся минивэн с дверями разных цветов и начинает стучать еще громче. Он знает, что дома кто-то есть.

Я здесь. На моем крыльце Август, а я здесь, пытаюсь удержать свою руку в таком положении, чтобы она не оказалась по ту сторону стекла. Я хочу, чтобы это происходило на самом деле. Мои глаза молят о том, чтобы их увидели.

Он смотрит в сторону окна и, когда его взгляд перемещается на то место, где стою я, перестаю дышать. Но он тут же отворачивается. Снова колотит в дверь. Я слышу, как со второго этажа доносится твой стон и скрип матраса. От того, как доносящиеся из моей комнаты звуки эхом разлетаются по дому, у меня волосы встают дыбом. Я никогда не знала этого. Хорошо, что я всегда кричала в подушку.

Хорошо, что я научилась вести себя тихо, задерживать дыхание, потому что дом мог услышать все наши тайны.

Спотыкаясь, ты спускаешься по лестнице. Ты щуришься, пытаешься разглядеть лицо Августа сквозь занавешенное окно, пока наконец не спрашиваешь:

– Кто там?

В первый раз твой голос звучит слишком тихо. Он хриплый. Поэтому ты переспрашиваешь во второй раз, предварительно прочистив горло.

– Кто там?

– Здравствуйте, миссис Уокер? Я, я Август Мэ...

Ты приоткрываешь дверь и выглядываешь из-за нее глазом, вокруг которого нет синяка.

– Я знаю тебя.

Из твоих уст это звучит как обвинение – я не знаю, почему.

– Я... я... просто слышал...

Он замолкает. Я смотрю на него. Он выглядит намного младше, чем в моих воспоминаниях. Он что, просто хотел убедиться, что это не шутка? Что все по-настоящему? Чего он ожидал? Я пытаюсь вспомнить, когда он в последний раз стоял на этом крыльце, и не могу. Я пытаюсь вспомнить, когда мы в последний раз разговаривали, но в моей памяти лишь туман. Что-то за ним прячется, шевелится, но не может пробиться, чтобы просветить меня.

Август ждет, когда ты начнешь говорить. Я понимаю это по его лицу. Но ты не произносишь ни слова.

В конце концов говорит он.

– Это... правда? Про Элли?

Ты ошарашенно смотришь на него, как будто не понимаешь, о чем речь. Как будто больше не понимаешь родной язык. Едва заметно ты киваешь и закрываешь дверь, отгораживаясь от парня и реальности, запирая нас внутри, и создается впечатление, что ты притворяешься, будто бы я дома, просто в другой комнате, будто бы все в порядке, хотя мы обе знаем...

Что это не так.

Ты съезжаешь по деревянной двери, а Август стучит снова,

и снова,

и снова,

но его стук не такой громкий, как стук моего сердца. Забавно, как бешено и иступленно бьется мое сердце – сердце призрака.

6

Мама,

я смотрю на тебя.

На тебе надета твоя рабочая форма, но твоя смена должна была начаться несколько часов назад. С тех пор как пару лет назад тебя взяли

кассиршей в продуктовый магазин, ты не пропустила ни одного рабочего дня. Но ты уселась на пол у двери и сидишь, прижав руки к вискам.

А еще ты не накрашена.

Ты всегда надеваешь маску, скрывая черные и синие пятна под слоями суперстойкой тональной основы Cover Girl. Ты наносишь тени, румяна, и при взгляде на твое лицо вспоминаются разноцветные восковые мелки Crayola. Оно выглядит фальшивым.

Раньше я стеснялась тебя.

Стеснялась того, что ты так часто неискренне улыбаешься, что тональный крем и подводка скатываются и забиваются в морщинки у твоих глаз. Мне было стыдно за свое стеснение, потому что я знала, что за этой маской скрывается боль.

И вот я смотрю на тебя, на твое лицо без косметики, на глаза, опухшие настолько, что они кажутся закрытыми, на черно-синюю кожу, а не на пудру. Я подхожу к тебе ближе и опускаюсь на колени. Я не знаю, действительно ли я чувствую исходящий от пола холод, или это всего лишь мое воображение.

Я не понимаю, почему я так удивлена. Без косметики, без фальши ты выглядишь точно как я.

Бледная кожа. Веснушки. Глаза цвета шоколада.

И, словно дрожащее дыхание, сначала похожее на видение, ко мне возвращается воспоминание.

* * *

Это было так давно, но теперь я вспомнила. Кажется, мне было четыре. Я помню, как посмотрела в висящее в салоне зеркало заднего вида, увидела твои глаза и закричала:

– Мамочка, мамочка! У нас глаза одного цвета!

Ты широко мне улыбнулась.

– Да, дорогая. Шоколадные! У нас вкусные глаза-шоколадки!

И мне это понравилось. Глаза-шоколадки. У тебя был певучий голос. В нем не было гнусавости, но была выразительность, которая заставляла меня думать о сладком чае летним днем. Я все еще улыбалась, когда мы подъехали к дому и увидели припаркованный на подъездной дорожке старый «Кадиллак» модели семьдесят девятого года.

С твоего лица исчезла улыбка, ты проехала мимо нашего дома.

– Мамочка! Ты проехала наш дом, глупышка! – засмеялась я.

Я заметила, как ты напряглась, с каким выражением ты продолжала смотреть в зеркало. Ты ехала совершенно не в том направлении. Мы

заезжали на парковки, катались по соседним улицам. Ты даже остановилась напротив полицейского участка. Я слышала твое дыхание. Оно дрожало. Я спросила, почему мы не можем поехать домой.

Сначала ты ничего не ответила. Ты просто сидела и смотрела в окно, и казалось, что ты только и думаешь о том, как бы *сбежать*. Но потом ты вернулась в реальность и сказала:

– Мамочка просто задумалась, солнышко.

Мы оставались у отделения полиции достаточно долго. Ты так и не вышла из машины. Когда солнце начало садиться, ты выехала с парковки, и мы продолжили кататься.

Я была не против. Мне нравилось ездить с тобой на машине. Я смотрела в окно и думала о сладком, тающем шоколаде.

Было уже темно, когда мы наконец припарковались позади «Кадиллака».

Ты посмотрела в зеркало заднего вида. Твои глаза были влажными.

– Послушай меня, малышка. Что бы ни случилось, я с тобой, поняла? Я всегда буду тебя защищать.

Твой голос дрогнул. Мне показалось, что ты не сможешь сдержать это обещание, но я все равно тебе поверила.

И ошиблась.

Ты двигалась очень медленно. Ты дождалась щелчка, сняла ремень безопасности. Ты повернулась к открытой водительской двери, свесила ногу, но не сразу выпрыгнула из машины. Ты расстегнула ремень на моем детском сиденье и крепко-крепко меня обняла.

– Мамочка, почему ты плачешь? – спросила я.

И ты ответила:

– Мамочка просто очень сильно тебя любит, дорогая.

Ты собиралась нести меня на руках к дому, но я выскользнула из твоих объятий, заявив, что я уже большая девочка и хочу идти сама. Ты не стала настаивать. Ты взяла меня за руку. Она была такой маленькой. Ты поцеловала кончики моих пальцев, и мы пошли к двери. Она открылась изнутри, и я уставилась на стоящего на пороге мужчину. У него были черные волосы с проседью у висков и обросшее щетиной лицо. Я видела его впервые.

– Мамочка, кто это у нас дома? – спросила я у тебя.

– Твой отец, – сказала ты срывающимся голосом. – Это твой отец, Элли. И, видимо, он нашел нас.

Он. Нашел. Нас.

* * *

С тех пор прошли годы. Воспоминание об этом дне затерялось среди других. Но, очутившись в фокусе, оно оказалось явственным и ярким. На несколько секунд оно даже затмило настоящее, как будто ему требовалось все мое внимание целиком. Как будто оно было важным. Я выдыхаю. Мне бы хотелось раствориться в нем. Мне бы хотелось вернуться в прошлое и жить той беззаботной жизнью, что я вела до того, как на нашем пороге появился он. Но это всего лишь воспоминание, не более того. Но может быть, просто предположим, что я вспомню достаточно, чтобы понять почему. Почему часть меня, мое сознание, осталась здесь. И может быть, если я выясню почему, я узнаю, что делать, чтобы выйти из этого лимба. Может, понимание – ключ ко всему.

Я зажмуриваю глаза, еще пару мгновений пытаюсь нащупать другие воспоминания, но ничего не выходит. В отчаянии я сжимаю до скрипа зубы.

Прошу. Прошу. Прошу. Дай мне зацепиться за что-нибудь. Но память жестока и не выдает своих секретов.

Ты начинаешь шевелиться, и я открываю глаза. Я понимаю, что стука больше не слышно. Должно быть, Август ушел. Часть меня жаждет, чтобы он вернулся просто для того, чтобы я смогла посмотреть на него еще раз. Но ты продолжаешь шевелиться, и на долю секунды кажется, что ты можешь меня видеть. Ты обвила руками ноги и крепко прижимаешь их к себе.

– Прости меня. Ох, моя голубка. Прости меня. Это я виновата, – говоришь ты тихо.

Мне хочется встряхнуть тебя. Конечно, ты виновата. Конечно, это твоя вина! Потом я вспоминаю, как ты сказала: «Он нашел нас».

Ты шепчешь:

– Я была так близка, так близка.

Я отшатываюсь и смотрю на тебя.

Близка? К чему?

Я не свожу с тебя глаз, жду от тебя ответа. Но ты ничего не говоришь. Я склоняю голову набок, чтобы внимательнее тебя рассмотреть.

Ты вся в синяках, без косметики, бледная, с веснушками и разбитой губой.

И подо всем этим я вижу ту же самую женщину, что смотрела на меня в зеркало заднего вида много лет назад, еще до того, как на нашей подъездной дорожке припарковался «Кадиллак».

Я вижу мою мамочку с шоколадными глазами, как у меня. Ты была такой красивой. Я смотрю на свои руки и вспоминаю, как крепко ты их сжимала, до боли, даже когда ты осыпала поцелуями мои пухлые пальцы.

Я вдруг понимаю: каждый день, входя в этот дом, ты умирала.

Возможно, ты стала призраком еще задолго до меня.

Чувство, непохожее на злобу, проделывает во мне дыру и тянет к тебе. Я пытаюсь выключить его, заглушить, отогнать.

Потому что мне слишком больно осознавать, что ты плачешь из-за меня.

Я протягиваю к тебе руку...

Ты резко поворачиваешь голову к двери. На подъездной дорожке слышится рев мотора. Этот проклятый «Кадиллак» модели семьдесят девятого года. Ты в спешке поднимаешься на ноги и бежишь в ванную на втором этаже. Одной рукой ты моешь лицо, а другой достаешь сумочку с дешевой косметикой из ящика под раковиной. Тебе нужно снова нарисовать свою маску... иначе он разобьет тебя на мелкие кусочки, и даже от твоего фальшивого кукольного лица ничего не останется.

Лица без веснушек. Лица, абсолютно не похожего на мое.

7

Отец,

я наблюдаю в окно за тем, как ты выходишь из машины. Ты на секунду останавливаешься и смотришь на дорогу. Я пушка, и я хочу прострелить тебя насквозь. Мама в ванной, а я направляюсь к входной двери. К той самой двери, у которой я впервые увидела тебя много лет назад. Я помню...

Ты не всегда был таким жестоким. Это мне однажды сказала мама. И я смутно помню то время, до ремня и бутылок виски. Твоя внешность никак не изменилась. Те же самые жилистые, крепкие и гибкие руки, те же темные волосы с проседью, те же глаза с нависающими веками и морщинками – гусиными лапками, которые создают впечатление, что ты часто улыбаешься. Так и есть, просто большая часть этих улыбок – ложь. Внешне ты выглядишь так же, как тот мужчина, что стоял на нашем крыльце много лет назад.

Но внутри ты изменился. Что-то глубоко в тебе перевернулось, пока никто не видел. Твой голос звучит жестко и грубо, но было время, когда я

его не боялась. Когда я считала, что он похож на колыбельную. Ты ни разу не пел, но сам звук, его раскатистость, убаюкивали меня.

Мы подходили к дому, и пока мама до боли сжимала мою руку, ты смотрел на нас такими глазами, что я подумала о потерянном щенке, которого мы подобрали на обочине в день нашего переезда на Сансет-стрит. У него тоже была гладкая черная шерстка с белыми пятнышками. Я захотела взять его домой. Мама остановилась на обочине. Шел дождь, и один из наших дворников барахлил, поэтому дорогу было видно плохо. Она вышла из машины, сняла куртку, завернула в нее маленького щенка и отдала его мне, чтобы я его обняла. Он был совсем малыш. Как и я. Он не помещался мне в руки, но уткнулся носом мне в шею и облизал меня. Было щекотно. Мы повезли его домой, а по пути я смеялась и перебирала для него имена.

Он прожил у нас несколько месяцев. Он писал на пол. Сгрыз мамини туфли. Лаял на белок. Он был громким, устраивал бардак, и я любила его. Но как-то раз я лежала, а моя рука свисала с кровати. Когда я услышала, как по паркету стучат его лапы, я улыбнулась и зарылась лицом в подушку. Я знала, что он, как всегда, подойдет и начнет лизать мои пальцы, но в тот день что-то пошло не так.

Он зарычал.

Я начала поднимать голову с подушки, вскинув от удивления брови, но, прежде чем я успела позвать его по имени, он прыгнул и вцепился мне в предплечье. Его зубы вонзились в плоть, и после секундного шока я почувствовала боль. Я попыталась стряхнуть его. Но он не отпускал. Он пускал слюну, скалил зубы, рычал, и я закричала.

Мама выкрикнула мое имя, и я услышала бешеный топот ее ног по лестнице. Я молила щенка, чтобы он отпустил, я тянула, вырывала руку, но от этого боль становилась только сильнее. Мама кинулась к нам, разжала челюсть собаки, и я в ту же секунду выдернула свою руку. Мама боролась с псом, пока ей не удалось вышвырнуть его на улицу и закрыть дверь. Он рычал, и через дерево слышался его лай.

«Больно! Больно!» – плакала я, когда мама обняла меня. Кровь была повсюду. На моей футболке. На простыне. Она взяла меня на руки и устремила к двери. Пес продолжал гавкать и, казалось, намеревался вцепиться ей в ноги. Мы вышли из дома. Сели в машину. И поехали в больницу. Это было первое посещение больницы, которое я запомнила. Это было единственное посещение больницы, когда нам не пришлось врать на осмотре.

Да, это было до тебя. Поэтому не было странных падений. Ушибленных

лбов. Несчастных случаев. Других травм. Которые на самом деле были зашифрованным посланием: нас снова избил отец. В тот раз мы были вдвоем, и это был всего лишь собачий укус. Мне наложили десять швов, и, когда мы приехали домой, неадекватный рычащий пес, которого, несмотря ни на что, я все еще любила, был отправлен в собачий приют.

Когда я посмотрела на тебя, стоящего на нашем крыльце, я увидела грустные глаза щенка, которого я обнимала в машине по пути домой в дождливый день. Ты смотрел на маму так, будто не верил в то, что она настоящая. И на меня ты смотрел так же. И ты стал на колени, чтобы положить ладони мне на щеки и сказать, что я такая же красивая, как мама. Но даже когда ты говорил это, ты выглядел грустным.

И я захотела взять тебя домой. Я не знала, что ты тоже укусишь.

8

Август,

память отпускает меня из своих объятий. Я вдыхаю, втягивая с воздухом все хорошо знакомые подробности этого воспоминания, которое так и не заняло свое место в общей картине. Как одна деталь пазла из тысячи элементов.

Мне нужны все детали. Как иначе я смогу собрать себя воедино? Как иначе я смогу найти свой путь?

Мама все еще наверху в ванной. Я все еще выглядываю из-за входной двери. Отец все еще на подъездной дорожке.

Но только когда я перевожу взгляд с отца на место на тротуаре, с которого он не сводит глаз, я вижу тебя. Отец крутит ключи на пальце и выглядит так, словно не может решить, в какую сторону ему идти. В ту же секунду я сбегая по ступеням крыльца и оказываюсь во дворе. Я хотела бы, чтобы между вами оказалась толпа, численностью со все население нашего города, но здесь только я, а я всего лишь воздух.

Отец делает шаг в твою сторону.

– Ты друг Элли, да ведь?

Его походка ленивая, а голос негромкий.

Август, ты стоишь на тротуаре, порывисто дышишь, твоя грудь поднимается и опускается, пока ты сжимаешь и разжимаешь кулаки.

– Да, – говоришь ты тихо. А потом громче: – Да, я ее друг.

Отец кивает, у него мрачное лицо. Обеспокоенное. Я сглатываю. Это похоже на ловушку.

– Мне жаль, парень. Это стало ударом для всех нас. Ты бы видел мать Элли. Бедняжка, она совсем раздавлена.

Поначалу ты ничего не отвечаешь. А потом осторожно говоришь:

– Я соболезную вашей утрате, мистер Уокер.

Отец снова кивает, медленно и серьезно. Его волосы зализаны назад и лоснятся от пота. У него мощная челюсть, кривой нос и темные, как ночное небо, глаза. Раньше я боялась темноты, потому что мне казалось, что я могу увидеть в ней его глаза.

По словам местных женщин, раньше отец был очень хорош собой. Он был очарователен. Он улыбался, подмигивал, и никто не мог устоять перед его чарами, его ложью. Никто не знал, что происходило в нашем доме на

Сансет-стрит.

Никто не мог поверить, что человек, который всю свою жизнь проработал строителем, приходил домой и все ломал. Но так и было. И делал он это с улыбкой на лице.

Отец выглядит так, словно он вот-вот повернется к дому, но вдруг делает шаг к Августу, как будто что-то вспомнив.

– Она гуляла с тобой, так? Позавчера ночью? За пару дней до того, как *это* случилось?

Я моргаю. Мы гуляли вместе? Недавно? Меня разрывает от непонимания. Я даже не могу вспомнить, что было два дня назад.

Ты выглядишь напуганным. Смущенным. Переминаешься с ноги на ногу.

– А, ну, может, это был и не ты. Она вернулась домой и выплакала все глаза. Бедняжка. Некоторые просто так устроены, знаешь.

Отец вздохнул.

– Хмм, интересно, а что, если...

Но потом он махнул рукой, как будто пришедшая ему в голову идея была вздорной, и развернулся к дому.

– Что, интересно? – Ты делаешь шаг вперед, внезапно насторожившись.

– Ой, ну знаешь. Интересно, а что, если произошедшее той ночью заставило ее...

Отец замолчал. Ему не нужно заканчивать это предложение. Твое смятение говорит само за себя. Я была с тобой. Это написано у тебя на лице, но я этого не помню.

– Видимо, мы никогда не узнаем, – говорит отец, отворачиваясь.

Краешек его губы изгибается в жестокой усмешке. Я единственная, кто это видит.

Мой отец может причинить боль, не только наставляя синяки. Он всегда знает, что сказать, чтобы вывести тебя из равновесия. И тебе начинает казаться, что ты падаешь.

Но что же случилось позапрошлой ночью? Я никогда раньше не выходила гулять. Каждый вечер я ложилась спать, закрыв дверь к себе в комнату и положив на голову подушку, чтобы не слышать доносящиеся с другого конца коридора стоны.

Я смотрю на тебя. У тебя глаза на мокром месте, и ты дрожишь.

Твои глаза такие большие – мне кажется, что твои слезы могли бы затопить весь мир.

Я помню тот день, когда ты, Август Мэттьюс, появился в моей жизни.

* * *

Это был первый день в подготовительном классе начальной школы. Когда я тебя встретила, твоя внешность показалась мне забавной. Помню, я подумала, что твоя голова на размер больше, чем нужно, по сравнению с твоим телом и что твои огромные глаза напоминают блюдечки, в которые мы разливаем молоко для бездомных кошек, живущих в нашем районе.

До того, как я пошла в школу, мне нравилось все свое время проводить с мамой. А теперь я оказалась всего лишь головой в море других таких же. Я была маленького роста, и мне приходилось постоянно смотреть вверх. Я оглядывала всех и гадала, кто же поделится со мной своими цветными карандашами. Я осматривала классную комнату, пытаюсь отличить тех, кто может оказаться добрым, от тех, кого мне следует избегать. Твое лицо появилось из ниоткуда, и ты стоял слишком близко ко мне.

– Привет! Меня зовут Август Мэттьюс. – Ты был ненамного выше меня. – Мне нравится твой рюкзак.

Это был рюкзак с «Могучими рейнджерами». Я не хотела носить розовый и девчачий. Мне нравился Красный Рейнджер, потому что он казался самым сильным.

В меня врезался ребенок покрупнее, и я упала. Моим ладошкам стало больно, и мне захотелось плакать, но я не стала. Я почувствовала, как мне на плечо легла маленькая рука.

– Ты в порядке?

– Да, я в порядке.

Ты помог мне встать.

– Ты такой неуклюжий, Джеффри! Нельзя сбивать людей с ног! Я все расскажу мисс Линдси! – сказал ты, выпятив грудь и смерив свирепым взглядом скалящегося мальчишку с копной светло-русых волос.

Он был больше нас обоих, но ты все продолжал зло смотреть на него своими глазами-блюдцами. Я его боялась, но, заметив, что тебе, кажется, не страшно, я тоже расправила плечи. Старший мальчишка закатил глаза и направился к входным дверям в школу.

– Спасибо, – сказала я.

Ты посмотрел на мой рюкзак и озадаченно спросил:

– У тебя есть все для урока?

Ты, должно быть, заметил, что он был слишком плоский. Я ничего не купила к школе.

– Все есть. Только цветные карандаши нужны.

Твои глаза-блюдечки снова загорелись.

– О!

Ты снял свой ранец с плеча и расстегнул его.

– Можешь взять мои. У меня есть запасные. Мне нравится раскрашивать.

Ты улыбался, а потом, когда учителя построили нас и мы оказались в разных шеренгах, я открыла свой рюкзак, чтобы положить в него карандаши. Я увидела надпись на коробке, и у меня отвисла челюсть.

– Они с блестками!

Ты засмеялся.

– Нарисуй единорога! – крикнул ты, пока наши шеренги расходились в разные стороны.

– Я не умею! – прокричала я в ответ.

– Тогда я для тебя нарисую!

И на следующий день, прежде чем нас отвели в разные классы, мы увидели друг друга, и ты передал рисунок с красивым единорогом и радугой, разукрашенный блестящими карандашами. Я запищала от восторга, а ты засмеялся. Ты в принципе часто это делал.

Ты смеялся громко и от всего сердца. И мне это понравилось.

* * *

Сейчас ты не смеешься. Ты стоишь, сгорбившись, и выглядишь одновременно и слишком старым и слишком молодым. Отец повернулся к тебе спиной и не видит, как ты то сжимаешь, то разжимаешь кулаки. Когда он захлопывает входную дверь, ты выпрямляешься в полный рост, во все свои метр восемьдесят пять, и убегаешь.

Ты бежишь так быстро. Быстрее, чем в детстве. Твои ноги стучат по тротуару, а твоя сумка свисает с плеча и болтается позади. До твоего дома далеко, но я несусь прямо позади тебя, делая вид, что нам снова по десять лет и что мы бежим в наше собственное тайное место в лесу, где мы будем сочинять миры и решать их судьбы.

Твой дом голубого цвета, как небо, а ставни у него красные, как кровь. Я помню, что однажды сказала тебе об этом, но тебе мое сравнение не понравилось. Ты взлетаешь по ступеням и распахиваешь входную дверь. Внутри так же красиво, как в моих воспоминаниях. На стенах новенькая бежевая краска, под потолком идеально-белая лепнина. На полу постелен паркет из твердых пород дерева, и кажется, что он покрыт медом.

Твоя мама опускает чашку на стол и смотрит на тебя из кухни. Она старше моей мамы. В уголках глаз у нее морщинки. Она не носит кукольный макияж. На ее коже нет синяков. Она старше, но не выглядит

замученной.

Ее глаза широко раскрыты от беспокойства.

– Август, что случилось, детка?

Ты смотришь на нее с порога, грудная клетка вздымается от жадных, тяжелых вдохов.

– Она... она... умерла.

Твоя мама прищуривает глаза, как будто так она лучше слышит. Твой голос такой тихий.

– Она умерла, – повторяешь ты громче, злее.

Твоя мама вдруг встает и подходит к тебе, в ее взгляде читается тревога.

– Кто? Кто умер? О чем ты говоришь?

– Элли.

Я вижу, как дрожит твоя губа, как ты тяжело сглатываешь. Твои плечи поднимаются от напряжения; где-то в твоих глазах затаились слезы, но ты не даешь им волю. Не припомню, чтобы ты когда-нибудь плакал. И я не уверена, что хочу это видеть. Я начинаю пятиться, чтобы унести ноги от волны эмоций, которая, как мне кажется, вот-вот захлестнет дом Мэгтьюсов. Это случается, когда я переступаю порог.

Твоя мама обнимает тебя, и ты прячешь голову у нее на плече. Так странно видеть, как кто-то такой большой чувствует необходимость опереться на кого-то такого маленького. Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но слышу твой приглушенный дрожащий голос: «Она умерла. Она умерла. Она умерла».

Волна накрыла меня, и я не могу сбежать.

Сложно сказать, как долго ты обнимаешь свою маму, но и она первая тебя не отпускает.

* * *

Ты посреди своей комнаты, сидишь на вращающемся стуле и медленно крутишься, оборот за оборотом. Я никогда не бывала в твоей комнате. И кажется, есть что-то неправильное в том, что я нахожусь тут сейчас...

Ты наконец перестаешь кружиться. Я сижу на твоей кровати. Одеяло выглядит мягким. Твои стены увешаны плакатами с изображением музыкальных групп, футболками и рисунками. Помню, ты раньше звал меня на концерты. Помню, я всегда говорила «нет».

Я не замечаю две небольшие фотографии, втиснутые между глянцевыми плакатами, до тех пор, пока ты не встаешь и не дотрагиваешься до них.

На одной из них снимок красного крытого моста изнутри. Нашего красного моста. На той, что пониже, запечатлена я. Не та я из детства, когда мы играли в нашем убежище среди деревьев и ты повсюду носил с собой одноразовый фотоаппарат. А та, какой я была год назад. Не знаю, как и когда ты сделал этот снимок, но вот он.

Я сидела у стола для пикников. Был учебный день, но нас отпустили пораньше. Я не хотела идти домой, поэтому отправилась в парк. Почему я тебя там не видела? Почему ты ничего мне не сказал?

Я достала свой блокнот и начала неразборчиво писать в уголках страницы, как я всегда это делаю. Мне не нравится писать на разлинованной части листа, пока не придут правильные слова. Я заворачиваю фразы на поля, рисую стрелочки, чтобы обозначить неплохие мысли. Должно быть, мне попалась действительно хорошая, потому что на фотографии я сижу с карандашом в руке, смотрю на страницу и улыбаюсь.

Не знаю, о чем именно я думала или что прочитала. Не знаю, почему я не запомнила эту мысль, не берегла ее, ведь на фото мои глаза горят от эмоции, напоминающей удовольствие, а улыбка моя так расползлась, что я почти зажмурилась, я выгляжу...

Всякий раз, когда я произношу это слово, вслух или мысленно, у меня сжимается желудок.

Красивой.

Может, дело в том, как ты сфотографировал, как свет упал на мое лицо и залил его сияющим золотом, как мои веснушки неведомым образом придали мне более счастливый вид.

Не представляю, что за магию ты применил, чтобы сделать этот снимок. Жаль, что я не видела его раньше. Я хотела бы знать, как я могу выглядеть. Кем я могла бы быть.

Я хотела бы знать, как ты меня видишь.

У тебя красные глаза. Ты проводишь пальцами по фотографии. С трепетом и теплотой.

Я знаю, что такое прикосновение этих пальцев.

Это откровение шокирует меня, потому что, находясь здесь, в твоей комнате, я больше ничего не могу вспомнить. Я не помню, когда ты мог до меня дотрагиваться и зачем. Но, взглянув на твои руки, я знаю, что они нежные. Я знаю, что, хотя они мастерски обращаются с карандашом, они теряют свою уверенность, оказавшись на коже.

Я тяжело сглатываю и мечтаю ощутить их прикосновение сейчас.

Твои тонкие пальцы замирают у края фотографии. Ты сжимаешь челюсть, на твоём лице мелькает ярость. Ты сминаешь фото в ладони.

Разворачиваешься и швыряешь его в противоположную стену. Я встаю в полный рост и смотрю на место, куда упал комок. Я не замечаю, как ты поднимаешь стул, но слышу, как он врезается в стену из гипсокартона. От звука удара меня передергивает. Я закрываю уши. Как будто бы мои барабанные перепонки могут порваться. У тебя в руках гитара, и ты замахиваешься ею, как битой, и она ударяется о спинку кровати, ударяется о письменный стол, бьется о стену.

Ничто не в безопасности. Я оглядываю твою комнату, наполненную рисунками, различными безделушками, семейными фотографиями, и хочу все это спасти. У тебя есть снежные шары из разных стран, и я извиваюсь, чтобы заслонить их собой, но я всего лишь воздух. В них летит гитара. Ты не похож на себя. У тебя чужое лицо. Кого-то жестокого и грозного, сломленного и беспощадного...

Я тебя сломала? Эта мысль оглушает меня.

– Август! – кричу я твое имя, до боли, до отчаяния желая, чтобы ты остановился. Но ты меня не слышишь. Конечно, нет.

Ты выпускаешь из рук гитару. Твоя мама зовет тебя, и ты подбегаешь к двери, чтобы запереть ее. Ты спотыкаешься о разбросанные вещи и чуть не падаешь. Щелкнув замком, ты прислоняешь к двери голову и поднимаешь вверх ладонь с растопыренными пальцами. Ты скрепишь зубами, а из зажмуренных глаз начинают течь слезы. Ты краснеешь, и я боюсь, что ты взорвешься.

«Прости меня. Прости меня. Прости меня». Ты плачешь, трясешься, и я хочу избавить тебя от боли.

Ты бьешь кулаком в стену. Разворачиваешься и опираешься спиной на дверь.

С другой стороны стучится твоя мама, выкрикивая твое имя.

Ты не реагируешь. Просьбы простить тебя превращаются в вопрос: «Почему?» Ты повторяешь его снова и снова, как молитву, будто бы кто-то может дать тебе ответ.

Почемупочемупочемупочему. Вопрос пробирает меня до костей и звучит как обвинение. Мне следовало бы знать на него ответ. Я хочу положить ладони тебе на щеки и сказать правду. Правду, которую я не знаю, но очень хочу вспомнить.

Но до мозга своих пустых костей я знаю, что это не твоя вина. Мой мальчик Август, сотканный из солнечных лучей, светлячков и дней рождений.

Наконец ты замолкаешь, падаешь на колени и подползаешь к тому месту, где лежит на полу скомканная фотография.

Ты подбираешь ее, ревностно расправляешь и держишь в своих порезанных, окровавленных пальцах.

– Почему? – спрашиваешь ты снова.

«Почему?» Твои пальцы снова напоминают перышки, которые касаются моих щек так, словно ты можешь заправить выбившиеся пряди мне за ухо. Как будто я живу в фотографии.

Ты шепчешь мое имя, и это самое грустное слово в мире.

9

Мама,

я остаюсь рядом с Августом, пока он не засыпает посреди последствий устроенного им погрома, пока его мама наконец не прорывается в комнату. У нее красные глаза. Увидев сына, уснувшего в осколках стекла, она резко втягивает ртом воздух. Она не будит его. Обломки хрустят под каблуками ее туфель. В своей юбке-карандаше длиной до колена она сползает по стене и опускается на пол рядом с сыном. Возможно, она порезалась о стекло, потому что еще до того, как она коснулась пола, из ее глаз полились слезы. Август не просыпается. Кажется, горе – очень тяжелая и изнурительная ноша. Миссис Мэттьюс прижимает Августа все крепче и крепче к себе, словно если она его отпустит, сын исчезнет.

В этот самый момент я ухожу. Оставляя слезы позади. Я не бегу домой. Я иду. Я никуда не тороплюсь. При жизни мне казалось, что я одинока. Но где на самом деле одиноко – так это в смерти.

Я смотрю на свои голые ноги. Я скучаю по моим расписанным «Конверсам». На них маркерами были записаны цитаты моих любимых писателей. Помню, я нашла эти кеды в корзине секонд-хенда, когда мне было двенадцать. Они были слишком большими для меня, но я уже тогда знала, что хочу стать писателем. Поэтому всякий раз, когда я читала строчку, от которой у меня перехватывало дыхание, или натыкалась на фразу, которая заставляла меня верить во что-то большое и удивительное, я записывала их на «Конверсах». *Эти кеды проведут меня по тропинкам этого гадкого мира*, думала я. Когда мне исполнилось пятнадцать, кеды все еще были немного велики, но почти впору, и я начала надевать их каждый день.

Я снова у себя в комнате. Жаль, что я не могу уснуть, задвинуть подальше все свои вопросы. Время кажется спутанным и тянется слишком долго. Налитая цветом полная луна висит в небе. В моей памяти столько всего не хватает. Я чувствую, как многое из этого проплывает прямо у поверхности.

Я не смотрю ни на стул, ни на металлическую чашу с пеплом в углу. Но искушение не дает мне покоя. Я смотрю в окно и пытаюсь вспомнить. Отец храпит в соседней комнате. Я снова и снова перебираю уже имеющиеся у меня воспоминания. Неужели единственный способ шагнуть вперед, прочь

из этого лимба – это оглянуться назад? Но зачем?

Я сижу и думаю. Анализирую. До сих пор воспоминания имели хронологическую структуру и приходили ко мне в тот момент, когда я наблюдала за человеком, связанным с конкретным опытом. Если так будет и дальше, возможно, мне попросту нужно продолжать исследовать окружающий мир, продолжать искать, пока воспоминания не наполнят мою память и не встанут в нужном порядке. Это как веревочка, следуя за которой, я могу добраться до правды. Быть может, когда я узнаю все, я смогу пойти дальше.

Я слышу звук и понимаю, что это ты. Мама, твои всхлипывания поглощает и заглушает подушка. Когда плакал Август, его обнимала мама, но тебя обнять некому.

Я помню, как я тоже плакала в подушку. Я подхожу к тебе. Я вижу, как сильно спутаны твои волосы, и мне хочется расчесать их пальцами. Я хочу смыть с тебя твою горе, потому что оно заставляет меня чувствовать себя некомфортно, чувствовать себя еще хуже. Я хочу вычистить тебя до блеска. С головы до пят. Я хочу загнать все твои слезы в угол и запереть их там, и тогда я смогу смотреть на тебя, не ощущая боли в груди.

Но потом я вспоминаю о том, что ты всегда выглядела так, будто не вписывалась в крошечное пространство собственной кухни, в скомканный обрывок собственной жизни, и я задаю себе вопрос: не была ли я одной из тех, кто довел тебя до этого? Я сажусь на корточки.

Нет.

Нет, это отец расколол твою корону. Твои шоколадно-карие глаза открываются, и я заставляю себя глубоко заглянуть в них. *Скажи мне*, шепчу я. В этот раз без обвинений. В этот раз просто, чтобы понять.

Чтобы понять тебя и то, как ты превратилась из женщины, которую я видела в зеркале заднего вида, которая неотразимо улыбалась и смеялась, в женщину, которая больше не вписывается в свою жизнь. Может, это поможет мне осознать, почему я перестала вписываться в свою собственную.

И я словно толкнула дверь, и она открылась, и я увидела вереницу воспоминаний, которые рассказали мне слишком мало и слишком много в одно и то же время.

* * *

Ты не всегда работала в продуктовом магазине. Прежде чем начать носить красный фартук и униформу «Дикси», ты, как я помню, одевалась нарядно и элегантно. Думаю, ты работала в офисе. У тебя даже был

дипломат с бумагами. Ты забирала меня из школы на своем минивэне, сжимала меня в крепких материнских объятиях. Подъехав к дому, мы брались за руки и торжественно шли по подъездной дорожке. Каблуки твоих туфель цок-цок-цокали по полу. Мои кроссовки со светящейся подошвой не цокали, а, скорее, хлюпали.

– Как у тебя прошел день, милая? – спрашивала ты.

И я начинала болтать без умолку, рассказывая про Августа и его рисунки, про коллекцию жуков моей учительницы, про ручного кролика, живущего у нас в классной комнате, про то, как я учусь соединять буквы в словах. Ты слушала, и в нужный момент на твоём лице отображалось воодушевление. Пока я говорила, ты снимала туфли, массировала ступни, усаживала меня за кухонный стол, чтобы я раскрашивала или делала домашнее задание, и начинала готовить.

Когда к нам переехал отец, поначалу привычное течение нашей жизни не менялось. Он просто приходил домой с работы и вливался в его поток. На нашей кухне стал звучать баритон. Он опирался на столешницу и интересовался, что ты готовишь. Он целовал твою шею. Когда я демонстрировала раскрашенный мною рисунок, он отзывался: «Отличная работа, детка». Он вписывался. Он занимал пространство, но не пытался в нем доминировать.

Сперва ты почти не улыбалась. Ты внимательно за ним наблюдала, изучала его, как будто не была уверена, что хорошо его видишь. Но сменялись времена года, и наша жизнь протекала по-прежнему, и ты начала смеяться над его шутками и улыбаться, когда он обнимал тебя на кухне. Ты перестала каменеть всякий раз, когда он садился рядом со мной.

Отец был на голову выше тебя. Когда он прижимал тебя к себе, твоя макушка оказывалась у него как раз под подбородком. Казалось, что ты подходила для него так же идеально, как он идеально подходил для нашей кухни и жизни. Его плечи были шире, руки длиннее, и он заключал тебя в объятия, а ты закрывала глаза и вдыхала его запах.

Как-то раз ты жарила курицу, масло шипело и брызгалось. Вошел отец и спросил своим громогласным голосом:

– Как поживают мои девочки?

Он остановился в проходе и протянул к нам руки. Я спрыгнула со своего стула и добежала до него раньше. Это была гонка, победителя которой обнимали первым. Он опустился на колени, чтобы стиснуть меня в объятиях, а когда он отпустил меня, я побежала обратно к столу, чтобы закончить срисовывать подаренный Августом рисунок, изображавший гепарда в джунглях.

У меня никогда не получались такие же рисунки, как у Августа. Со временем я перестала пытаться их перерисовать. Вместо этого я стала придумывать истории, которые потом рассказывала ему. Но в тот день я все еще старалась воспроизвести все его движения и изобразить идеальные пятнышки, которые выглядели скорее как комки грязи на моем коротконогом и приплюснутом гепарде. Отец посмотрел на тебя и склонил голову набок.

– Хммм... – произнес он. Он обычно издавал этот звук, когда на кухне вкусно пахло или когда он прижимал тебя к груди, чтобы поцеловать.

Ты улыбнулась. Твои волосы были собраны в неаккуратный пучок, заколотый с помощью ручки. Ты переворачивала курицу в сковороде. Он не двигался, ты обернулась.

– Что?

Мой взгляд упал обратно на лист бумаги. Я раскрашивала и пыталась подобрать нужный оранжевый цвет. Я знала, какой оттенок мне был необходим. Как рассвет. Прямо как название нашей улицы.

– Никогда не замечал, что ты ходишь на работу в таких коротких юбках.

– Каких юбках? – усмехнулась ты. – Они почти до колена достают. Вовсе не короткие.

Он дразнил тебя своим голосом.

– От этих коленок мужики, наверное, с ума сходят.

Я не смотрела, но я знала, что отец обнял тебя. Его голос зазвучал ближе, но немного приглушенно от того, что он целовал тебя в шею. Забавно, что мы способны столько всего слышать. Движение. Жест. Чувства, скрытые в голосе или звуке.

Например, я поняла, что ты откинула голову назад. Что засмеялась, несмотря на то что я не видела этого. Смех был таким внезапным и громким. Как и всегда, когда ты не ожидала, что тебя рассмешат.

– Ой, прекрати.

В тот вечер он прекратил.

И наша жизнь потекла, как раньше. Все одно и то же изо дня в день. Но начали меняться мельчайшие детали. Едва заметные моменты.

Ты то и дело спрашивала, не видела ли я юбку. Искала пропавшую пару туфель. По возвращении домой отец вдыхал твой запах, потом спрашивал, почему от тебя пахнет одеколоном, а ты лишь недоуменно моргала в ответ. Потом ты обнюхивала себя и говорила: «Не понимаю, о чем ты говоришь, милый». И ты протягивала ему свое запястье, чтобы он убедился. Мне казалось, что от тебя пахнет клубникой.

Он спрашивал, почему ты улыбаешься без причины, и этот вопрос смешил тебя. Не так, чтобы ты откидывала голову назад и хохотала, а так, что ты сдавленно хихикала, пытаясь таким образом отгородиться от него. Он начал жаловаться на то, что ужинали мы поздно, он к этому времени был очень голодный, на то, что его мама успевала приготовить еду до того, как папа возвращался с работы. Все это говорила в перерывах между объятиями, поцелуями, сюрпризами в виде букетов цветов и скрывалось за нашими ежевечерними ритуалами.

Я не сразу заметила, как вместо того, чтобы держать меня за руку и слушать рассказы о моем дне, ты стала устремляться напрямиком на кухню. Или как ты начала смотреть на часы. Или как я перестала болтать за столом, когда появлялся отец, потому что знала, что он хочет тишины. Мельчайшие детали. Он вписался в течение нашей жизни. Но отец был подобно камню, который смог исказить его поток. И поначалу мы не заметили, как течение нарушилось.

Однажды у тебя не завелась машина. Она была старая. Я сидела на заднем сиденье, а ты ударила по рулю от досады. И вздохнула.

– Ну, детка, кажется, в школу мы сегодня пойдем пешком.

– Идем!

Я схватила свой портфель и выскользнула из детского кресла. Мы шли в школу, держались за руки и размахивали ими.

– Ты не опоздаешь на работу?

– Ага, опоздаю. Но ничего страшного. Я просто возьму часть работы с собой и закончу ее дома. Твой отец раньше работал в автомастерской, поэтому он сможет разобраться, что случилось с машиной. Я позвоню ему, когда вернусь домой, а потом вызову такси, чтобы добраться до работы.

Вечером из школы мы не шли пешком. Ты подъехала и махнула мне рукой из ярко-зеленого седана мистера «Грейсона».

– Смотри, Элли! Нас согласились подвезти.

В нашем городке не было такси. Для этого он был слишком маленьким. А мистер Грейсон был на пенсии, и у него появилась новая блестящая машина, и, если кого-то нужно было подвезти, стоило только позвонить ему. С зеркала заднего вида у него свисало четыре черных освежителя-елочки, и мне нравилось, как они пахли. Мне чудилось, будто мы богачи из фильма, у которых есть собственный водитель. Сиденья были черными и гладкими, а окна опускались и поднимались автоматически. Я играла с кнопкой и смотрела, как они ползают вверх и вниз. Ты смеялась.

Когда мы добрались до дома, ты заплатила мистеру Грейсону, а он приподнял перед нами свою шляпу и мохнатым, бородатым голосом

произнес:

– Хорошего вечера, дамы.

На подъездной дорожке не было твоей машины.

– Думаю, твой отец уже отвез ее в мастерскую...

И, конечно же, когда мы вошли, отец уже мыл руки на кухне. На них было что-то черное. Он поднял голову.

– Мои девочки! – улыбнулся он. И мы подошли, чтобы обнять его, а его все еще грязные руки оставались под струей воды из-под крана.

– Ты уже отогнал машину в мастерскую?

Он ненадолго замер, но не повернулся к тебе.

– Ага. Должна быть готова к этим выходным.

На твоём лице появилось облегчение.

– О, отлично. Мистер Грейсон – настоящий подарок судьбы, но я не смогу платить ему слишком долго.

Ты сняла туфли и поставила их у двери.

Но машину не починили ни к тем выходным, ни к следующим. Когда ты вслух высказывала свое недовольство, его ответы варьировались от «Скоро все сделают» до «Тебе вообще не нужно работать» и «Разве ты мне не доверяешь?». За ужином появилось ощущение напряженности, а кухня стала казаться слишком маленькой. Я начала рисовать в своей комнате. Я чувствовала движение. Происходящую перемену.

В один прекрасный день вся твоя рабочая одежда исчезла. Ничего не осталось. Ни туфель на каблуках. Ни юбок.

Ни блузок.

Ты взорвалась. Когда отец вошел в дом, ты начала кричать на него. Он замер. Просто стоял и слушал с выражением убийственного спокойствия на лице. Затем он сказал тебе, что продал твою одежду. Сказал, что продал твою машину, потому что не смог починить ее, а у тебя было недостаточно денег, чтобы оставлять ее в мастерской. Что тебе не было смысла продолжать работать.

Ты хлопнула ладонями по кухонной столешнице.

– Это не твое решение!

И тогда отец склонил голову и прищурил глаза. Распрямив спину, он медленно подошел к тому месту, где стояла ты.

– Все, что касается моего дома – мое решение, – сказал он, а его дыхание обожгло твою щеку.

Эта фраза прозвучала почти как дразнящий шепот. Но она таковой не являлась. Это было рычание.

В тот момент выражение твоих глаз изменилось. Ты внимательно

всмотрелась в его лицо, и они вдруг загорелись – ты его узнала. Я видела этого человека впервые, но ты – нет. И именно его ты высматривала все эти месяцы, его ты пыталась разглядеть, но потом забыла, что он был рядом. Ты перестала смотреть. Но в тот момент ты увидела.

Ты не кричала. Твой голос зазвучал под стать его – низкий, сумеречно-тихий.

– Думаю, тебе пора уходить.

– Ты думаешь... мне пора уходить. Дай-ка я тебе расскажу, что думаю я...

Он провел кончиками пальцев вверх по твоей руке, вверх по шее, а потом один, два, три, четыре его пальца сомкнулись на твоём горле и сжались. Ты стала неуклюже хватать его за руки, пытаешься отцепить их от шеи.

– Я думаю, что тебе следует быть хорошей девочкой и слушать меня.

Он прошептал это тебе на ухо, а потом отпустил. Ты хрипло закашлялась.

– Ш-ш-ш, ш-ш-ш, ш-ш-ш.

Он бережно тебя обнял и начал убаюкивать, чтобы успокоить, чтобы не потерять. Он был мягким и нежным, когда держал тебя в руках. Как будто он пытался укачать тебя, чтобы ты уснула. Но я видела твои глаза.

Они были широко распахнуты.

Жестокость отца ударяла по нам, когда мы меньше всего этого ожидали. В промежутках между совместным просмотром фильмов по вечерам и субботними блинчиками. Его смех сотрясал наш дом, но были дни, когда нам приходилось ходить на цыпочках, потому что у него не было настроения и мы боялись спровоцировать взрыв. Со временем ситуация ухудшилась, а на полках в кладовой начали собираться внушительные запасы виски. Твои улыбки и смех стали казаться пустыми. Ты смотрела, как он входил в дом, обнимала его, целовала, но, как только ты отворачивалась, твоё лицо менялось.

Наш дом обветшал. Краска потрескалась и обваливалась, на ламинированной столешнице, в кухонных шкафчиках с прогнувшейся нижней частью корпуса, в диванах образовывались дырки, а цветы будто поникли. Когда-то это совершенно не имело значения; это все равно был дом. Но шли годы, и стало казаться, что дом рассыпается изнутри и снаружи, прямо как наши фальшивые улыбки.

Жизнь больше не менялась постепенно – с громким хлопком она разделилась на «до» и «после».

Однажды по пути домой ты спросила меня:

– Элли, правда было бы здорово, если бы из нашего окна было видно горы?

Ты оглядывалась по сторонам, изучая наш район, и словно видела что-то кроме заколоченных дверей, огражденных решетками окон и ржавых качелей на детских площадках во дворах, которые забросили годы тому назад.

Я обожала горы. Мне нравилось, как болела моя грудная клетка и ноги, когда мы поднимались по тропам, нравились вершины, взобравшись на которые казалось, что тебе видно весь мир, пока ты сидишь там, скрестив ноги, и поедает арахисовую пасту и варенье. Но я смотрела на наш район и не видела ничего, кроме ржавчины и жухлой травы. Я не видела той чудесной картинке, которую ты придумала и созерцала своими глазами.

– Мама, здесь нет гор.

Ты немного помолчала, а потом посмотрела на нашу подъездную дорожку.

– Ты права. Здесь нет гор. Но что, если мы отправимся за ними в погоню? – Ты посмотрела на меня, на губах твоих промелькнула улыбка.

– Было бы здорово! Приключение.

– Именно, красота моя. Наше собственное маленькое приключение.

Ничего больше не говоря, мы поднялись по лестнице.

Отец был дома. Я подбежала к нему, и он обнял меня так крепко, что моя грудная клетка оказалась сжата, а в легких не хватало воздуха.

– Отец! Мы собираемся гоняться за горами! – завизжала я, чуть ли не подпрыгивая на его колене от восторга.

Он поднял брови.

– Что, правда? И как мы собираемся гоняться за горами, куколка?

– Мы отправимся в приключение, глупенький. Мы могли бы поехать...

– Но у мамы нет машины...

– Мы могли бы полететь! Или пойти пешком! Я могу долго идти.

Я выпятила грудь. Я была уверена, что это будет самое лучшее приключение.

– И чья это идея, устроить это небольшое приключение?

– Мамина!

– Элли... – Твой голос был мягким, но в нем звучали предостерегающие нотки. Я же была в таком радостном возбуждении, что не заметила их.

– Она сказала, что мы можем жить в доме, где прямо из окна видны горы и...

– Неужели? – отозвался отец.

– Элли... – одновременно с ним сказала ты.

Я думала о картах сокровищ, огромных окнах и горных вершинах. Я не заметила, как в комнате закончился воздух, как вы с отцом смотрели друг на друга. На острие бритвы. В шаге от боевых мин на паркете, о которых я совсем позабыла.

– Иди наверх, Элли, – сказал отец.

Я побежала наверх, перепрыгивая через ступеньки и напевая по пути к своей комнате. Вентиляционное отверстие в моей спальне выходило на кухню. Я улеглась на него и стала подглядывать. Я видела не все, но достаточно.

Ни ты, ни отец не сдвинулись с места. Вы уставились друг на друга. Я думала, что вы оба будете радоваться, но над вами что-то нависло, и мне вдруг стало совсем не по себе. Я перестала отбивать ногами ритм и напевать.

– Горы, значит?

– Абель, мы просто фантазировали. Просто замечтались, пока шли домой.

Отец потянулся к стакану с виски – я даже не заметила, что он стоял на столе, – и опустошил его.

Я посмотрела на тебя; ты со всей силы зажмурилась.

Отец встал, его стул, поскрипывая, покатился по полу.

Пощечина была подобна удару грома.

Отец нависал над тобой. Ты прижимала ладонь к щеке. Твои плечи дрожали от частого дыхания, а потом твой взгляд взметнулся вверх, к потолку, и ты посмотрела на меня сквозь вентиляционное отверстие. Я уже поднималась на колени, чтобы побежать на первый этаж, проверить, все ли с тобой в порядке. Но ты едва заметно качнула головой, и я поняла, что мне нужно оставаться на месте. Мне пришлось просто смотреть – я ничего не могла сделать. Я затаила дыхание.

Отец взял тебя за волосы и уткнулся носом в твою шею.

– Не думай, что я не знаю тебя, Регина. Ты уже однажды бросила меня. Больше ты от меня не уйдешь.

Ты закрыла глаза и слабо кивнула. Он понизил голос:

– А если ты попытаешься, Регина, клянусь, если только попробуешь погнаться за горами или за мечтами... я отправлюсь за тобой. Я найду тебя. И ты пожалеешь, что ступила за порог этого дома.

Потом он тебя поцеловал с тем лишь, чтобы, оторвавшись от твоих губ, сказать:

– Ты моя, и ты никуда от меня не денешься.

И мы никуда не поехали. В тот день ты впервые нарисовала себе кукольное лицо. Насилие тайком прокралось в наш дом, и все, что мне оставалось, – это отводить взгляд и прятаться. Захват. Пощечина. Толчок в стену. Он избивал тебя, а после того, как ты закрывалась в ванной, включала душ, чтобы тебя никто не слышал, и пыталась перестать задыхаться от слез, он возвращался и гладил тебя по волосам. Он нашептывал извинения и тыкался носом в твою шею. Он давал обещания, которые никогда не сдерживал, а ты фыркала, но все равно слушала его, чтобы он подольше гладил твои волосы.

Отдать себя всю легко. Ты делаешь это постепенно, день за днем, пока у тебя в руках не остаются лишь собственные кости. И ты спрашиваешь себя, как так вышло, что у тебя все забрали, а ты даже не заметила. Ты красила свое лицо, потому что это помогало тебе притворяться. Ты красила свое лицо, чтобы из зеркала на тебя не смотрела ложь.

– Мама, почему я не могу уйти? – спросила я однажды из-под одеяла. Ты гладила меня по голове.

Ты остановилась и глубоко вдохнула.

– Однажды ты сможешь. Я обещаю. – Ты говорила вполголоса, а увидев выражение моего лица, ты продолжила шептать: – Когда я впервые встретила твоего отца, я влюбилась в него. Я и не думала, что он способен обидеть меня. Но когда я забеременела тобой... он изменился. Он стал жестоким. Он стал... все контролировать. Он напугал меня, и я сбежала. Но я не знала, что он будет меня преследовать. Преследовать нас. Куда бы мы ни поехали, он следовал за нами по пятам. А когда он наконец нашел нас здесь, мне показалось, что он изменился. Но я ошиблась. Ужасно ошиблась. Когда мы будем уходить, мы должны быть готовы. Готовы к тому, что бежать придется далеко. Я даже боюсь представить, что он сделает, если найдет нас снова.

* * *

Я теряю равновесие. Нить воспоминаний опутывает мое сердце и затягивается вокруг него так сильно, что, кажется, остаются порезы. Сейчас я не могу дотронуться до твоей щеки, но помню, как ты гладила мою, когда я засыпала тем самым вечером. Вечером, когда среди тьмы загорелось твое обещание.

Это была всего лишь колыбельная, чтобы успокоить меня. Но вот засыпаешь ты, часто и неглубоко дыша, и некому тебя успокоить. Я слышу, как скрипит дверь в мою комнату и заходит отец. Мне хочется выставить его, бить кулаками в его грудь, но он беспрепятственно

подходит к моей кровати, берет тебя на руки и несет по коридору в вашу спальню.

Ты либо не просыпаешься, либо притворяешься спящей. Боль следовала за нами, как тень. А теперь я, подобно тени, слеую за своей жизнью.

10

Слова,

вспоминаю первый раз, когда я подумала, что смогу изменить наши жизни, – и это случилось благодаря вам.

Вы не всегда легко слетали с моего языка. Когда я была маленькой, я меняла местами буквы и неправильно произносила слоги. Во втором классе я в порыве бурлящей ярости с грохотом захлопнула книгу, потому что у меня не получилось прочитать вас. Я сидела в школьной библиотеке – по расписанию час в день мы должны были проводить за чтением. Это был худший час в школе, и мне не нравилось чувствовать себя глупой и неполноценной.

Библиотекарь заметила мой враждебный настрой по отношению к одной из ее любимых книг, подошла и села рядом со мной. У нее было узкое лицо и мощная челюсть, идеально подходящие для человека, который постоянно всех отчитывает. Я приготовилась к худшему. Но она всего лишь постучала пальцем по книге и сказала:

– Когда я была маленькой, мне было сложно читать.

– Правда?

Я не ожидала такого признания. Я посмотрела на нее снизу вверх. Ее взгляд был мягким и открытым, а ее грубые черты преобразились и даже стали казаться нежными. Она кивнула.

– Я постоянно забывала звуки, которые дают буквы, становясь рядом друг с другом, и ненавидела книги.

Я моргнула.

– Но... но вы же библиотекарь.

– Да, – улыбнулась она. – И знаешь почему?

Я отрицательно покачала головой.

– Потому что я разгадала секрет слов.

– Какой секрет? – Я подалась вперед в ожидании.

Она улыбнулась, будто заговорщицки, и нагнулась поближе.

– Они волшебные.

11

Август,

на следующий день я прихожу к твоему дому. Я стою на улице и знаю, что ты внутри. Из открытого окна твоей спальни доносится музыка. Я никогда не слышала такой нежной музыки. Она похожа на падение, словно ноты могут плакать и затягивать тебя с собой на дно.

Я хочу упасть к тебе в объятия, Август. Я хочу, чтобы воспоминания, до которых я не могу дотянуться, приблизили меня к тебе. Чтобы я смогла понять. Потому что если все, что у меня осталось, – это тонкий ручеек воспоминаний, за медленным течением которого я следую вперед, я знаю, что наше общее прошлое станет для меня твердой опорой.

Я закрываю глаза и наслаждаюсь музыкой, и слышу в ней тебя, твоё спокойствие, умиротворение и мягкость. Через несколько мгновений я узнаю мелодию. Меня и раньше уносило медленное течение этих нот. В место для фантазий и мечтателей.

И тут я вспоминаю, что именно я показала тебе это место. *Наше* место.

* * *

Нам было по семь лет. Я нашла его, когда решила срезать путь через двор Бритни и попыталась залезть на самое высокое дерево, растущее неподалеку от стоящих в ряд домов. И заметила укромный уголок с фиолетовыми цветами и низко спускающимися ветками, по которым можно было лазить. Вокруг лежали поваленные бревна, напоминающие военные блиндажи. Место было идеальным.

Как только оно попало мне на глаза, я поняла, что хочу показать его тебе.

Я держала тебя за узкую ладошку, на которой не было мозолей, и тащила за собой. Ты очень вытянулся и еще не научился управляться со своими конечностями, поэтому спотыкался о каждую попавшуюся веточку или кустик. Когда ты падал, я смеялась, и ты всякий раз смотрел на меня притворно-свирепым взглядом.

– Давай скорее! – дразнила я.

Твои огромные глаза-блюдца ничуть меня не разочаровали. Как только мы вышли на поляну, они стали в пять раз больше.

– Ого, Элли! Это же идеально!

Я отпустила твою руку и с разбегу запрыгнула на бревно.

– Я же тебе говорила! – Я прошла по бревну, вытянув руки в стороны для баланса. – Это может быть нашим тайным местом. Мы можем тут править.

– Как король и королева? – спросил ты, обходя по кругу полянку и восхищаясь ею.

– Нет, как воины. – Я прыгнула прямо на тебя и повалила. – Элли Уокер отправляет в нокаут Августа Мэттьюса всего одним... – Но я не успела закончить, потому что ты сбросил меня на землю и, сев сверху, схватил за руки и стал лупить моими же кулаками.

Ты продолжил говорить за меня:

– Но вдруг Элли, обезумев от отравления вызывающим мутации ядом, начинает наносить удары себе в...

– Почему в твоих историях всегда есть вызывающий мутации яд? – сказала я, сопротивляясь что было мочи, чтобы не хлестать себя по щекам.

– Не во всех – только в самых лучших.

Я закатила глаза. И попыталась скрыть улыбку. Укромное местечко в лесочке на окраине района Фэрфилд стало нашим убежищем на долгие годы. Именно здесь я впервые поняла, что можно создать новый мир и жить в нем. Что можно забыть про мерзость и реальность и смеяться до боли громко. И мне нравилась эта боль. И только в нашем маленьком убежище я могла ее почувствовать.

Вскоре после того, как ты повалил меня на лопатки, я попыталась извернуться и освободиться.

– Это все, на что ты способна, Уокер? – спросил ты.

У тебя не хватало одного зуба, потому что ты упал с турника и выбил его. Из-за этого ты выглядел совершенно очаровательно и обезоруживающе. Я подтянула коленки к груди и оттолкнула тебя ногами. Ты плюхнулся в грязь и мох у корней платана.

– Кажется, нет.

С ревом ты помчался на меня, чтобы снова завалить. Я сделала ложный выпад влево, а потом повернулась вправо. Ты бесславно с громким хлопком упал на колени. Меня разобрало от смеха. Ты бросил на меня яростный взгляд через плечо, но в тебе не было злобы, хотя ты и пытался иногда ее изобразить. Практически тут же уголки твоего большого рта поползли вверх. Когда я встала, ты уже всюю хохотал.

– Ладно. Будем считать, что это ничья.

– Ничья? – фыркнула я, намекая на то, что в этом раунде есть очевидный победитель.

– Так и быть. Ты победила. Правило А-Э.

– Точно, – усмехнулась я.

«Правило А-Э» было кодовым словом. Ты согласился устраивать поединки в лесу только при условии, что я никому не расскажу, если уделаю тебя. Это был наш секрет. Мы были супергероями, воинами, обитающими в лесу между рекой и окраиной микрорайона. Мне тогда нравилось играть с палками, притворяясь что есть мочи. Я была воинственной.

Я посмотрела вверх на небо. Солнце начинало прятаться за горизонт, и я напряглась.

– Мне нужно домой.

– Ой, да ладно. Мы сегодня поздно вышли. Погуляй еще часик.

– Мне влетит.

– Не будь трусишкой. Что такого в том, что тебя для разнообразия отругают?

Я отвернулась от тебя и посмотрела на небольшой ручей. Это была тоненькая струйка воды, впадающая в реку. Я знала, что ты имеешь в виду под словом «отругают». Я видела, как твоя мама отводила тебя в сторонку, тыкала в тебя пальцем и строгим голосом говорила: «Ты наказан – три дня будешь сидеть дома!» На самом деле это означало, что через день ты уже выйдешь гулять. К тому же ты все равно мог смотреть телевизор и приглашать друзей в гости. Я сомневалась, справедливо ли вообще называть это наказанием. Но я на тебя не обижалась. Я одновременно и завидовала и радовалась за тебя.

Тебе не нужно было приходить домой до семи часов вечера, чтобы смыть с себя все улики. Тебе не нужно было приходить домой, молча сидеть за столом и чувствовать, как по спине стекает пот от того, что ты гадаешь, сколько уже успел выпить твой отец.

– Я пошла, – сказала я и ушла, не оборачиваясь. Мне было грустно и страшно идти домой, но еще я сердилась, потому что ты подумал, что я трусиха.

– Ну, Уокер... ну еще чуть-чуть.

Я побежала. Я не хотела, чтобы ты меня уговорил. Если я опоздаю, он снова побьет маму. А у нее до сих пор не прошел синяк, который появился два дня назад, когда я пролила молоко. В нем смешались желтый, черный и другие неестественные цвета. Я подумала, что даже ее тело понимает, что происходит нечто неправильное, и не хотела снова стать причиной цветения ее кожи.

Я побежала еще быстрее, когда услышала, что ты несешься следом и пытаешься догнать. Я редко побеждала в наших драках, но мне всегда

удавалось тебя обогнать. Я разгонялась еще сильнее и вскоре увидела жилой микрорайон. Я срезала через двор Перси и оказалась на тротуаре. Я знала, что ты уже не бежишь за мной. Я не слышала, как ты отстал. Наверное, ты остановился еще на границе леса. На пороге нашего мира, населенного героями и мечтами. Ты мог остаться там подольше.

А я – нет.

Я вернулась вовремя. Вымылась. Чисто-чисто. Не издавала звуков. Воздух был тяжелым. Дом, казалось, сдавило. Ни слова. *Будь хорошей девочкой*, подумала я.

Позднее этим вечером отец пил виски, и я слышала рычание его голоса и приглушенный шепот мамы. Отец кричал. Мне показалась, что он произнес мое имя, но я накрыла голову подушкой, чтобы не слушать. Мама никогда не плакала. Я – всегда. Я надеялась, что однажды я тоже научусь не плакать. Я вытерла рукой нос. На ней остались сопли. Я оглянулась в поисках салфетки или бумажного полотенца. Ни того, ни другого под рукой не оказалось.

Я не пошла в ванную. Я заглянула в ящик, вытащила оттуда носок без пары и вытерла им руку. Я не переделась в пижаму. Я забралась обратно в свой кокон из одеяла и уснула.

На следующее утро я попыталась выйти из комнаты, но дверь оказалась закрыта. Ее можно было запереть только изнутри, и я этого не делала. Кто-то заглянул ко мне, повернул замок и захлопнул за собой дверь.

Мама закрыла меня, чтобы огородить от опасности.

* * *

В нашем небольшом убежище всегда было безопасно. Именно туда мы оба сбегали, чтобы поиграть и почувствовать себя свободными.

Я помню, что именно там я начала рассказывать свои истории. Нам было по десять лет.

Ты тяжело вздохнул, когда зашел на нашу полянку.

– Я их ненавижу!

Я не подняла глаз.

– Кого?

Ты плюхнулся на землю рядом со мной, угодив прямо в заросли одуванчиков. Я чуть не ударила тебя по руке за то, что ты их погубил, но я не смогла отвести взгляд от их семян, которые парили в воздухе, подсвеченные лучами солнца. Как маленькие мечты с пушистыми парашютами. И я загадала желание, хоть и не сдувала их.

– Моих родителей!

– Ты не ненавидишь своих родителей?

– Ненавижу.

– За что?

Я была знакома с твоими родителями. Они ходили в отглаженной одежде, укладывали волосы гелем и улыбались почти так же широко, как и ты (никто не мог переплюнуть твою улыбку).

Они называли меня мисс Элли, как будто я была уже взрослой. Мне они нравились.

– Потому что они такие древние. И скучные. Знаешь, они совсем меня не понимают. – Ты стал ковырять покрывшуюся корочкой ранку на коленке.

– Перестань. – Я ударила тебя по рукам. Ты посмотрел на меня так, словно я отвесила тебе пощечину. Я закатила глаза. – Останется шрам, если отодрать корочку.

О шрамах я знала все. И я не хотела, чтобы у тебя они тоже были.

Ты шумно выдохнул.

– В общем, я кое о чем просил их две недели, а они все тянули и молчали. Наконец-то мне удалось уговорить их дать ответ, и они наотрез отказали мне. Все это время они знали, что скажут «нет», но все равно заставляли меня ждать!

Я заметила, как твое лицо исказилось от злости.

– На что они сказали «нет»?

– Они не разрешают мне поехать в творческий лагерь этим летом.

Я села ровнее. Совсем недавно ты выиграл в художественном конкурсе. В школьных коридорах теперь висят твои картины. У тебя куча блокнотов, и страницы каждого из них пестрят затейливыми карандашными рисунками. Два года ты говорил о своей мечте поехать в творческий летний лагерь в город. И наконец ты достиг возраста, когда тебя могли туда принять.

Возможно, мне тоже не нравились твои родители.

– Это так глупо!

– Я знаю!

Поездка в творческий лагерь означала, что тебя не будет дома шесть недель. Когда ты впервые об этом заговорил, я рассердилась, потому что знала, что буду скучать по тебе. Но я вовсе не хотела, чтобы тебя лишили твоей мечты. Твое место было там.

– Нужно придумать способ, как ты сможешь туда поехать.

– Невозможно. Путевка в лагерь стоит девятьсот пятьдесят долларов. Откуда я возьму такие деньги?

Здесь мне хотелось бы вспомнить, как мы разработали гениальный план, как все соседи сплотились, чтобы поддержать тебя, а потом мы с тобой в слезах распрощались, и ты укатил в лагерь. Так могло бы быть в кино. Но мы не были героями фильма. Я придвинулась ближе и положила голову тебе на плечо. Ты выдергивал семена из цветов одуванчика: зажимал пучок между пальцев, вырывал его и кидал в траву рядом с собой. Было непохоже, чтобы ты загадывал желания. Скорее, ты выбрасывал их.

– Расскажи мне что-нибудь, – шепотом попросил ты.

В следующие несколько месяцев это превратилось для нас в игру. Я рассказывала тебе истории, а ты рисовал мне картинки, вселяющие надежду на будущее. С помощью слов и карандашей мы пережили этот нелегкий для нас период. Иногда события, испортившие твой день, казались такой мелочью по сравнению с синяками на моей спине. Но все равно я хотела забрать всю твою боль, даже если я ее не понимала, просто потому, что я не хотела, чтобы она была твоей.

– Однажды...

– Нет, начни с «когда-то, давным-давно».

– Зачем?

– Разве не так начинаются сказки? Так будет понятно, что нас ждет хороший конец.

Я не стала говорить тебе, что не у всех сказок хороший конец.

– Когда-то, давным-давно, – начала я.

Ты слушал, закрыв глаза, как я рассказывала историю о мальчике. Он рисовал предметы, а они превращались в настоящие. Разукрашенная дверь вела в удивительные места. На нарисованную звезду можно было забраться и свесить ноги в океан неба. Семена акрилового одуванчика исполняли любые твои желания. Волшебный мальчик с кисточкой, над которым все смеялись, пока не увидели, на что он способен.

В конце ты улыбался. Ты открыл глаза и стал осматривать окружающие островки травы.

– Что ты ищешь? – спросила я.

Ты сорвал пушистый одуванчик.

– Однажды мы оба выберемся отсюда, Элли.

– Мы оба выберемся отсюда, – повторила я, потому что иногда необходимо сказать что-то вслух, даже если ты не уверен, что это сбудется.

– Давай вместе подуем на этот одуванчик. – Глаза-блюдечки. Широкая улыбка. – Если все парашютики улетят, значит, наше желание сбудется.

Я отпрянула. Мне не хотелось дуть на цветок. Мне не хотелось зажмуривать глаза, делать глубокий вдох только ради того, чтобы открыть

глаза и увидеть, что семена никуда не улетели, а остались на месте и посмеиваются над моими нереальными мечтами. У меня такое уже было. Я не хотела знать, что желание не сбудется. Но ты поднес цветок к моим глазам, горящим безумной и светлой надеждой, и начал обратный отсчет.

– Два.

Подожди.

– Один.

Закрываю глаза и думаю, что есть мочипокане становится больно.

Открываю глаза.

Семена-парашюты надежды взмыли в воздух.

Одуванчик стал совершенно лысым. Мы оба с улыбкой разглядывали его.

* * *

Август, я не очень хорошо помню, когда я вычеркнула тебя из своей жизни и забыла о наших обещаниях. Каждое новое воспоминание накрывает меня с головой, и я чувствую горечь сожаления. Я захожу в твой дом, поднимаюсь по лестнице. Дверь в твою комнату теперь закрыта, но меня это не останавливает.

Ты не ходишь в школу. Не выходишь из своей комнаты. Ты лежишь на полу среди устроенного тобою разгрома и смотришь в потолок. Я ложусь рядом. Когда я это вижу, у меня перехватывает дыхание. К потолку прикреплен холст.

Ты нарисовал меня так, словно я небо, а мои веснушки – созвездия. Ты нарисовал меня свободной, невиданной. Ты нарисовал меня, и мне хочется встать и дотронуться до каждого мазка. Когда я поднимаюсь на ноги, я замечаю бледные белые цифры в уголке.

День, когда ты нарисовал эту картину. И этот день был на прошлой неделе.

От этой мысли у меня что-то щекочется в груди: воспоминание или чувство, но я не могу поймать его.

Я тогда еще была жива. Ты нарисовал меня среди звезд, словно я могла сравниться с ними в красоте.

12

Магия,

в комнате Августа я замечаю небольшую записку, текст которой

написан золотым фломастером и моим почерком. Я могу разглядеть только первую строчку.

Когда-то, давным-давно...

Мне следовало рассказать Августу правду о сказках со счастливым концом.

Но когда я вижу эту записку, я вспоминаю, что когда-то верила в магию.

И эта вера продолжила существовать, воплощенная в золотом цвете.

В магазинчике «У Шелдона» в центре города продавались золотые фломастеры. Они лежали на витрине, переливаясь ярким металлическим блеском, и их можно было протестировать на черной бумаге. Я ходила туда каждый день после школы, просто чтобы подержать фломастер в руке. Он совершенно по-особенному ощущался на бумаге, как будто я делала мазок кистью. Словно нежный поцелуй. Контраст между золотыми блестящими линиями и густой чернотой бумаги выглядел волшебно.

Я хотела овладеть твоей силой.

Я хотела, чтобы мои истории и слова пропитались переливающимся золотом и вырастили крылья.

Ручки были абсолютно обычными. Они лежали на пластиковой подставке, а на черной бумаге рядом с ними красовались ругательства, чьи-то инициалы и фривольные каракули. Городские детишки приходили сюда, чтобы побаловаться с новыми наборами ручек, но никто из них не умел пользоваться их магией. А я умела.

Фломастер стоил всего три доллара семьдесят девять центов. Но у меня и столько не было. В моем распоряжении имелись лишь две руки, пара глаз и одно сердце. Я вышла из магазина с фломастером в кармане. Я его украла.

Это было неправильно. И я это знала. Мне казалось, что из-за этого проступка у меня чесалась ладонь. Будучи уже старше, я оставила на прилавке деньги для Шелдона. Он не знал, что я украла фломастер, но это не имело значения. Я знала.

Я все равно им пользовалась.

Я писала им грустными ночами, когда хотела унять боль в сердце, и с его помощью создавала новые миры вместе с Августом.

От магии пощипывало кончики пальцев.

Пока линии не тускнели и не высыхали на бумаге, я могла держать твою силу, твою свободу в своих руках.

13

Мама,

мне была необходима эта магия, чтобы пережить то, что произошло позднее в том же году. Фломастер лежал у меня в рюкзаке, когда это случилось. Казалось, что половицы и дверные проемы пропитались злостью отца. Мы чувствовали ее повсюду, затаившуюся, голодную.

Как-то раз, когда мне было одиннадцать, отец работал допоздна и не должен был вернуться раньше полуночи. Когда я переступила порог дома, я увидела пакеты с продуктами. Пахло чем-то сладким.

– Мама, что...

Ты появилась у дверей кухни, на губах у тебя сияла улыбка. Твоя футболка была запачкана мукой. «Ты закончила четверть с одними пятерками, голубка. Это нужно отпраздновать». Под слоем косметики проглядывали старые синяки, но твои влажные глаза светились нежностью и теплом.

Несмотря на то что отца не было дома, я вошла медленно, прислушиваясь к скрипу деревянного пола и стараясь не выдать своей бурной радости и, таким образом, все не испортить. Ты почувствовала мои опасения: но не успела я и рта открыть, чтобы тебя отговорить, как в меня полетела горсть муки. Я опустила голову и посмотрела на белое пятно на своей футболке. Я подняла голову и увидела, как ты с невинным лицом машешь мне испачканной в муке рукой.

Меня разразило приступом смеха, и это было так неожиданно, что сначала я даже закрыла рот рукой. Я кинулась на тебя.

И началась сахарно-мучная война. Мы вели себя совершенно нелепо и по-детски. Так прошел час. От тебя пахло жженым сахаром и всем тем, по чему я так сильно скучала. Наша кухня превратилась в усыпанную мукой и покрытую глазурью зону боевых действий, и пощады не было никому. Вместо каски на твоей голове был надет дуршлаг, а на моей – миска. Я находилась у одного края кухонного острова, а ты стояла на коленях у противоположного.

– Раз, два, три...

– Вперед! – сказала я, выпрыгивая из своего укрытия и хватая щедрую пригоршню муки, чтобы швырнуть ее в тебя. Ты изобразила ужас на лице, будто бы я застала тебя врасплох.

Ты бросила в меня конфету.

– Я еще до тебя доберусь! – пропищала ты голосом тролля, а потом

встала, расставила руки в стороны и начала за мной гоняться. Пол был усыпан мукой, а у меня болели бока от смеха.

Мы не слышали ни как подъехала машина, ни как открылась дверь. Отец должен был быть на работе еще несколько часов. Мы считали, что маленький домик в конце Сансет-стрит полностью в нашей власти. Я хохотала, и тут внезапно почувствовала, что ты замерла.

И тогда я услышала нечто. Это было похоже на рычание, но исходило от человека. Я испугалась и посмотрела в сторону двери.

– Что это еще такое?

– Абель, я не знала, что ты придешь с работы раньше. Я собиралась все убрать до твоего возвращения.

Ты окинула кухню взглядом и поморщилась от царящего беспорядка.

– Я смотрю, вы совсем от рук отбились. – Отец не кричал. Он стоял, опершись на дверной косяк. – Что же мне с вами делать?

Он выглядел обычно. Но когда я посмотрела на него, я испугалась. Мне никогда не было страшно в собственном доме до того, как он переехал к нам. Мне нравилась темнота, я играла в подвале и не пользовалась ночником. Я была смелой. По крайней мере, ты так говорила. Но храбрость покидала меня, когда я смотрела на отца. Я казалась себе крохотной.

– Прости, Абель. Я прямо сейчас начну уборку. – Ты встала и шепотом сказала мне: – Иди в свою комнату.

Ты взяла меня за руку и подтянула к себе, чтобы я, оказавшись у тебя за спиной, прошмыгнула к двери. Я не сопротивлялась. Мне хотелось быть как можно ближе к тебе. Это была наша вина. Весь этот бардак. Я не хотела, чтобы ты оставалась одна.

Ты бросила на меня испуганный взгляд, а потом обратилась к отцу:

– Ты хочешь есть?

Он отошел от двери и медленными шагами приблизился к тебе, пока его лицо не оказалось в сантиметре от твоего.

– Мне не нравится, когда моя женщина так себя ведет, Регина. – Он поднял руку и дотронулся до твоей щеки. – И ты это знаешь.

Отец на секунду отвел от тебя взгляд и посмотрел на меня. Он казался гигантом.

– Элли, ты знаешь, что мы делаем с девочками, которые не слушаются?

Затем он мне улыбнулся.

Я почти собралась с мыслями, чтобы ответить, но тут он замахнулся, и его рука с хрустом врезалась в твое лицо. Я закричала, а ты упала на колени. У тебя из носа шла кровь. Я присела рядом и обняла тебя.

– Мама!

Ты пыталась меня оттолкнуть, но я держалась так крепко, как только могла. Меня оттащила грубая рука, я развернулась, пытаюсь отбиться от гиганта.

– Я тебя ненавижу! – орала я. – Ненавижу!

Быстрым движением он расстегнул пряжку ремня и вытащил его из петель.

– Нет, Абель, не надо!

Я слышала, что за моей спиной ты с трудом поднялась на ноги, но было уже слишком поздно. Меня ударили ремнем. Потом еще. Я закричала. У меня подогнулись колени.

Ты бросилась ко мне и закрыла меня своим телом, подставляя ему спину.

Я дрожала в твоих руках. И вскрикивала от каждого удара. Они были уверенными, точными и не прекращались. С каждым ударом ты сжимала меня сильнее.

И вдруг ремень остановился.

Отец крикнул и вернул его на место. Он присел рядом с нашими трясущимися телами и прошептал:

– А теперь уберите здесь все.

Он вышел из комнаты. На подошвах его ботинок осталась мука.

Ты села, тяжело дыша. Аккуратно погладила меня по спине и вполголоса спросила:

– Как ты, мой птенчик?

Я моргнула. Ты в первый раз назвала меня так, но я все равно кивнула.

– Все в порядке, мама. Но ты...

Я потянулась, чтобы посмотреть на твою спину, но ты не позволила.

Ты быстро кивнула:

– Все хорошо, голубка. Поднимайся в свою комнату. А тут уберусь.

Так я и сделала. Я заснула до того, как ты зашла ко мне. Посреди ночи что-то меня разбудило. Это был тихий и отрывистый звук. Я поднялась, бесшумно вышла в коридор и приоткрыла дверь в ванную. На первом этаже все еще работал телевизор. А тут стояла ты без футболки и смотрела в зеркало. Твоя спина выглядела ужасно – вся в крови и гематомах. Ты плакала в ванной. Я хотела зайти и спросить, можно ли тебя обнять, но что-то подсказывало мне... что я не должна была тебя видеть такой.

И я оставила тебя наедине с твоими слезами.

Магия,

я верила в тебя, но бывали моменты, когда я очень нуждалась в тебе, а твои фломастеры оказывались засохшими.

15

Мама,

я возвращаюсь домой в темноте и слышу, как издалека доносится рокот грома. Ему меня не напугать. Я стою у ступеней нашего крыльца. Оно приветствует меня, надежное и уставшее. Я кладу руку на перила. Теперь воспоминания возвращаются легче. Они знают, что я оставлю глаза открытыми. Знают, что я не отведу взгляда.

* * *

Я вспоминаю другой день на этом крыльце. Ты смотрела на небо, а я сидела на ступеньках по ту сторону двери с москитной сеткой и наблюдала за тобой. В одной руке у тебя была сигарета, а другой ты подпирала голову. Я ненавидела запах дыма. Раньше от тебя пахло жимолостью, как в детстве, когда я была ребенком и мы отправлялись за приключениями, и жженым сахаром, когда ты готовила вкуснейшую выпечку по своим южным рецептам.

Но у нас больше не случилось ни приключений, ни сладостей в духовке. Все заполнил запах отца, и в конце концов ты стала пахнуть так же. У одного из краев сетка порвалась, и в дом вместе с густым, влажным воздухом залетали комары. Отец еще не вернулся, но назревала буря другого рода. Не с кулаками и яростью, а с дождем и громом. И ты сидела и смотрела, как темнело небо и надвигались черные тучи. Я наклонилась вперед, чтобы лучше их рассмотреть, и подо мной скрипнула ступенька.

Ты не повернула головы.

– Привет, голубка. – Ты сделала очередную затяжку. – Подойди, сядь рядом с мамой.

Я сошла со скрипучих ступеней, открыла скрипучую дверь и села рядом с тобой на крыльце. Я вдохнула собирающееся в воздухе электричество и постаралась выдохнуть весь дым и запах отца, пропитавшие твою кожу.

– Может, нам лучше пойти в дом, мама? Собирается гроза.

– Да ладно тебе, голубка. Не побежим же мы домой из-за какого-то

дождика.

Я всмотрелась в линию горизонта за рядами домов и деревьев. Вспышка молнии. Серо-черное небо поглощает голубое. Меня гроза как раз таки могла заставить убежать с крыльца, но я не двигалась с места.

Мне нравилось наше крыльцо, даже несмотря на то, что с него открывался вид на потрескавшийся асфальт и заколоченные досками окна. Это был маленький кусочек пространства, который принадлежал только нам. Когда отец работал допоздна, мы сидели тут часами. Да, мы едва отходили от двери, но мы могли дышать. Нам не казалось, что мы в ловушке, что мы задыхаемся; мы жадно глотали воздух, запрокидывали головы и упивались солнцем.

– У нас в Луизиане было похожее крыльцо, – сказала ты, откинув голову назад и закрыв глаза. – Тебе нравилось в Луизиане? – Ты редко говорила о своем прошлом и мало рассказывала о нем, а мне хотелось знать.

Ты опустила подбородок и медленно открыла глаза.

– У нас был маленький дом, меньше, чем этот. – В это было сложно поверить, потому что в этом доме может и было достаточно места (я знала, что не все могут похвастаться даже этим), но все время казалось, что стены давят на тебя. – Но там было точно такое же крыльцо. Мы все выходили на него, когда надвигался ураган. Мы сидели в темноте, ветер хлопал ставнями, а дождь стучал по жестяной крыше.

Потом ты улыбнулась и затушила сигарету о дверную раму. То, что ты улыбалась, вспоминая о стихийном бедствии, казалось странным.

– А... тебе это нравилось? – Ты посмотрела на меня. – Я это обожала. – Ты подтянула колени к подбородку. – В дни, когда бушевали ураганы, мы всем скопом собирались в гостиной и пели. Громко, а потом еще громче. Мы пели, пока дождь и ветер не переставали нагонять на нас страх, а когда наши голоса заглушали рев с улицы, нам казалось, что мы сильнее урагана.

Я улыбнулась тебе, но ты тут же моргнула и отвернулась. Твои губы заняли свое обычное положение, вернулся отсутствующий взгляд, и мне показалось, что ты меня не слышишь. Я решила молчать: мало ли, твоя улыбка вернется вдруг, она дико пуглива, и я смогу приманить ее, если буду сидеть тихо.

И тогда я попыталась вспомнить, как ты поешь, но не смогла. Обрывок песни, вылетевший из открытого окна машины, тихий мелодичный напев, услышанный в детстве, когда мы шли по улице, держась за руки. Но даже эти воспоминания были размытыми, и, как бы я ни старалась, я не могла вспомнить, как звучит твой голос.

Мы молча сидели на крыльце, пока ты не произнесла своим по-летнему сладким, но дрожащим голосом:

– Я давно не чувствовала себя сильной.

Ты не посмотрела на меня. Ты просто взяла меня за руку и сжала мою ладонь. Потом ты встала и молча ушла в дом.

В дом, который ни разу не слышал, как ты поешь.

16

Дом,

я смотрю на тебя снизу вверх. На твою потрескавшуюся краску, скрипучие ступени, разбитые стекла. Ты запрягал наши слезы в своих углах, забил их в свои щели. Наши шепотом произнесенные молитвы оставили пятна на твоих половицах. Ты ни разу не слышал песен, но ты слышал мой последний вздох.

Может, ты никогда не пытался запереть нас в себе, как в ловушке. Может, ты просто пытался держать нас вместе.

17

Отец,

дому не нужно было держать нас вместе до тех пор, пока не появился ты со своими грустными щенячьими глазами и кулаками. Пока ты не пришел с красивыми словами и ласковыми объятиями. Ты обжигал, а потом залечивал наши раны. Ты был как смесь жгучего табаско и теплого яблочного сидра. И как только мы разбегались по нашим тихим комнатам, ты созывал нас своим громогласным голосом и крепко обнимал, словно позабыв, что этими самыми руками ты причинил нам боль.

Мы тебе ввали. Своими улыбками и внемлющими взглядами. А еще своими маленькими секретами. Мама умоляла тебя позволить ей пойти на работу. Я ходила с ней в «Дикси», и менеджер сказал, что ей будут платить четырнадцать долларов тридцать пять центов в час. Она попросила, чтобы зарплату выдавали наличными. Когда мы вернулись домой, она сказала тебе, что будет зарабатывать восемь долларов в час. Я чуть не поправила ее, но она бросила на меня такой взгляд – не злобный, а исполненный тихой мольбой, – и я промолчала.

Ты ничего ей не ответил. А через несколько дней на нашей подъездной дорожке появился старенький минивэн. Он выглядел совсем как предыдущий. И двери у него тоже отличались по цвету от кузова. Это и был твой ответ. Твой жест любви и милосердия. Она могла пойти на работу.

В тот месяц мама перестала курить.

18

Мама,

ты долго смотришь на цветы, лежащие в центре обеденного стола. Отец оставил их там для тебя.

После ночных буйств, или драки, или пьяного избиения он всегда приносил тебе розы или маргаритки или что там еще в супермаркете ставили в ведерко с ценником \$4,99. Мне нравился их цвет и то, как красиво падал солнечный свет на их деликатные лепестки. Ты всегда улыбалась. Всегда говорила «спасибо». Ты сразу же начинала суетиться вокруг букета: искала в шкафчике стеклянную вазу со сколотыми краями, подрезала стебельки под углом, добавляла в воду немного сахара.

Мне кажется, отец считал этот жест дешевым способом заставить тебя улыбаться. Но он никогда не замечал, как ты смотришь на цветы, когда он отворачивается. Ты разделявала курицу и разглядывала цветы, обреченные на скорую гибель, хмурила брови и отворачивалась к окну с выражением скорби в глазах. Именно так ты смотрела на них сейчас.

Как-то раз отец работал допоздна, и мы играли в поле за школой. Среди высокой травы проглядывали островки полевых цветов, и я помню, как наклонилась, чтобы сорвать несколько штук.

– Нет! – сказала ты, и твой голос прозвучал резко и внезапно, и я одернула руку. Ты заметила мою реакцию и смягчилась. – Нет, голубка. Не рви цветы.

– Почему?

Ты ответила не сразу, лишь жестом позвала меня сесть на траву рядом с тобой.

– Очень... эгоистично срывать что-то только потому, что ты хочешь забрать это себе. Цветы так быстро умирают.

– Но у многих стоят букеты...

Я посмотрела на цветы. Они покачивались в легких потоках ветра и

танцевали в траве, невинные и ничего не подозревающие.

– Просто оставь их здесь, голубка. Мы можем посидеть с ними. Мы можем наслаждаться ими, даже если мы не заберем их домой.

И мы просто лежали на траве. Вдыхали теплый воздух и запах полевых цветов, смотрели на голубое небо и белую дымку облаков и держались за руки.

* * *

Ты оставляешь цветы на столе.

19

Сотрудник бюро ритуальных услуг,

мама не берет трубку, когда вы звоните, но я каждый день слышу ваш голос из сообщений на автоответчике.

Вы говорите радостным тоном и с такими легкими интонациями, словно речь идет вовсе не об умершей дочери. Мама собирается стереть ваше сообщение, но ваш голос взмывает вверх, превращаясь в монотонный напев. «Учительница из школы вашей дочери прислала букет лилий для похоронной церемонии. Цветы замечательные, и нам просто нужно...» Вы не называете меня по имени. Вы говорите так, будто на другом конце линии моя мама не дрожит при прослушивании вашего сообщения. Вы говорите, ничего не слыша в ответ, а мама тем временем рыщет по шкафчикам, находит стеклянную вазу со сколотыми краями и швыряет ее в стену.

Вы говорите, а мама падает на колени, подбирает и сжимает в кулаках осколки, чтобы из ладоней пошла кровь.

Когда вы прощаетесь, мама плачет.

Интересно, вспоминает ли она сейчас о голубом небе и полевых цветах.

Я ложусь на пол рядом с ней и смотрю в потрескавшийся потолок под звуки ее всхлипов.

20

Мама,

воспоминания дополняются и перемежаются, и я теряю равновесие. Вы

с отцом сидите за обеденным столом. Я, как обычно, сижу в конце стола. Наблюдаю.

Просто смотрю. На твоём лице снова слишком много грима, как у клоуна. Ты сидишь за столом, а я чувствую, что чего-то не хватает, хотя и не могу понять, чего именно. Я изучаю макияж, жирный слой туши и подводки, волосы, идеально лежащие локонами вокруг твоего лица. Ни одной выбившейся волосинки.

Что же не так? Чего не хватает? Ты молча ешь, одной рукой держишь ложку, вторая покоится на колене. Ты почему-то кажешься меньше. Ты всегда была выше меня, но сейчас создается ощущение, что ты можешь утонуть в стуле. Ты больше не сутулишься и не плачешь. Как и в любой другой четверг, ты обедаешь и не можешь дождаться, когда можно будет уйти из-за стола.

И в этот момент я замечаю порез на выцветшей желтой скатерти-клеенке, усеянной сотнями маленьких изображений корзины с апельсинами. Мы когда-то купили ее в центре города в магазине, где все стоит доллар. Я ненавидела эту скатерть. Она была старой и страшной. Я помню, как во время завтрака пыталась сосчитать корзины с апельсинами, только чтобы не поднимать глаза. Но этот порез... Я раньше его не замечала. Я не свожу с него глаз. Это небольшой разрез длиной в два сантиметра, который делит одну из корзины надвое. Его хорошо видно с того места, где я обычно сидела (и где сижу сейчас); он находится почти посередине, между мной и тобой. Так почему же я его раньше не замечала?

Я с силой зажмуриваю глаза. Раньше что-то закрывало порез. Тарелка? Стакан. Я вспоминаю, и мои глаза открываются шире.

Нет. Рука.

Твоя рука. Она всегда тактично прикрывала порез. Твои расслабленные пальцы непринужденно лежали на столе, а рука была протянута вперед немного сильнее, чем было необходимо для удобства.

Рука. Для меня.

Предполагалось, что я должна была заметить, как рука участливо тянулась ко мне. *Я здесь*, будто говорила она.

Теперь я уперлась взглядом в это место. В место, больше не прикрытое рукой. Разве я не замечала, как ты многозначительно смотрела на меня? Я считала, что ты безмолвно умоляешь меня вести себя хорошо, не говорить ни слова. Я думала, ты молча меня отчитываешь. Но, получается, все было не так? Твои глаза действительно умоляли меня. Не о примерном поведении. Не о тишине. Но о том, чтобы я обратила внимание, что ты тянешься ко мне. Твой взгляд никогда не задерживался на мне надолго. Ты

боялась, что отец поймает тебя? Или причина в том, что я не смотрела на тебя в ответ?

Я помню, как, будучи ребенком, держала тебя за руку. Твои ладони были такими большими, теплыми и мягкими. Я помню, что до глубины души верила, что твои руки способны защитить меня. Это ощущение давно меня покинуло, но, с другой стороны, я давно не держала тебя за руку.

Я помню твою руку, вроде бы невинно лежащую на столе; я помню, что периодически посматривала на нее и видела тонкую паутинку линий, морщинки и розоватые костяшки пальцев; бледную кожу, мозоли, порез; неухоженные кутикулы, покусанные ногти, частично сошедший лак. Тебе было все равно, как выглядят твои руки. Ты не прятала их, потому что на них не было синяков. Но я видела, как подавленная, разбитая часть тебя пытается рассказать свою историю всеми доступными средствами, в том числе с помощью кожи на руках. И эти настоящие, неприкрытые, загубленные руки все это время тянулись ко мне.

А я ни разу не ответила им.

А теперь ты сидишь с рукой на коленке, потому что считаешь, что тебе больше некуда тянуться. Я смотрю на тебя и вижу то, чего не хватает. С отстраненным и смиренным взглядом ты считаешь корзинки с апельсинами. В твоих глазах нет ни блеска, ни сияния. Осознание того, что я раньше этого не замечала, бьет меня прямо в солнечное сплетение. У тебя же были планы, да? По глазам было понятно... ты вроде бы здесь, но в то же время где-то далеко. Шестеренки вращались, что-то тикало, а я попросту этого не замечала.

Теперь у тебя нет никаких планов. Ничего не щелкает, не вертится и не проворачивается. Твои глаза мертвы.

Точно как и мои. Но ты еще жива. И мне жаль, что твоя рука не прикрывает разрезанную корзину... И мне бы очень, очень, очень хотелось, чтобы твои глаза снова сияли, потому что они были такими прекрасными и полными тайн. Я скучаю по твоим красивым таинственным глазам.

21

Мама,

отец храпит в твоей спальне. Весь вечер ты молчала, но, как только он уснул, ты пошла в мою комнату. Пока я была у Августа, ты, должно быть, копалась в моих вещах. Ты нашла мои эссе для уроков мисс Хупер, спрятанные под кипой книг, и сейчас они лежат на полу, аккуратно сложенные стопкой.

Ты делаешь глубокий вдох иходишь к моей кровати. Ты становишься на колени у моего матраса, как будто собираешься молиться. Мне это кажется очень странным, потому что ты не молилась очень давно. Видимо, боль иногда заставляет нас вставать на колени. И давит на нас до тех пор, пока нам не останется ничего, кроме как возвести взгляд к небу; иначе мы сломаемся.

Ты просовываешь пальцы под матрас и приподнимаешь его. Я хмурюсь. Ощущение, что вторгаются в мое личное пространство. Я хочу ударить по твоей забинтованной руке, чтобы ты ее убрала. Я подбегаю к тебе, но тут замечаю отверстие в основании матраса. Аккуратный квадратный вырез, внутри которого прячется коробка.

Ты достаешь ее и открываешь. Я опускаюсь на колени рядом с тобой, наблюдая, как дрожат твои плечи.

Я ахаю. Деньги. Брошюры. Письмо. А сверху...

Я вижу *их*.

Они выцвели от времени, и края у них потрепанные, но я узнаю их.

Мои плечи тоже начинаю трястись, потому что я вспоминаю, и мне стыдно, что я могла это забыть.

* * *

Шел понедельник. Мне было девять. Август не мог зайти за мной, чтобы вместе отправиться в лес и продолжить наши поединки, потому что я болела. Мне не нравилось болеть, но не только из-за головной боли, неприятного зуда в носу и тяжести в теле. Болезнь означала, что я не могу пойти в школу. Ты осталась дома, чтобы ухаживать за мной.

– Мама, я уже взрослая и могу побыть дома одна.

– Я знаю, голубка. Ты теперь молодая девушка, но мне будет легче, если я буду уверена, что все в порядке. Ты не против?

Я пожала плечами.

– Ладно.

Ты улыбнулась и вставила мне в рот градусник.

– Я рада, что могу не идти на работу. У меня начали уставать ноги, – сказала ты, доставая градусник. Тут же, словно вернувшись из забытья, ты резко повернулась ко мне и добавила: – Только не... не рассказывай это отцу.

Я моргнула, не понимая, почему это важно, но кивнула. Ты успокоилась и проверила показания термометра.

– Ох, голубка моя, у тебя жар. – Ты прижалась губами к моему лбу. – Надеюсь, ты скоро поправишься. Сегодня тебе нужно отдохнуть, но, может, есть что-то, чем ты хотела бы заняться? Что-то особенное? Чтобы ты почувствовала себя лучше?

В голове у меня тут же возникла неожиданная мысль. Я подумала о солнечном свете, лобовом стекле, ногах, закинутых на приборную панель. Мне вспомнились радостные возгласы всякий раз, когда мы въезжали в город и видели надпись: «Добро пожаловать!» Я представила себе дорогу, отсутствие конкретного направления, свободу смеяться и петь и быть сдерживаемыми одними лишь ремнями безопасности. Мы были на воле и в безопасности. Я взглянула на тебя – ты посмотрела в ответ, с улыбкой и ожиданием.

– Я бы хотела поехать покататься... как раньше.

Твоя улыбка дрогнула, хоть ты и старалась выдержать лицо. Ты вздохнула, и я заметила, как опустились твои плечи. Ты готовила оправдание, почему мы не можем поехать. Я отвернулась от тебя к окну. Ты собиралась что-то сказать, но я перебила тебя, проямлив:

– Забудь.

– Я...

– Дай мне спокойно отлежаться, ладно, мам?

Я перекатилась на другую сторону кровати и зарылась головой в подушку.

Не будет никакой поездки, опущенных стекол, поисков сокровищ, восхождений в горы, бесконечных открытых пространств, где только мы и дорога. Мне суждено быть здесь. Пивные банки, выпадающие из переполненного мусорного ведра, запах помещения, где слишком много пыли и слишком мало воздуха – все застыло, застряло, замерло и оказалось заперто в ловушке. Мой матрас приподнялся – ты встала и вышла из комнаты.

Стук шагов.

Ты всегда уходишь. Я крепче обняла подушку и даже испытала

благодарность за тяжесть в теле, потому что мне казалось, что я могу слиться с матрасом и стать невидимой. Мне хотелось плакать, но я вспомнила про ремень отца. Его не было дома... но что, если он узнает?

Я была так сосредоточена на том, чтобы не заплакать, что не сразу услышала твои шаги – ты вернулась в комнату.

– Так, голубка! Вылезай из кровати!

Я подняла голову и увидела, как ты улыбаешься, держа в руках небольшую корзинку.

– Что это значит? – Я смотрела на тебя в недоумении.

– Кажется, моя голубка хотела покататься, так что нам пора выдвигаться.

Я села. Меня одолевало любопытство, но я медлила.

– Что в корзинке?

– Еда... – ухмыльнулась ты.

– И карта сокровищ.

На моих губах заиграла невольная улыбка. Я не смогла бы ее сдержать, даже если бы хотела – но я и не хотела. Не обращая внимания на головную боль, я свесила ноги с кровати и побежала к машине.

– Я тебя перегоню!

Ты смеялась у меня за спиной, гналась за мной, но не слишком быстро, чтобы я могла победить. Я знала, что ты поддаешься, но от этого победа не стала менее сладостной. Я открыла дверь и забралась на переднее сиденье. Даже липкая кожа салона не казалась неудобной. Я опустила стекло и пристегнулась.

Ты поставила корзинку на заднее сиденье и села за руль.

– Ну, как думаешь, куда поведет нас карта сокровищ?

Я повертела головой, осматривая улицу. Слева была школа, а за ней работа отца, и что-то подсказывало мне, что туда за приключениями отправляться не стоит. Я махнула рукой вправо:

– Туда!

– Как скажешь, мой птенчик.

Пока ты выезжала с подъездной дорожки, я улыбалась. Было очень жарко. У меня был насморк, и болело горло, но я чувствовала себя превосходно. Мы повернули направо и уехали из города.

Гора Блу Мун находилась почти в часе езды. Я ерзала на сиденье, пока мы не припарковались, не отстегнули ремни и не вышли из машины. Раньше мы постоянно приезжали сюда и устраивали пикники недалеко от туристической тропы.

– Туда! – Я схватила тебя за руку, и мы пошли мимо леса и

булыжников, поднимаясь все выше и выше, пока не дошли до развалин каменного здания. Мы притворялись, что остатки строения – наш дворец, а мы королева и принцесса, которые правят всей обозримой оттуда территорией. Я была принцесса-воительница, потому что я не желала, чтобы какой-нибудь принц меня спасал. Я хотела сама себя спасти, и ты мне не мешала. Устроившись поудобнее, ты наблюдала и кричала:

– О нет, Элли! Дракон!

Я шла на огнедышащего монстра с палкой и закалывала его. И все казалось правильным и возможным, и мы были в безопасности. На пикник мы взяли воду, сэндвич с арахисовой пастой и вареньем для тебя и бутылку Pedialyte и сэндвич с арахисовой пастой (без варенья) для меня. Ты даже срезала корочку с хлеба. Отец не разрешал тебе этого делать, но ты знала, что мне так больше нравится. Я поела свой сэндвич и была счастлива почти так же, как когда я играла с Августом или поднимала руку в школе. Но почему-то даже больше.

– Нам нужно чаще сюда выбираться, – сказала я.

Ты остановилась, прежде чем откусить очередной кусок от сэндвича.

– Да, нужно. Я скучаю по нашим приключениям.

Я посмотрела на тебя.

– А почему они закончились?

Ты взглянула вдаль хорошо знакомым мне отстраненным взглядом, и мне тут же захотелось взять свой вопрос обратно, чтобы ты осталась со мной.

– Неважно, – сказала я.

– Рада, что сегодня у нас все получилось.

Я улыбнулась тебе и удивилась тому, как ты на меня посмотрела. Это была не грусть, не радость и не изумление. Ты посмотрела с благодарностью.

– Я тоже рада.

Ты отложила свой сэндвич, залезла в корзинку и достала оттуда два листа бумаги.

– Мы будем делать домашнюю работу?

Я была не против – мне нравилось делать уроки.

– Нет, я хотела тебе кое-что показать.

Ты взяла один лист и стала складывать его, сгибать один раз, потом еще и еще. Это не было похоже на бумажный самолетик. Наблюдая за тобой, я пыталась разгадать тайну.

– Знаешь, почему я называю тебя «птенчиком»? – спросила ты.

Ты уже давно меня так называла. Поначалу мне казалось это странным.

Кто называет дочку «птенчиком»? Но потом я привыкла.

Я отрицательно покачала головой, и ты продолжила складывать.

– Птицы могут казаться маленькими и хрупкими существами. Но какими бы крошками они ни были, они рождены, чтобы летать.

Ты наконец закончила свои манипуляции, поставила на ладошку маленькое бумажное создание и показала мне. Оно было белое и хрупкое. Ровные сгибы очерчивали шею и клюв птицы, и еще гладкие складки ее крыльев.

Я была в восторге от нее. Я взяла птичку и, сложив ладошки чашечкой, стала ее держать.

– Она такая красивая! Мне очень нравится!

Ты улыбнулась и занялась вторым листочком бумаги.

– Ты улетишь отсюда, мой птенчик. – Я заметила, что твой голос дрогнул. Ты продолжала складывать фигурку. – Ты взлетишь высоко и улетишь далеко-далеко.

Я посмотрела на твои руки: они немного дрожали, суетились, снова и снова сгибая бумагу.

– А эта птичка зачем? – спросила я.

Ты закончила, поставила фигурку на ладонь и поднесла ее поближе к моей, и две белые птицы балансировали бок о бок у нас на руках.

Ты тихо произнесла:

– Я тоже улечу.

В словах звучала надежда. Настоящая. Правдивая, настойчивая, исполненная намерениями и планами.

Домой мы поехали поздно. Ты все время смотрела на часы и шумно сглатывала. Сидя в машине, я играла с двумя белыми птицами и посматривала в зеркало заднего вида, наблюдая за тем, как солнце становится оранжевым и клонится за очерченную горными вершинами линию горизонта

Когда мы подъезжали, в груди у меня что-то сжалось. Я не хотела возвращаться, отстегивать ремень безопасности, заходить в дом, но мы уже ехали по посыпанной гравием дороге, и я знала, что мне придется. Вздохнув, я вышла из машины. Ты взяла меня за руку, и мы поспешили в дом.

– Вымой руки и лицо и ложись в постель.

– Но зачем?

– Делай, что я говорю.

Твои слова прозвучали грубо, и по твоим глазам я поняла, что ты жалеешь об этом. Но ты не извинилась. Я положила наших птиц на

журнальный столик и рванула прочь из комнаты.

Я побежала на второй этаж. Снова появилось ощущение тяжести, а от нашего замка, казалось, нас отделяли миллионы километров. Я умыла лицо, но на щеке осталась грязь, которая отказывалась отмываться. Я потерла ее полотенцем, она высохла, но все равно ощущалась на коже. Я пошла в свою комнату. Закрывая дверь, я услышала рев мотора. Хорошо знакомый рокот автомобиля, паркующегося на подъездной дорожке позади твоего минивэна с разноцветными дверями и загораживающего ему выезд.

Прошло некоторое время, прежде чем послышался скрип открывающейся входной двери.

– Регина. Куда ты ездила сегодня?

Уже тогда я знала, что его урчащий голос – затишье перед бурей. Он был обманчиво мягкий и предательски успокаивающий. Если не оставаться настороже, он мог даже убаюкать тебя. По поспешному топоту шагов я поняла, что ты вышла из кухни и подошла к двери.

– Что... что ты имеешь в виду?

– Что я имею в виду?

Я услышала медленные шаги отца.

– Я имею в виду, что ты куда-то ездила, – сказал он. – И я хочу знать куда.

Пауза. Я крепче обняла подушку. Вдруг ты на меня наябедничаешь. Скажешь отцу, что я захотела поехать в горы. Может, он меня накажет.

– Мне нужно было съездить в магазин... чтобы купить Элли лекарство.

– Правда, что ли? – Послышался хорошо мне знакомый шлепок от удара ладони по лицу.

Я зарылась головой в подушку.

– А почему тогда одометр показывает на сто сорок километров больше, чем утром?

Еще одна пощечина.

– Ох, Регина. Почему ты заставляешь меня причинять тебе боль? Зачем ты врешь мне?

Я не слышала, что ты плачешь. Но тут раздался лязг бьющегося стекла. Я вскочила и уставилась на запертую дверь.

Пойти посмотреть?

Я услышала топот шагов по лестнице. Сначала одна пара ног, потом другая. Включился душ, а в вашей с отцом спальне заорал телевизор.

На следующий день я увидела, что на журнальном столике не было стеклянной столешницы. Остались одни ножки. Вот что вчера разбилось. Ты уже была на кухне.

– Мама, у тебя все хорошо? – спросила я. Ты улыбнулась, и я заметила, что у тебя разбита губа. Чтобы скрыть ранку, ты накрасилась красной помадой.

– Конечно, мой птенчик. Конечно.

Отец спустился и сел за стол. Я молча ела свои хлопья и считала апельсины в корзинках. Я взяла рюкзак и, выходя из кухни, заметила, что валяется в помойке. Кучка осколков и две белые бумажные птицы. Я не стала доставать их.

Мы больше никогда не ездили в горы.

* * *

Они в коробке. Две помятые птички лежат на стопках купюр в один, пять и двадцать долларов – я тут же понимаю, что это деньги, которые ты долго откладывала. Ты достаешь из коробки птиц оригами, проводишь пальцами по сгибам, несмотря на то что они потрепанные и могут порваться. Ты берешь их в свои неухоженные руки и прижимаешь к сердцу. Ты начинаешь говорить, покачивая головой из стороны в сторону под ритм слов, и в груди у тебя что-то трещит. Я боюсь, что ты можешь сломать себе ребра.

Твой голос такой же хрупкий, как потрепанные бумажные птички. «Птенчик мой, я не хотела, чтобы мы с тобой оставались в этой клетке. Я всегда думала, что однажды мы покинем ее. Вместе». Ты сжимаешь зубы. «Просто я считала... что у меня есть время».

Ты открываешь оранжево-синюю открытку и замороженно смотришь на надпись в ней так, словно там заклинание. Я заглядываю через твое плечо и понимаю, что это открытка с поздравлениями в честь окончания школы. Для меня. Ты купила ее до того, как я умерла. Я пробегаю взглядом по небольшому стишку, напечатанному в центре листа – я никогда не вчитываюсь в эти обезличенные слова, – и перехожу прямо к надписи, сделанной тобой золотым фломастером марки Sharpie. Ты знала, как мне нравится этот цвет. *Сегодня мы улетаем, голубка! Мы свободны.*

Ты рвешь ее напополам.

Я смотрю на открытку в изумлении, даже после того, как она выпадает у тебя из рук. Мы должны были уехать. Вместе. Мы должны были взять эти деньги и твой минивэн и оставить отца, и этот проклятый дом, и эту никчемную жизнь в прошлом после того, как я закончу школу. Ты давно это планировала.

В этот момент мне хочется исчезнуть. Я не хочу больше ответов! Я не хочу больше ничего видеть, потому что это невозможно выдержать. На

моих руках проступает кровь. Мое сердце разбивается на осколки, и я никогда не смогу собрать его воедино.

Ты достаешь из коробочки письмо и разворачиваешь его. Я заглядываю тебе через плечо и понимаю, что это вовсе не письмо. Это партитура с разбросанными по ней нотами и тактами и втиснутыми в пространство между ними словами. Наверху курсивом написано мое имя.

Твой голос – трепет в темноте. «Я хотела спеть для тебя». Ты вытираешь нос рукавом и несмело смеешься. «Для тебя, которая любит громкую ревущую музыку. Тебе бы, наверное, совершенно не понравились мои песни». Ты складываешь лист с партитурой в маленький аккуратный квадрат. «Но... все равно все они предназначались тебе».

Я вспоминаю про ураганы, которым не удалось забрать твой голос. Думаю о нашем доме, который никогда не слышал твоих песен, о том, что даже робкие нотки твоих напевов под нос улетали в открытие окна. Ты говорила, что пение помогало тебе почувствовать себя сильнее, а потом, в тишине, тайком, писала песни для меня.

Ты водишь пальцем по изгибам одной из птиц. «Мне всегда не хватало смелости». Ты дрожишь, а я ничем не могу тебе помочь. Ты дрожишь, а я думаю о всех тех ночах, когда я засыпала с мыслью о том, что я совсем одна. А на самом деле был человек, который писал мне песни, однажды собирався их спеть для меня. Однажды, когда мы будем свободны.

Я хочу послушать все твои песни. Мы еще долго сидим так. Слезы и потрепанные сгибы. Все эти годы я думала, что ты слабая, но это было не так. У тебя был план, отсюда и таинственное выражение твоих прекрасных глаз. Коробка, спрятанная под матрасом твоей дочери и набитая деньгами, брошюрой с рекламой трейлеров в Теннесси (ты знала, как я люблю горы) и двумя маленькими бумажными птичками, которых сделали одним солнечным днем, когда мир казался ярким и полным возможностей, и песнями, которые придали бы нам сил в пути. Ведь мы бы сдержали обещание и улетели бы далеко-далеко. Но я бросила тебя.

Я бросила тебя, потому что забыла. Но ты ничего не забыла. Прямо подо мной ты спрятала сундучок с сокровищами и надеждой, чтобы я была в безопасности. Ты запирала мою дверь, смиренно опускала голову, красила лицо, плакала тихо, потому что ты ждала подходящего момента.

К моим глазам подступают слезы, и я тянусь к тебе. К нашим птицам.

К руке, прикрывающей дырявую скатерть.

Когда мои пальцы растворяются в твоих, меня сотрясает от боли, разрывает от печали. Я дрожу в темноте, так далеко от тебя. И в то же время я здесь, с тобой, и единственный свидетель происходящего – наш

дом.

«Прости меня, мама. Прости меня».

Мы дочери сожалений, стыда и тайн, и мы плачем вместе, пока часы не бьют шесть утра.

22

Август,

я оставляю маму и возвращаюсь к тебе. На небе уже занимается кровавый рассвет. Ты, шатаясь, идешь по дороге с банкой пива в руке. Мне больно видеть твою неуверенную походку. Я помню, как мы в детстве бегали по этим самым улицам и каждый наш шаг был уверенным и целенаправленным. Мы всегда мчались к нашему убежищу или к нашему мосту, перекинутому через реку.

Туда ты сейчас и направляешься. Я иду с тобой в ногу, жалея, что я не материальная и не могу взять тебя за руку. Но я довольствуюсь тем, что могу быть рядом с тобой. Несколько минут проходит в мрачной тишине, а потом мы переступаем границу мира реального и того, что мы создали вместе с тобой.

* * *

– Пошевеливайся! – кричала двенадцатилетняя я через свое цыплячье плечо. Ты отставал на несколько метров, и я скалилась на тебя улыбкой первобытной женщины. – Тормоз! Я победила!

Я специально протянула «я», чтобы оно звучало подольше. И я тянула его до тех пор, пока не ступила на крытый мост и не замерла. Я тяжело дышала, и мой живот ходил ходуном. Ты, покрасневший и потный, пешком преодолевал оставшееся до меня расстояние.

– Ты гепард.

– А ты... кем ты можешь быть? Ленивцем?

Ты посмотрел на меня своим фирменным взглядом, выразившим притворную обиду. Я ответила улыбкой, говорящей:

– Я знаю, что уделала тебя.

Тебе понадобилось больше времени, чтобы отдышаться.

Понедельник. Я любила понедельники. Отец работал допоздна – это означало, что я могла притворяться и гулять с тобой подольше. Я могла бегать и быть сумасбродной и свободной. Мы подошли к окошку, проделанному в деревянной стене крытого моста, и заглянули через край.

– Когда-нибудь думал о том, чтобы спрыгнуть? – спросила я.

Ты отшатнулся.

– Отсюда? Не смей меня! Видишь эти камни? А течение? Отсюда решится прыгать разве что самоубийца.

– Как-то я об этом не подумала, – сказала я, отворачиваясь от окна к деревянным доскам.

– Ага, – подтвердил ты, и мы оба оперлись спинами о стену и съехали на пол.

– Август? – сказала я.

– Ммм?

– Мы же... хорошие... друзья, так? – спросила я колеблющимся голосом. Мне не хотелось домой, но скоро нужно было возвращаться. Мне не нравилось оставлять тебя в лесу одного.

– Лучшие, – ответил ты, что заставило меня улыбнуться.

– Лучшие, – повторила я вполголоса.

– Да. – Ты показал пальцем на деревянную балку. – Смотри, сейчас я докажу тебе.

Ты достал из кармана свой швейцарский армейский нож – месяц назад тебя из-за него наказали – и стал вырезать на дереве «А + Э = лучшие друзья».

– Ну не знаю. Не очень-то официально.

Ты посмотрел на меня, моргнул и опустил на одно поцарапанное колено. Ты едва заметно вздрогнул, а потом улыбнулся.

– Элли Уокер, я, Август Мэттьюс, прошу твоей руки. Ты согласна связать себя со мной узами священной лучшей дружбы?

Я рассмеялась и легонько толкнула тебя в плечо.

– Я согласна. Все равно рано или поздно мне бы пришлось остепениться.

Ты снова посмотрел на меня с притворной обидой в твоих глазах-блюдцах.

– Пришлось? Прощу прощения, но вообще-то такого друга, как я, еще поискать нужно. Так что тебе повезло. Я считаю, что заслуживаю более воодушевленной реакции.

– Ладно. – Я встала на колено. – Мой дорогой Август Мэттьюс, несмотря на то что ты бегаешь как ленивец и поэтому никогда не спасешь меня из горящего здания, я согласна принять твоё предложение священной лучшей дружбы, потому что ты на самом деле мой самый лучший друг.

– Я согласен, – провозгласил ты, выпятив грудь.

– Я согласна, – с трепетом сказала я.

Я облокотилась на балку, пока ты писал под нашими инициалами «пока смерть не разлучит нас».

Ты резал по дереву, а я улыбалась. Дописав последнюю букву, ты вдруг повернулся ко мне, взгляд у тебя был хитрый.

– Теперь я могу поцеловать невесту – ой, то есть подругу.

И ты быстро наклонился вперед и поцеловал меня.

Было странно почувствовать прикосновение твоих губ к моим. Губы были нужны, чтобы улыбаться, разговаривать и строить рожи... но целоваться?

Ты отстранился – лицо у тебя было краснее, чем от бега, – и вскочил на ноги.

– Наперегонки до дома?

Я подняла голову. Я хотела спросить тебя про поцелуй. И еще мне было интересно, как ты узнал, что мне пора домой. И почему ты так легко к этому относился. Но я не спросила.

– Конечно. – Я только начала вставать, а ты уже убежал.

– Так нечестно!

Я погналась за тобой, и мне нравилось, как дыхание перебивало стук моего сердца, пока мы убегали из Страны чудес. Мы бежали и смеялись.

* * *

Ты не улыбаешься, когда делаешь очередной глоток пива и садишься на пол, опираясь спиной на выцветшую стену моста. Я наблюдаю за тобой. Что ты делаешь, Август? Скоро выпускной, а ты сидишь тут и пьешь? Мне хочется отвесить тебе пощечину.

Сегодня в школе праздник.

Точно, вечеринка для старшеклассников.

Ты должен пойти туда. Начать собираться прямо сейчас. Чтобы тебе и твоим друзьям, которые считают тебя наикрутейшим парнем, было потом что вспомнить. А не сидеть здесь в одиночестве.

– Быстро поднял свою задницу, Мэттьюс! – кричу я на тебя, но ты меня не слышишь.

И тем не менее ты встаешь и швыряешь пивную бутылку в стену. Она разбивается.

– Тебе пора перестать разбивать все подряд, – говорю я тебе. И я рада, что ты меня не слышишь, потому что не мне просить о подобном.

Я ломаю и разбиваю еще чаще тебя.

Я помню, когда между нами все начало меняться. Я помню, как по метафорической деревянной балке с надписью «Лучшие друзья» поползли

трещины.

* * *

Отец перестал задерживаться на работе по понедельникам, поэтому игры в нашей роще днями напролет закончились. Последним для нас стал один жаркий июньский понедельник. Это было за день до твоего дня рождения. Мы были на мосту и сидели, оперевшись на нашу балку с надписью «Лучшие друзья» и друг на друга. Как будто целой стены за нашими спинами было недостаточно. Мы были нужны друг другу.

– Ты придешь завтра ко мне на день рождения?

– Ты празднуешь день рождения во вторник?

– Да, почему нет? В школу же все равно не надо.

Я кусаю внутреннюю сторону губы.

– Во сколько?

Если это будет днем, возможно, я смогу заглянуть... может, твоя мама сможет меня забрать и отвезти?

– В семь вечера. – Ты расплылся в улыбке. – Устроим водные бои. Так что не надевай белую футболку, ладно, Скелет?

Я обычно смеялась, когда ты говорил нечто подобное или называл меня «Скелетом», но не в этот раз. У тебя с лица начала исчезать улыбка.

– Я... Я просто пошутил. Я не хотел...

– Нет-нет, дело не в этом. Просто... я не знаю, смогу ли я прийти.

– Почему нет?

– Я... эээ... занята.

– Чушь собачья, – сказал ты, как отрезал.

– Что? Это правда.

– Элли Уокер, ты никогда не бываешь занята. Ты просто сидишь дома.

Я напряглась. И не знала, что ответить. Я могла бы соврать, но... понял бы ты?

– Я... я не знаю, смогут ли меня отвезти.

– Ой, это вообще не проблема. Моя мама тебя заберет, – сказал ты, выковыривая застрявший в шнурках листочек.

– Август, я просто не могу прийти, понятно? – Я поднялась и встала к тебе спиной. – Завтра я не смогу. Но я тебе что-нибудь подарю. Обещаю.

– Мне не нужны подарки, Элли. Я всего лишь хочу, чтобы ты пришла.

Ты зашевелился, вытянул ноги, как будто намереваясь загородить мне выход. Я перешагнула через них.

Я не могла сказать, что хочу прийти, иначе ты бы стал еще сильнее меня уговаривать. Ты бы заставил свою маму позвонить моей, а моя бы

нашла способ, как это осуществить. И я знала, что, пока я буду обливать детей из школы из водного пистолета, отец будет осыпать маму ударами кулаков. Я не могла так с ней поступить.

– Я не могу, – резко сказала я.

Ты уставился на меня, смотрел, словно сквозь мою голову, и глаза твои сверкали.

– Ну и ладно.

Я убежала.

Весь вечер вторника я провела в беспокойных метаниях. Кто будет на дне рождения? Что они делают? Кто победил? Кто сидел рядом с тобой, когда ты задувал свечи? Я завидовала. Я не помнила, когда в последний раз ходила на праздник, и я хотела быть на твоём.

В следующий понедельник в пятнадцать сорок семь я начала завязывать шнурки. Я знала точное время, потому что посмотрела на большие кухонные часы и подумала, что опоздаю на нашу встречу у ручья, если не побегу. БЫСТРО.

Когда я услышала звук, я замерла. На улице рычал мотор.

Пожалуйста, пусть это будет не он.

Но это был он. Он приехал домой пораньше. На несколько часов.

Я встала в полный рост и поежилась, услышав его шаги на крыльце. И тут дверь распахнулась, и в образовавшемся проеме появился он. Заметив меня, он остановился. Я подумала: *это великан-людоед, который стережет мост, чтобы никто не сбежал.*

И тогда я поняла, что не увижу тебя в тот день. Я знала: теперь что-то должно измениться.

23

Отец,

в тот день ты посмотрел на меня с высоты своего роста. Ты выпил. Я поняла это по запаху. Ты моргнул и прищурил глаза.

– Привет, отец, – тихо сказала я. Ты потер подбородок и сдержанно кивнул мне. Продолжая смотреть мне в глаза, ты снял рубашку, вошел в гостиную и сел. Я отвела взгляд и посмотрела на дверь. Свобода начиналась прямо за ней.

– Собираешься куда-то, Элли?

Урчащий голос – предостережение об опасности.

– Нет, – быстро ответила я, переводя взгляд снова на тебя.

Ты сидел без рубашки. Ты глубоко вдохнул, а затем достал из кармана штанов зажигалку. Я ненавидела эту зажигалку. И пока я стояла между тобой и дверью, я вспомнила, что впервые увидела твою зажигалку пару лет назад, сразу после того, как мама начала работать. Она вернулась поздно и не успела приготовить ужин.

Ты сидел за обеденным столом. Вошла мама, уставшая и с виноватым выражением лица. На полу стояла канистра бензина, и при виде ее мама замерла.

– Я все гадал, вернешься ли ты, Регина. – В тот самый момент ты достал зажигалку. Она была серебристая. Щелк, открылась, щелк, закрылась. – И я подумал... ну, раз моя женщина не возвращается домой, может, нам стоит взять и сжечь этот дом дотла. Ну, знаешь, чтобы очиститься от воспоминаний.

И тогда мама заметила меня.

– Абель. – Голос мамы дрожал. – Давай поговорим. Позволь Элли пойти наверх, и мы все обсудим.

– Ох. – Щелк, открылась, щелк, закрылась. – Я привязал ее ремнем. Не хотел, чтобы она пропустила шоу.

Взгляд мамы пробежался по кожаному ремню, и она заметила, что он обвязан вокруг моей талии и продет меж деревянных перекладин спинки стула, как туго затянутый ремень безопасности. Я сидела и ела мороженое. И даже не думала, что нужно бояться, когда ты привязывал меня. Ты сказал, что это игра. Ты сказал, что будет весело.

– Нет никакой причины, – мама медленно приближалась, вытянув вперед руку, словно собираясь погладить дикое животное, – втягивать в это Элли, Абель. Она... она же еще ребенок.

Щелк, открылась, щелк, закрылась.

– Мне не нравится ее лицо.

Мама моргнула.

– Что... почему?

– Потому что она очень похожа на тебя.

* * *

Не могу вспомнить, когда именно я поняла, что зажигалка представляет собой угрозу. Потому что в тот день, когда я впервые ее увидела, я была так счастлива, что мне дали мятное мороженое. Но в какой-то момент между тем вечером и днем, когда я стояла у двери, а ты сидел в гостиной полуголый, отрезая для меня путь к Августу и к свободе, я поняла, что твое

щелканье зажигалкой сулит боль.

Я не смотрела на тебя, когда ты сказал:

– Ты так похожа на свою мать.

Я сглотнула. Замерла на месте. То же самое ты сказал тем вечером. Я знала, что это угроза, и мне не хотелось сгореть.

– Она выше меня, – быстро ответила я. Нужно было хоть что-то, в чем мы отличаемся. Я пыталась придумать что-нибудь еще, но ты сказал:

– Подойди сюда.

Я замолчала.

– Да, ты выглядишь иначе. У тебя мой нос, и ты худая, как я. Лицо у тебя немного шире. Мои черты там тоже есть. Но ты похожа на свою мать.

Я ждала, что снова будет ремень. И канистра с бензином. Пощечина. Я сжала кулаки.

Но вместо этого ты вздохнул и сказал:

– Твоя мама была красива.

От неожиданности я ахнула. Ты усмехнулся.

– Это правда. В Новом Орлеане есть местечко, где любой желающий может выступить на сцене перед зрителями. Твоя мама пела... м-м-м, ее голос был похож на бархат. Как только я ее услышал, я это почувствовал. А когда я поднял глаза, я увидел эту прекрасную, необузданную женщину. Дикую кобылку. – У тебя был отстраненный, затуманенный воспоминаниями взгляд. – Я понял, что она должна быть моей. Когда она закончила петь, я подошел к ней, она мне улыбнулась, я задержался в городе подольше, и вскоре она стала моей.

Тут ты улыбнулся так, будто смаковал шоколад.

Мне было неловко, хоть мне и нравилось думать о маме как о необузданной, свободной женщине, которая может заморозить любого своим голосом. Как будто она была волшебной. Я попыталась вспомнить, как мама поет, но я не слышала ничего, кроме невнятных напевов колыбельных из далекого-далекого детства.

– Но потом твоя мать стала беспокойной. Она перестала слушать меня. – Зажигалка. Щелк, открылась, щелк, закрылась. – Она захотела уйти. – Твой отстраненный взгляд, замутненный виски, но все еще внимательный, остановился на мне. – Поэтому мне пришлось сломать ее и обуздать. Я должен был заставить ее слушать. Твоя женщина обязана тебя слушать. А она не хотела. Но однажды она сбежала.

Ты сел прямо, наклонился вперед, глаза твои были темными.

– Она бросила меня... – сказал ты, ткнув в себя пальцем, – из-за тебя.

Твой указательный палец повернулся ко мне, и несмотря на то, что мы

находились довольно далеко друг от друга, мне показалось, что ты вонзил в меня нож.

– Да, конечно, в тебе есть что-то от меня, – сказал ты, опускаясь обратно в кресло. Щелк, открылась, щелк, закрылась. Челюсть сжалась и расслабилась. – Но я вижу это в твоих глазах. Это желание уйти, сбежать, эта беспокойность... – произнося последнее слово, он повел плечами, словно стряхивая отвращение, – передались тебе от матери.

Мне казалось, что я вот-вот расплачусь. Что буду извиняться. Что рвану к двери и никогда не вернусь. Но ты нашел маму, ты найдешь и меня.

Твой голос был нежным, как колыбельная, когда ты пропел:

– Она ушла, но ты никогда не уйдешь от меня.

24

Август,

и я никуда не ушла. Я думаю об этом, стоя на крытом мосту и глядя на тебя. В тот самый день, когда отец сказал мне, что я никогда от него не уйду, ты впервые пришел ко мне в дом. Я была на втором этаже.

Я не стала спускаться вниз – вместо этого я подглядывала из-за перил лестницы. Никто, НИКТО никогда не стучал в нашу дверь. Одинокий дом, четвертый по счету в ряду таких же. Но в тот вечер в девять минут восьмого к нам постучали.

И это был ты.

Ты продолжал стучаться, пока мама не приоткрыла дверь и не выглянула.

– А Элли дома? Мы с ней должны были встретиться...

– Ох, молодой человек, Элли больше не сможет гулять по понедельникам.

За этим последовала тишина, а потом вы о чем-то переговаривались шепотом. Спустя пару секунд мама закрыла дверь и заметила, что я подглядываю.

Она виновато на меня посмотрела.

Меня захлестнуло волной злости, стыда и разочарования.

Она осталась с *ним*. Из-за нее он появился в нашей жизни. Она была очень уж необузданной и беспокойной. Голос у нее был как бархат.

Она. Она. Она. И в этот момент, вместо того чтобы кивнуть или выдавить улыбку, я беззвучно, одними губами произнесла «Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ» из-за перил лестницы. Это она превратила мою жизнь в тюрьму.

В нашем сказочном мире мы были воинами, Август. Но это не имело значения, потому что в реальности мы были всего лишь детьми, оказавшимися по разные стороны дубовой двери моего дома.

* * *

Вскоре после этого дня начались летние каникулы, и я не видела тебя неделями. Все лето я чувствовала себя виноватой.

Мне казалось, что я тебя бросила, предала. Но надеялась, что все изменится, когда мы вернемся в школу. Но стало только хуже. Конец нашей дружбе пришел не сразу.

Это происходило постепенно. Понемногу. Помню, как ранней осенью в школе ты крикнул мне: «Эй, Скелет!» С недавних пор ты стал меня так называть. Я была не против. Подходящая для меня кличка. Я не была похожа на других девочек из моего класса. У меня не были ни груди, не бедер. У меня еще не начались месячные. На плечах и бедрах у меня выпирали кости, а ноги напоминали две палочки, которые я прятала в штаны и обувь. Дело было не в том, что я не ела. Это просто мое тело. Такой я родилась. Ты это знал и был в курсе, что я не обижалась на прозвище Скелет. От тебя это звучало как проявление нежности.

Но когда Бритни швырнула им в меня на уроке анатомии, оно уже не казалось нежным.

– Смотрите, это Элли! – сказала она и хохоча показала пальцем на скелета по имени Карл, который был вывешен перед классом и одет в шляпу-цилиндр и галстук-бабочку. Другие девочки посмотрели сначала на скелет, потом на меня и начали смеяться.

– О боже! И правда!

– Заткнись, Брит, – сказала я почти что шепотом.

Мы были в седьмом классе – в этом возрасте все кажется нелепым, – и меня считали неудачницей за то, что за лето я не превратилась в куклу Барби, разгуливающую в слишком откровенных нарядах. Я все так же носила джинсы с дыркой на коленке, футболку и дешевые кеды. К тому времени я уже купила себе белые «Конверсы» и даже начала на них писать, но прятала их под кроватью, потому что они были мне слишком велики.

Я выросла, но не в районе груди и бедер, а вверх. Я была очень высокой. Выше всех моих одноклассниц. И я боялась, что из-под моей одежды, которая стала мне мала, будет выглядывать то, что я бы не хотела демонстрировать. Поэтому первые несколько недель сентября я носила мамины рубашку и купленную в супермаркете футболку с надписью: «МАМЫ РУЛЯТ». Все это было мне очень велико. Я скучала по своим футболкам с музыкантами, но я в них больше не влезала. И хотя другие девочки оголяли плечи и животы, я так не делала. Не могла.

Я чувствовала себя серой мышью и больше всего хотела стать невидимой.

Август, ты был таким умным, искрящимся и ярким. Буквально. Ты начал писать картины, и на твоих джинсах появились брызги желтой, красной и зеленой краски. Ты был цветным пятном в моем сером мире, и мне это нравилось. Даже твои рисунки ручкой и углем казались более живыми, чем я.

Я хотела жить в твоих картинах. Твои родители знали, что ты любишь

искусство. Но они не знали, что в будущем ты хотел поступать на художественный факультет. Они не знали, что твои мечты написаны разноцветными мазками кисти. А я знала.

Девочки продолжали смеяться, а потом Бритни сказала:

– Август прав, тебя нужно было назвать Скелет.

Я развернулась и посмотрела на тебя. Очевидно, ты спасешь ситуацию. Все исправишь. Твои глаза-блюдца посмотрели на меня, моргнули, и, заикаясь, ты проговорил: «Нет, я – я имел в виду...»

А потом ты перевел взгляд на Бритни и не произнес больше ни слова.

Видишь, даже он больше не станет тебя защищать. Ты одна. И всегда будешь одна. От этих мыслей было не убежать.

– Спасибо, – выдавила я, обращаясь к тебе. Я была так рада увидеть тебя после летней разлуки, но, видимо, для тебя это было шуткой.

После урока ты подошел к моему шкафчику.

– Элли, прости меня. Я должен был...

– Ой, не надо, Мэттьюс. – Я не смотрела на тебя. Много может измениться за лето. За день. В мгновение ока. Я не пыталась удержать то, что ускользает от меня. – Мне не нужна твоя помощь.

Я позволила обиде поселиться в моем сердце. Я думала о том, что Август, который был моим другом, не стал бы просто сидеть на своем стуле и мямлить нечто невразумительное перед лицом великолепной Бритни. Старый Август меня бы выручил.

А ты нет.

После этого случая ты продолжал приходить к моему шкафчику. Ты пытался передавать мне записки в классе. Ты рисовал для меня картинки, а я их выбрасывала.

В моем мире стали преобладать серые оттенки, и в нем не было места для твоей яркости. Мне не хотелось знать, как ты ходил на свидания и целовался с красивыми девчонками. Мне не хотелось быть рядом, чтобы ты смог оставить меня позади и пойти дальше.

По крайней мере, я так думала. Поэтому я сделала все, чтобы связывающая нас нить оборвалась.

В качестве последней, отчаянной меры ты попросил своего друга поговорить со мной, и в конце концов я написала тебе записку:

Я прошу развода от нашей больше не священной лучшей дружбы.

Я не разговаривала с тобой до конца девятого класса.

* * *

Сейчас я искренне не могу вспомнить, чтобы мы с тех пор перебрались хотя бы парой слов.

Но ты на нашем любимом мосту и очень пьян.

Я вспоминаю, как мы преклоняли поцарапанные коленки, чтобы связать себя узами священной дружбы. Я помню твои губы. Еще одно воспоминание щекочет мое сознание, но я не могу воспроизвести его. Твои губы на моих. Губы, которые заставили меня почувствовать себя яркой, цельной и обновленной.

Я вздыхаю и наклоняюсь к тебе. Все ближе и ближе. Мои губы рядом с твоими. На расстоянии вдоха. В миллиметре от прикосновения.

И пока я рядом с твоим лицом, ты выдыхаешь, и этот выдох напоминает что-то среднее между рыком и вздохом. Я думаю о том, как мышцы горла могут воспроизводить существующие звуки и создавать новые, имеющие особое значение. Дыхание, заставшее в той или иной эмоции и несущее ее с собой.

Я не отхожу от тебя. Я наблюдаю за тем, как твои мышцы сокращаются под футболкой. Твое дыхание так близко – если бы я стояла перед тобой живая, моя челка бы разлеталась. Одно могу сказать наверняка – внутри у меня все звенит, трепещет, и я чувствую себя проснувшейся и до головокружения живой.

Я не решаюсь дотронуться до тебя, разрушить иллюзию и снова превратиться в бестелесного призрака, признаться, что ты, со своими бездонными серыми глазами цвета шторма, который может сбить меня с ног своими волнами и унести далеко-далеко, смотришь не на меня, а сквозь меня. Ты снова рычишь-вздыхаешь и отклоняешься, прижимаешься спиной к стене, съезжаешь по ней и неуклюже плюхаешься на пол. Ты сама изящность. Но не сегодня.

Злость прошла. И я замечаю в твоих глазах нечто, напоминающее отчаяние, тоску. Безумие. Меня это пугает. Потому что я знаю, что ты хочешь сделать. Я прошла через это... и уже это сделала. Ты встаешь и быстро уходишь. Ты хочешь потерять себя. Отпустить. Я оглядываюсь по сторонам, и мое дыхание замирает. Все вокруг вдруг начинает выглядеть слишком острым и опасным, и я хочу запереть тебя в твоей комнате, чтобы обезопасить.

Но я не могу.

Ты достаешь из кармана небольшую сумочку на молнии – в ней лежат таблетки. Ты стоишь, покачиваясь. Ты берешь еще одну бутылку пива,

высыпаешь таблетки в рот и запиваешь их несколькими большими глотками. Пиво капает у тебя с подбородка.

Ты спотыкаешься, цепляешься за сломанные ветки и падаешь на колени. Ты ползешь вперед, и тебя рвет в зеленые заросли травы. Таблетки вышли – как мне кажется, – но ты продолжаешь жадно глотать воздух и давиться слюной. Ты не похож на себя, и на тебя страшно смотреть. Мне и в голову не приходило, что ты можешь выглядеть так неприятно, но сейчас я это вижу своими глазами.

Ты хохочешь и машешь руками в воздухе, словно не понимаешь, смешной ли воздух вокруг тебя или страшный. Может, из тебя вышли не все таблетки? Я замечаю перемену в твоих глазах... как будто ты видишь что-то, чего нет на самом деле. Ты резко садишься и отползаешь назад. С выражением ужаса на лице.

И на секунду мне кажется, что ты смотришь на меня. Твой взгляд, как прикосновение перышка, нежно касается меня. Ты замираешь, хмуришь брови, с тебя льется пот.

– Август? – Я протягиваю тебе руку.

И ты кричишь. Сначала мне кажется, что ты видишь меня, но твой перепуганный взгляд остановился где-то надо мной. Ты вскакиваешь на ноги, бьешь руками по воздуху, словно отражая атаку летучих мышей. Ты отчаянно пытаешься от них отбиться.

– Отвалите от меня! – орешь ты. Вращаясь, ты спотыкаешься и чуть не падаешь. Я протягиваю руки, но не могу тебя поймать.

Потом ты перестаешь дергаться. Ты смотришь на проделанное в одной из деревянных стен моста окошко, из которого открывается прекрасный вид на извивающуюся и быстро бегущую под нами реку.

Я моргаю и жду, когда ты повернешься.

– Август? – Ты не оборачиваешься, а делаешь шаг к краю моста.

– Элли... – Твой голос дрогнул. – Это ты?

Я смотрю на место, к которому прикован твой взгляд. Ты глядишь так, словно я там и смотрю на тебя в ответ. Но это не так. Я стою в паре метров позади тебя, и ты не можешь меня видеть.

Ты делаешь еще шаг.

– Элли, нет!

Это соединенные воедино вопль и приказ. Еще одна смесь эмоций и слов, создающих что-то кардинально новое. Ты падаешь на колени, протягиваешь руки, дрожишь.

– Элли, прошу тебя!

Тебя бьет такая крупная дрожь, что, кажется, мост вот-вот расшатается

и начнет греметь. Ты выбрасываешь вперед руки, искренне надеясь, что сможешь схватить привидевшуюся тебе несуществующую меня.

– Прошу... – Твой голос снова срывается, словно в груди у тебя что-то сидит и пытается перехватить твои слова и утопить их внутри.

– Я поймаю тебя.

Я внимательно смотрю на тебя. Я не знала, что сильный человек может сломаться. Мне казалось, что нужно родиться надломленными или в течение жизни переживать удары, которые постепенно тебя калечат. Я не подозревала, что одно событие – одна потеря – может заставить человека развалиться на части. Но вот прямое тому доказательство.

Два дня назад жил-был мальчик по имени Август, улыбка его была светла и прекрасна, он умел играть на гитаре и придумывать странные заумные шутки, мог высмеять любую нанесенную ему обиду, заставлял девушек заливаться румянцем, а единственным его оружием был его блокнот. Спустя два дня – одно объявление в классе, несколько прогулянных уроков и одна купленная упаковка таблеток и вот он ты, на краю.

– Нет!

Громыкает твой крик и вырывает меня из раздумий. Пытаясь встать, ты падаешь, но продолжаешь двигаться, волоча ноги, почти ползком, спотыкаясь, вперед к стене моста.

Ты смотришь на воду, как будто видел, как я туда спрыгнула. Бегущая вода отражает лунный свет, смертельно прекрасное зрелище.

– Нет, нет, нет, нет, нет, – кричишь ты, качая головой из стороны в сторону и захлебываясь слезами.

Ты начинаешь срывать с себя футболку, становишься на край.

– Я тебя поймаю... я обещаю... я тебя спасу.

Ты собираешься спрыгнуть. Ты погибнешь. Я несусь к тебе, протянув руки. Во мне борются множество чувств, но ни одному не удастся победить. Злость, страх, печаль и отчаяние перезаряжают свое оружие и стреляют друг в друга на поражение. Внутри меня кровавая бойня. Я знаю, что пройду сквозь тебя. Я знаю, что ты всего в двух шагах от прыжка.

Я делаю выпад вперед. Я надеюсь и не надеюсь, желаю и боюсь, но я знаю одно – я должна... я должна... я ДОЛЖНА остановить тебя.

Я врезаюсь в тебя, представляя твое твердое тело, напряженные мышцы в своих руках. Я воображаю, как меня поражает то, что ты реален и материален. Но как только я пытаюсь обхватить тебя, в моих руках оказывается лишь воздух. Ты все еще идешь вперед, забираешься на уступ. Я следую за тобой, готовясь сорваться вместе, чтобы тебе не пришлось

падать одному.

Ты останавливаешься без предупреждения. Одна нога по ту сторону окна, другая – по эту, руки где-то посередине. Ты часто дышишь, твоя грудь вздымается, а плечи трясутся.

Твоя решительность тает. Тело обмякает. Ты несильно бьешь головой о дерево.

– Тебя там нет, – говоришь ты.

Тебя снова рвет, а потом ты падаешь на колени. Потерпевший поражение.

– Прости меня, – шепчу я, и мне стыдно, потому что моих извинений никогда не будет достаточно. Они не смогут искупить боль потери, травму и печаль.

Это как пытаться залепить огромную рану лейкопластырем, но я все равно повторяю:

– Прости меня. – Ты отходишь от окна и прислоняешься к стене. Скатываешься по ней, падаешь на пол.

– Мне так жаль, что тебя здесь нет, – говоришь ты в темноту, обращаясь к теням, мосту и ночи. – Я хочу, чтобы ты была здесь. Со мной.

Я наблюдаю, как твой затуманенный взгляд становится яснее. Ты не видишь меня, но ты возвращаешься, действие таблеток проходит, реальность занимает свое законное место.

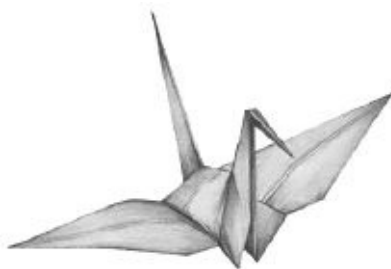
И хоть ты и не услышишь мой дрожащий голос, я отвечаю:

– Я тоже.

* * *

Я помню, как на психологии нам рассказывали, что люди подавляют болезненные воспоминания, чтобы сохранить рассудок. Они блокируют их, чтобы продолжать жить. И я вдруг понимаю, что моя избирательная память – это не жестокость, а благо. Все вело к этому моменту. Из-за того, что я чуть не стала свидетелем смерти Августа, я вспомнила свою собственную. И в тот момент я почувствовала, как целый океан вздымается, чтобы поглотить меня. Это море воспоминаний, и оно наконец готово принять меня, стоящую на берегу.

Выпускной класс

25

Депрессия,

когда ты затаилась у меня под окном, я еще не понимала, что ты такое. Я знала печаль. Я знала одиночество. Я знала злость, обиду, стыд и охватывающее порой оцепенение. Я знала все эти чувства и состояния. Они приходили и уходили, витали в воздухе, оседали у меня на кончиках пальцев и ресниц. Их мог спровоцировать крик, синяк, в сердцах сказанное проклятие, захлопнутая дверь. Но я сжимала зубы, сощуривала глаза, и через какое-то время мне удавалось спугнуть их. Любое чувство незаметно исчезало. Через несколько минут, часов или дней.

Но однажды пришла ты. За семь минут до будильника.

Я открыла глаза и лежала, не двигаясь. Я просто смотрела в окно.

Мне всегда нравилось это окно. Оно выходило на восток, и каждое утро я просыпалась и видела рассвет, даже если я провела ночь, спрятав голову под подушку. В то утро восход солнца был прекрасен. Из-за горизонта выглядывали солнечные лучи, раскрашивая голубое полотно неба в розовый и оранжевый. Я обычно улыбалась рассвету, но в то утро я просто смотрела на него.

Смотрела и ничего не чувствовала. Мне казалось, что я ничто, которое смотрит на ничто. Я не замечала осыпающуюся с оконной рамы белую краску, или оставленные мной на подоконнике чернильные пятна, или пейзаж с солнцем и небом за стеклом.

Предо мной было окно. Из которого я могу выпрыгнуть. Я не пошевелилась, когда зазвонил будильник. Я просто продолжала смотреть и прикидывать, сколько займет полет.

Август,

я как раз собиралась переступить порог кабинета химии, когда достала схему рассадки учеников и остановилась как вкопанная. Меня решили посадить между Генри Джорданом и тобой. Я подняла голову. Я видела его коротко стриженный затылок и твою лохматую каштановую гриву. Мне придется сидеть рядом с новичком (я знала всех в классе, кроме него) и моим бывшим лучшим другом, с которым мы развелись, когда мне было двенадцать.

Я была уверена, что боги (если они существуют) хотели меня наказать.

Ты обернулся на дверь и улыбнулся. Такие улыбки должны быть объявлены вне закона.

Последние пару лет я старательно тебя избегала. Я не обращала внимания на работы, которые ты рисовал для выставок, игнорировала подброшенные тобой в мой шкафчик записки, не реагировала на твое имя, когда оно всплывало в разговоре. Я оградила себя от тебя. И мне так было гораздо легче. Глупо было рисковать и пускать тебя в свою жизнь – отец всегда заглядывал мне через плечо, готовый ударить. А так мне хотя бы ничего не угрожало.

Этим я себя и утешала. Но потом ты улыбнулся мне, сидя за партой на химии, и я больше не могла тебя игнорировать. Во-первых, ты будешь моим партнером по лабораторным до конца года. А во-вторых, за то время, что я пыталась тебя избегать, ты стал кем-то новым, кем-то... прекрасным. Я отругала себя за эту мысль. Твои волосы стали длиннее и теперь спускались до подбородка. На лице у тебя появилась щетина. А твои глаза, эти серые глаза, каким-то образом стали еще больше и теперь, казалось, могли вместить целый мир.

Перестань мне улыбаться! Я так и стояла на пороге. Превратилась в нелепое препятствие на входе, и людям приходилось протискиваться мимо меня. Ты встал и жестом пригласил меня занять мое место. Я отвернулась туда, где никто не улыбался.

– Элли Уокер! – сказал ты, продолжая улыбаться, когда я наконец подошла к парте.

– Август Мэттьюс. – Я кивнула в знак приветствия. Ты казался чересчур ярким и цветным. Для меня это было слишком, и мне хотелось затемнить тебя, как фото в Инстаграме.

– И Генри Джордан, верно? – обратилась я к мальчику с короткой

стрижкой, сидевшему на другом конце парты.

Услышав свое имя, он вздрогнул, посмотрел на меня и нервно помахал рукой. Я улыбнулась и внезапно почувствовала к нему симпатию. Просто потому, что он казался таким же неуверенным и испуганным, как я.

Я пролезла на свое место и глубоко вдохнула. В моей груди не возникло тяжелого, сдавливающего ощущения, не поселилась тоска, которая часто преследовала меня, куда бы я ни шла. И хотя бы за это я была благодарна.

– Ого, Генри. Тебе удалось вытащить улыбку из вечно угрюмой Элли Уокер.

Твои слова заставили Генри улыбнуться мне. Это была добрая улыбка щеночка. И я снова улыбнулась. Я чувствовала, что ты наблюдаешь за нами, отводишь назад плечи, стучишь костяшками пальцев по крышке парты.

– Итак, – сказал ты нарочито громко, – выпускной класс. Какие у вас планы?

Очень сложно разговаривать с кем-то, если ты не настроена говорить. Еще сложнее общаться с тем, кого ты намеренно избегала несколько лет. Мой ответ прозвучал бы вымученно и нелепо. *Какая тебе разница?*

Первым отозвался Генри:

– Я готовлюсь поступать на медицинский.

– Ого, – сказала я. – Впечатляет.

Еще одна щенячья улыбка в ответ. Мне вдруг захотелось погладить его по коротко стриженной головке.

– Я хочу пойти на бизнес-факультет.

Ты сидел, вытянув под партой ноги. Тебе было семнадцать лет. Твой голос стал грубее, чем в детстве, но все же был до боли мне знаком, как шепот воспоминания. Я моргнула и посмотрела на тебя из-под завесы моей челки.

– Бизнес, – повторила я.

– Ага, бизнес, – подтвердил ты. Тебе было странно и неловко слышать недоверие в моем голосе.

Я снова моргнула.

– Не... художественный факультет?

Ты пожал плечами. Мне вдруг показалось, что меня предали. Выбор был нелогичным и откровенно глупым.

Ты же был мальчиком-повелителем мазков и цветов, художником, создающим картины, в которых мне хотелось остаться жить. Я вздохнула. Я тебя совсем не знала.

– Оригинально, – в конце концов сказала я.

Ты посмотрел на меня с притворной обидой. Я так давно не ловила на себе этот взгляд. Мне почудилось, что мое сердце разорвется и выпрыгнет на парту, устроив между нами кровавое месиво.

– Ох, понятно, дорогая Элли. Ты пытаешься смертельно меня ранить, нанеся удар по моей гордости. Увы, ты уже делала нечто подобное – но вот он я, все еще стою на ногах.

– Сидишь на стуле.

– Что?

– Ты сидишь.

Я попыталась не заострять внимание на том, как ты сказал «ты уже делала нечто подобное», и решила рассказать о своих планах.

– Я еще не знаю, чем хочу заниматься, но... – Я сделал паузу. Я никогда не произносила это вслух. Только лишь писала об этом в своих дневниках. Но в этом году, как ни крути, придется много говорить о будущем, и я решила начать: – Я хочу быть писателем.

– Писателем, – повторил за мной ты, но в отличие от моей реакции на твои планы на будущее в твоем голосе не было ноток разочарования.

Тем не менее мне хотелось забрать свои слова обратно. Спрятать свою мечту. Укрыть ее от осуждающих взглядов. Но было не похоже, чтобы ты осуждал меня. Казалось, ты пытался сложить вместе части пазла.

– Очень мило, – сказал Генри. – Типа журналиста?

Я отрицательно покачала головой и постучала ногой по линолеуму. Я была в своих исписанных кедах. На них уже почти не осталось свободного места.

– Нет, типа автором романов.

Генри собирался что-то сказать, но ты перебил его:

– О чем ты будешь писать?

Пишите о том, в чем вы хорошо разбираетесь. Такой совет я когда-то вычитала в книге, и меня тут же накрыло волной холода, неуверенности и растерянности.

– Я хочу писать о сломанных вещах, – тихо ответила я.

Ты вдруг посмотрел на меня очень серьезно. Твои брови поползли навстречу друг другу и вверх, напоминая двух гусениц, пытающихся взлететь с твоего лица.

В класс вошел мистер Джеймесон – десять тысяч ватт научного энтузиазма. По пути он постучал по скелету и чуть не врезался в учительский стол.

Наше внимание переключилось на него.

Ты сидел, покусывая губу, а потом наклонился ко мне и прошептал:

– Я хочу узнать больше о сломанных вещах, Элли.

Я не смотрела на тебя.

– Мои сумасшедшие ученые! Настало время...

Голос мистера Джеймсона громыхал над классом, генерируя даже большую мощност, чем его научный энтузиазм. Он словно вдохнул весь воздух, чтобы говорить, и ничего не оставил нам.

Я была ему благодарна за это. Я не хотела обсуждать с тобой сломанные вещи.

Я не хотела говорить тебе, что я была одной из них.

27

Август,

неделя пролетела быстро, и мы снова оказались на уроке химии. Хвала богам за расписание, согласно которому мне не приходилось сидеть с тобой рядом каждый день.

Я протиснулась позади твоего стула, чтобы сесть на свое место. Ты не подвинулся, даже не обернулся. Стул Генри был пустым. Я бросила учебник и тетрадку на парту и начала с сосредоточенным видом раскладывать свои вещи, чтобы мне не пришлось смотреть на тебя. Ты был слишком близко. Мне казалось, ты знаешь слишком много. Я открыла учебник и стала увлеченно его читать. То есть делать вид, что я его читаю. Я чувствовала, как ты шевелишься рядом со мной, едва заметно поворачиваешь голову. Я продолжала смотреть в книгу. Я не различала слов, все они сливались воедино под моим мечущимся взглядом.

– Элли... – позвал ты робко и тихо.

– Ш-ш-ш, я читаю.

– Элли...

Я резко и раздраженно повернула голову.

– Что? – Ты виновато посмотрел на меня своими широко раскрытыми глазами. Положил подбородок на учебник. – Эм, ты держишь книгу вверх ногами.

Я моргнула, потом украдкой посмотрела на текст. Он действительно был перевернут. Я захлопнула книгу и прижала ее к груди.

– Я... пробовала кое-что.

Что я несла? Вот что бывает, когда ты делаешь что-то глупое? Ты

придумываешь этому еще более нелепое объяснение? Мне хотелось хлопнуть себя книгой по лбу, но и это бы тоже выглядело глупо.

– Я так и подумал.

Я посмотрела на тебя. Ты улыбался.

– Прекрати это.

– Что?

Ты не прекращал.

– Улыбаться. Ты выглядишь глупо.

– Говорит та, что читает книгу вверх ногами.

– Послушай, я...

– Тебе нужно избавляться от этой привычки, потому что сложно будет писать книги вверх ногами.

Я улыбнулась; все мое тело напряглось. Где Генри? Где мистер Джеймесон? Сейчас должен был быть их выход. Но они упустили свой шанс.

– *Если я буду писать книги...*

– Из тебя выйдет отличный писатель, Элли, – выпалил ты, словно уже несколько часов ждал удобного момента сказать это.

Я стучала ногой по полу, чтобы успокоить свои нервы.

– Почему ты так думаешь?

Ты секунду помолчал, а потом, глядя куда-то вдаль, сказал:

– Потому что когда-то давным-давно в лесу на окраине города ты выдумала для нас целый мир. И он был настоящим. И принадлежал нам. И был прекрасным. И писать ты будешь так же. В твоих историях выдуманное станет реальным.

Мои глаза стали стеклянными. Не потому, что в груди появилась знакомая боль, которая продолжала усиливаться. Не потому, что ты вытащил мою мечту на всеобщее обозрение, заявив о ней вслух. А потому, что долго обдумывал то, что собираешься сказать. И я это заметила.

Генри занял свое место рядом со мной. Вот-вот должен был прозвенеть звонок. И тут я услышала твой голос, тихий и глухой, звучащий так, словно ты давно ждал случая, чтобы произнести следующую фразу:

– К тому же ты прекрасно умеешь ломать.

28

Депрессия,

тебе нравилось рассказывать мне истории. Трагедии. Мою собственную трагедию. Я смотрела в зеркала и гадала, где же я потеряла частички себя. Когда я вглядывалась в свои глаза, они часто казались чужими. На ухо ты нашептывала мне возможные концовки этой истории. Окно. Веревка. Бритва. Таблетка. Всякий раз способ менялся. Но результат оставался прежним: меня больше не было.

Твои истории меня пугали. Но я слушала. Эти истории были нашим секретом, потому что я боялась говорить о них вслух.

29

Август,

на следующий день, когда я пришла на химию и села на свое место, ты дернул меня за рукав.

– Что? – рявкнула я.

– Прости меня, – сказал ты, поднимая руки вверх в знак капитуляции. – Я не должен был говорить то, что сказал.

Вместо того чтобы принять твое извинение, я спросила:

– Почему ты не хочешь поступать на художественный факультет?

Я все еще не могла скрыть разочарование в своем голосе. Я пыталась, но не вышло.

Ты громко сглотнул.

– Я... я не смог попросить об этом родителей. Не смог сказать им, что хочу стать художником.

Я напряглась. Ты *не смог* им сказать? Я втянула воздух носом и постаралась не выдать своего раздражения голосом.

– Почему?

– Ну, у меня папа директор компании, а мама была адвокатом, пока не родила меня, и это все кажется... мне кажется... – Я терпеливо ждала. – ... Они не поддержат меня.

– Ты хотя бы попробовал спросить?

Ты поднял брови, словно тебе это и в голову не приходило.

– Нет... Они спросили у меня, чем я хочу заняться, когда закончу школу. Я сидел за обеденным столом, и, знаешь, мне вдруг показалось, что на меня давит что-то тяжелое. Они разрешали мне заниматься искусством и думали, что я вырасту и брошу это к тому времени, когда нужно будет поступать в универ. Поэтому, когда они спросили, я выдал первое, что

пришло в голову: бизнес-факультет. – Ты вздохнул. – Ты бы видела лицо моего папы, Элли. Он был так счастлив и горд. Я просто... я не хочу их расстраивать.

Ты собирался изучать бизнес, так как считал, что должен. Тебя как будто загнали в угол и не оставили иного выбора. Я знала, что ты чувствуешь. Много лет назад я перестала ходить с тобой гулять в лес, потому что мне казалась, что у меня нет выбора. Но у тебя он был, ты просто боялся его сделать.

– Ты не должен делать то, что не хочешь, даже если тебе кажется, что другие этого от тебя ждут, – сказала я.

Ты провел пальцами по своим волосам.

– Хотелось бы мне в это верить.

– Тебе стоит попробовать.

– И что из этого получится? Сын бизнесмена и бывшего адвоката отправляется в большой город, чтобы стать художником, но вместо этого со всеми своими карандашами ночует в картонной коробке, потому что, подумать только, стереотип о бедном художнике – правда.

Я рассердилась. Август, которого я знала, Август с его светлячками и яркими мазками кисти, не был циником и не старался угождать людям. Он был мечтателем. Он рисовал волшебные двери в любое место во Вселенной.

– Когда-то давным-давно жил-был мальчик, который мог раскрасить этот мир кончиками своих пальцев. Он и не знал, что с каждым мазком его кисти люди чувствовали себя более реальными, что с каждым новым добавленным цветом он делал мир ярче. Он был светлым и удивительным. И хотя не все знали его имя, люди находили приют в его картинах, и этого было более чем достаточно.

– Привет, Элли! – протиснулся на свое место Генри Джордан.

Я вспоминала твой карандашный рисунок, на котором был изображен мир. Ты нарисовал его в шестом классе. Я вспоминала ощущение, что я пишу рассказ, который может ожить. Голос Генри вернул меня в реальность.

– Привет, Генри!

Было безопаснее смотреть на него. Он выглядел счастливым, словно мое полное внимание и очередная улыбка были чудом. Генри сел ровнее. Положил руку на свои помятые джинсы, внезапно осознав их неопрятность, и стал безуспешно разглаживать их ладонями.

Он метнул на меня свой взгляд, и его кадык нервно дернулся. Казалось, чем больше внимания я уделяю Генри, тем сильнее тебя это раздражает.

Ты беспокойно заерзал на своем стуле. Я решила, что раздражение тебе к лицу, поэтому я нарочито внимательно слушала Генри и даже изредка ему широко улыбалась, демонстрируя свои зубы (а у меня были хорошие зубы).

Ты писал что-то на линованной бумаге, крутил меж пальцев карандаш, прежде чем нацарапать очередную строчку.

Вошел мистер Джеймесон с высокой стопкой листочков в руках. Он казался одержимым и напоминал мне о мисс Хупер. Не из-за одержимости, а потому что она тоже могла часами говорить о словах, и все это время изнутри ее кожу словно подсвечивали сотни лампочек. Мистер Джеймесон светился.

Передо мной возник сложенный листочек бумаги. Я взглянула на него, прищулив глаза. Оба моих соседа смотрели вперед невинным взглядом. Но карандаш был только у тебя, поэтому, очевидно, ты был автором записки. Я развернула бумажку.

Ты слишком часто улыбаешься Генри.

Ниже было написано: «*Кажется, Элли Уокер втрескалась в новичка. Очень оригинально.*».

Я чуть не расхохоталась. Что-то подобное я сказала тебе, когда нам было по одиннадцать лет и в наш город переехала Лили Флорес. Тогда я пыталась заставить тебя покраснеть, но у написанного в записке был более серьезный подтекст.

Я улыбнулась, написала ответ в уголке бумажки и подвинула ее обратно к тебе. Ты не пошевелился, просто опустил взгляд, чтобы прочитать. Сжал челюсть. Меня разбирало от смеха.

Кто может устоять перед ямочками?

Мальчики с ямочками действительно выглядели очень мило. У моего отца не было ямочек.

* * *

Когда я вернулась домой, я обнаружила в кармане бумажку. Я не заметила, когда ты ее туда подкинул. В руках у меня оказалась записка, которую я тебе отправила в средней школе.

Я прошу развода от нашей больше не священной лучшей дружбы.

Под этими строчками был твой ответ.

Нет.

30

Август,

на следующий день ты стоял у моего шкафчика, поджидая меня. Ты заметил меня не сразу. Я посмотрела на тебя и замедлила шаг. Ты казался таким высоким. Ты был стройным и подтянутым, на твоих руках играли мышцы, и от этого у меня ненадолго перехватило дыхание. Когда-то эти руки обвивали меня во время наших драк – мы были невинными детьми и улыбались во весь рот. Мне не понравился всплеск чувств, который я испытала, глядя на тебя. Мне было грустно и волнительно одновременно.

Ты посмотрел на меня. Не улыбнулся. Казалось, ты немного нервничал. Был не совсем уверен в своих действиях.

– Уокер, ты получила мою записку?

Я громко раздраженно вздохнула (я не чувствовала раздражения).

– Да, Мэттьюс. Я получила твою записку.

– Мы высекли на дереве «пока смерть не разлучит нас».

– Мы были детьми. Что мы понимали тогда?

– Многое.

– Например?

Ты закусил губу.

– Например, ребенок знает, что, если твой лучший друг отталкивает тебя, нельзя просто так сдаваться. Может, в глубине души он знал, что струсил, когда не заступился за нее, перестал стучаться в ее дверь и оставлять записки в шкафчике. Может, он мог постараться и сдержать обещание. – Я моргнула. – И, может, он знает, что сейчас готов на все, чтобы сдержать обещание.

Пока мы выросли, между нами столько всего накопилось. Мне было стыдно за то, что из-за одного проявления малодушия я потеряла своего лучшего друга. Да, ты отвернулся, когда меня обзывали одноклассники или когда мне было больно, но это произошло потому, что я первая тебя оттолкнула.

Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, и думала, что ответить.

– Я не знаю.

– Элли...

– Знаешь, я не уверена, что мне нужны серьезные отношения. Я не хочу связывать себя обязательствами: вдруг я встречу нового потенциального лучшего друга?

Я сдержала улыбку.

Псевдорассерженный взгляд.

– Ты само очарование.

Я посмотрела на свои исписанные кеды, длинные тонкие ноги и поношенную футболку.

– Я никогда и не претендовала. Ты тоже так себе.

На самом деле ты был концентратом очарования во флаконе, и я хотела спрятать тебя в свой карман.

Улыбаясь, я развернулась, чтобы пойти на следующий урок, и тут я почувствовала, как радость покидает меня, и ее место занимает знакомое холодное оцепенение. Оно подкралось, пока я не видела, и нагрязнуло, когда я не ожидала. Ты начал убеждать меня в том, что из тебя получится первоклассный лучший друг, но я чувствовала лишь то, как постепенно, капля за каплей, я стекаю на линолеум, а ты не замечаешь, что я растворяюсь и превращаюсь в ничто.

31

Депрессия,

ты всегда нападала на меня в самый неожиданный момент. Ты подкрадывалась и вонзала свои когти.

Депрессия может потопить ваш корабль, только если вы допустите попадание воды в трюм. Я прочитала эту фразу в кабинете школьного психолога. В журнале, скромно лежащем среди рекламных буклетов антидепрессантов, которые люди мажут на себя и пьют, чтобы и внутри и снаружи все было в идеальном порядке. Но люди не понимают, что иногда корабль может перевернуться. Иногда дождь обстреливает палубу своим каплями-пулями. И нет никаких спасательных шлюпок и ведер, чтобы вычерпать воду. Депрессия, ты взяла топор и прошлась им по деревянному корпусу, ты прорубила зияющие дыры, через которые в трюм льются потоки воды. И мы даже не помним, когда ты это сделала. Мы просто просыпаемся в мутной воде, тянущей нас ко дну.

Вот как это было.

Мы просыпаемся в темноте, в холоде, в сырости и широко раскрытыми

глазами впитываем летние дни и звучащий где-то вдали смех. Мы смотрим по сторонам и не можем понять, почему мир забыл о нас, ведь мы тонем у всех на виду.

Я нашла этот журнал, пока сидела в кабинете школьного психолога, чтобы обсудить мои планы на после окончания школы. Но сложно было думать о будущем, когда ты со своими острыми зубами преследовала меня как тень и пожирала.

32

Листовка,

у себя в голове я придумываю истории, чтобы вытеснить темные мысли, которые шепчутся, толкаются и играют на моих нервах.

Как-то я шла в толпе по школьному коридору, писала рассказ в голове, остановилась, подняла взгляд и увидела тебя.словно выстрел, ты отпугнула тень. Всего на миг. Но этого оказалось достаточно. Ты была ничем не примечательна. Блестящий лист бумаги формата А4, но я влюбилась в тебя. На тебе было изображено здание университета с красивыми белыми колоннами.

ОБУЧЕНИЕ ПИСАТЕЛЬСКОМУ МАСТЕРСТВУ В КОЛУМБИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Я посмотрела на тебя и почувствовала себя... дома. Я сорвала тебя со стены. Теперь ты принадлежала мне.

33

Август,

в тот же день я приклеила листовку к внутренней части дверцы моего шкафчика. Я посмотрела в Интернете фотографии университетского городка, прочитала и перечитала информацию на официальном сайте. Я трогала пальцами слова «*Колумбийский университет*». Это был престижный вуз. Казалось, на кусочке блестящей бумаги размером А4 были заключены все мои мечты. *Литературное искусство, видение, свобода творчества, сила, непревзойденные писатели.* Каждое слово было

подобно разряду молнии, который бил прямо мне в сердце.

Ночью в своей комнате я закрывала глаза и представляла, как получаю письмо о зачислении, беру рюкзак и сажусь на поезд до Нью-Йорка. У меня могло получиться. Я знала это. Я была так счастлива, что даже не обращала внимания на свежий синяк у себя на спине или на то, что мама снова плакала в ванной прошлой ночью. Я буду свободной! Я считала дни до этого момента.

– Земля вызывает Элли! Земля вызывает Элли!

Ты стоял прямо за мной, и я повернулась, потому что была слишком счастлива, чтобы тебя игнорировать. Хотя последние пару недель у меня это отлично получалось. В коридоре я надевала наушники, в классе притворялась, что делаю конспект. На уроке мисс Хупер ты сидел далеко от меня, хотя рассадка была свободная. Ты сидел на другом ряду и дальше от учителя.

Ты пересел туда еще в те времена, когда мы были лучшими друзьями. Классе в четвертом. Ты стал занимать задние парты, и поначалу я обижалась. Мне казалось, я тебя теряю, но, как только звенел звонок, ты галопом подбегал ко мне, и мы вместе шли на следующий урок.

Ты пытался так делать и после урока мисс Хупер, но когда звенел звонок, я тут же подходила к ее столу и спрашивала ее то о комментариях к моему эссе, то о том, куда лучше поступать, если я хочу стать писателем.

Я нашла свой талисман. У мисс Хупер были книжки, у мистера Джеймсона – наука, а у меня – Колумбия.

Ты несколько секунд просто смотрел на меня, поражаясь моей лучезарной улыбке.

– Давно я не видел, чтобы ты так улыбалась.

– Я знаю, куда хочу поступать! – Я ткнула пальцем в листовку.

Ты перевел на нее взгляд и прочел надпись.

– Колумбийский университет? Нью-Йорк, значит?

– Да! – Я практически достигла уровня энтузиазма мистера Джеймсона. – Я прямо сейчас начну готовить документы. Хочу отправить их пораньше.

Ты смотрел на меня с нежной улыбкой.

– Ты поступишь.

Твои слова укрепили мою уверенность в том, что все возможно. У тебя за ухом был заложен карандаш, а на джинсах красовалось пятнышко оранжевой краски. Я представила тебя в костюме и галстук, и на секунду мне стало тоскливо. Грустно было думать о том, что мазки твоей кисти больше не будут украшать этот мир.

– Ты тоже.

Ты моргнул.

– Я? Поступлю в Колумбию?

– Ты должен сказать родителям. – Мне не пришлось объяснять, что я имею в виду. Твои губы сложились в «о» – ты все понял. – Я просто подумала, что... если у нас есть шанс, мы должны сделать все, чтобы быть счастливыми.

Ты закусил губу и отвернулся от меня.

– Скажи мне прямо сейчас, что ты хочешь поступать на бизнес-факультет. Скажи мне, и я от тебя отстану.

Ты посмотрел на меня. И не сказал ни слова.

34

Депрессия,

с тобой было очень непросто. Мне хотелось отмыть тебя дочиста, натереть до блеска, чтобы тебе не казалось, что ты гниешь у меня внутри. Мне хотелось приложить все усилия, чтобы ты исчезла с лица Земли. Мне хотелось захлопнуть дверь перед твоим носом, когда ты приходила ко мне. Иногда я находила в себе силы и поступала именно так. Я закрывала тебя в подвале. Криками я заставляла тебя подчиняться. Я заманивала и запирала тебя в шкафу. Я делала вид, что ты не такая уж страшная и что все в порядке.

Но ты могла настичь меня, когда я была не готова, когда меня уже не держали ноги, когда у меня не хватало воздуха в легких, чтобы кричать, сил, чтобы отбиваться, энергии, чтобы притворяться. Ты брала меня на руки и уносила далеко-далеко. Ты покусывала кончики моих пальцев, маячила у границ поля зрения, как призрак, у которого остались незавершенные дела. Я была твоим незавершенным делом. Со мной ты не победила, а проигрывать ты не любила.

Именно поэтому я придумывала миры, чтобы уноситься вдаль, мечтать, фантазировать, воображать и какое-то время верить в то, что это реальность. Это помогало мне справиться с силами, чтобы встретиться с тобой и победить.

Когда я начала писать эссе для приемной комиссии Колумбийского университета, я выдала все наши секреты, потому что на бумаге ты не могла меня сломать.

Отец,

я вбежала по ступеням крыльца и пролетела сквозь дверной проем. Открывшаяся возможность опьянила меня. Мне хотелось взбежать по лестнице в свою комнату и делать бумажных ангелов из распечаток с информацией о Колумбии, которые я сделала в школе за день до этого. Я уже подходила к лестнице, когда услышала твой голос, доносящийся из гостиной:

– Элли.

– Да, отец?

Прошу оставить меня в покое, прошу оставить меня в покое.

– Иди сюда.

Я вошла в гостиную уже без улыбки на лице. Я тут же почувствовала себя маленькой. Я сразу же испытала страх. В этот же миг мне захотелось бежать.

Я стояла молча.

Ты сидел, держа в руках стопку бумаг. Ты откинулся на спинку кресла.

– Разве в этом доме у нас есть секреты друг от друга, Элли?

– Н-нет, – потрясла я головой. «Нет секретов».

Ты перевернул стопку бумаг, и я увидела здание с колоннами и схему территории Колумбийского университета. Ты побывал в моей комнате.

– Тогда что это такое?

– Просто информация об университете.

– Этот университет находится далеко отсюда.

– Я... я знаю. Просто я увидела листовку. Там хорошая программа, и я решила сохранить информацию. Я... я не собираюсь туда поступать.

Это была ложь.

– То есть ты распечатала около пятидесяти страниц просто ради забавы? – Ты начал вставать. – Ты держишь меня за идиота?

Крышка зажигалки открывается и закрывается.

– Нет, я просто распечатала информацию. – Он кивнул, делая вид, что верит мне. – Это хорошо. Потому что ты никуда не уедешь из этого дома. Элли, твое место здесь, вместе со мной и с мамой.

– Я это знаю.

– Хорошо.

Ты взял зажигалку и сжег листы бумаги. Я развернулась и пошла наверх.

Август,

тем же вечером отец сказал мне, что, если я нарушу обещания и попытаюсь уехать, маме будет очень одиноко.

– Что же только будет с ней? – сказал он.

Щелк, зажигалка открылась, щелк, закрылась Взгляд устремлен за окно. Угроза.

Я кивнула. Меня словно высушили досуха, выжали весь энтузиазм. И все мечты.

На следующий день после уроков я сорвала листовку с дверцы шкафчика и направилась к урне, чтобы выбросить ее. Я так устала чего-то хотеть и не хотеть, устала от американских горок своего эмоционального состояния, устала от того, что все казалось далеким и недоступным.

Возможно, пора было перестать пытаться, как сделала мама.

Меня трясло, но я все-таки ее выбросила. Должно быть, а я еще долго стояла около урны, после того как прозвенел звонок. Когда я подняла голову, коридоры были пусты, и только ты стоял и смотрел на меня своими глазами-блюдечками. В них не было осуждения. Я опустила руку, вдруг ощутив стыд.

Такие девочки, как я, не должны мечтать о чем-то большом. Они все равно остаются в своих домах, переполненных тайнами, и там же умирают.

Я отвернулась и направилась к выходу. Всю ночь я вела бой со своими мыслями, с переменным успехом боролась с идеей поехать в Нью-Йорк, в Колумбию, где ждут аудитории, профессора и красивые двери из мореного дуба. Университет, казалось, находился на расстоянии сотен световых лет от моего таунхауса на Сансет-стрит.

На следующий день я иступленно волочила ноги к своему шкафчику. Я с трудом заметила, как оттуда выпал сложенный вдвое листок. Он упал на пол, приземлившись на мысок моего кеда. Сузив глаза, я нагнулась, подобрала его и развернула. Глянцевая бумага. В моих руках оказалась мечта. В правом нижнем углу знакомым почерком было написано: «Крайний срок для подачи документов – через три месяца. Помни, для нас открыты все двери».

Ты не подписался. Но я знала, чьих это рук дело. Твой почерк остался таким же, как в четвертом классе, что было особенно удивительно, потому что нарисованные тобой работы были достойны лучших галерей. Я осмотрелась, но не увидела тебя в коридоре. В спешке я стала искать в

шкафчике скотч. Я затаила свое лихорадочное дыхание. Когда я его отыскала, я закусил губу и оторвала кусочек ленты. Как и раньше, листовка идеально смотрелась на дверце шкафчика. Да, она прекрасно туда вписывалась. Я снова провела пальцами по буквам и улыбнулась.

Я снова распечатала листы с информацией в школьной библиотеке. Я спрятала их в шкафу.

37

Мама,

ты возвращалась с работы все позже и позже. Отец устроился на работу на лесопилку и теперь тоже работал допоздна. Но все равно были вечера, когда ты приходила после него. Не знаю, зачем ты так рисковала, ведь от этого отец бил тебя еще сильнее. Он злился от того, что тебе приходилось так много работать. Я не обращала внимания, как ты тихо стонала от боли или включала душ поздно ночью, чтобы было не слышно, как ты плачешь.

Я вела себя так не потому, что мне было все равно, а потому, что ты сделала свой выбор. Я отказывалась делать такой же. Я абстрагировалась от этого мира с помощью слов. Писала эссе для мисс Хупер. Писала, переписывала и выбрасывала эссе для Колумбии. Я продолжала писать про сломанные вещи, тайны, грустные события, но строчки не складывались в историю. Это было не то, о чем мне хотелось рассказать.

Я писала в темноте, пока ты дрожала в душе.

Я ходила на цыпочках по собственному дому и получала ремня всякий раз, когда отец выпивал слишком много виски и не находил причин не прибегать к насилию. Но мои синяки проходили.

Чернила же останутся на бумаге.

Я писала даже тогда, когда натягивала на уши подушку, чтобы не слышать твоего плача.

Я растворялась в строчках и жила в них, и так я могла притворяться, что Сансет-стрит вовсе не существует.

38

Август,

– Я сказал им!

Ты бежал ко мне, когда я сидела на островке зеленой травы за школой. Тут никого не было, и я наслаждалась жарой и тишиной. Я подняла руку, чтобы солнце не светило в глаза, и увидела тебя, улыбающегося и восторженного. Каким образом в мире находится достаточно места, чтобы вместить эти огромные глаза и улыбку? Я не могла не улыбнуться в ответ, хотя и не понимала, о чем ты говоришь.

Потом до меня дошло. Ты сказал им, что хочешь пойти на художественный факультет.

Ты был полон энергии, подобен взрыву света и цвета, головокружительному и не переводящему дыхания восторгу.

Я встала.

– Да. Ладно.

– Да! Ладно! – ответил ты под стать моему стаккато.

Я неловко подняла руку, чтобы дать тебе пять, но ты не обратил на мой жест никакого внимания, подошел и обнял меня. Я резко вдохнула, испытывая легкую неуверенность. Но ты был теплым, от тебя исходила энергия, которую едва могло уместить все Северное полушарие, не говоря уже о твоём теле. Это было самое большое объятие в мире, и оно было моим. Я улыбнулась в твою мягкую хлопковую футболку, вдохнула запах стирального порошка и масляной краски.

Я не задумывалась о том, что мы стоим так близко друг к другу, пока не услышала, что ты перестал дышать.

Мои руки лежали у тебя на шее, а твои – у меня на талии. Наши тела были почти вплотную прижаты друг к другу. Когда они успели так сплестись? Кто превратил наше объятие в нечто новое, искрящее электричеством?

Пока я задавалась этими вопросами, ты опустил голову и легонько дотронулся своим носом до моего. Я почувствовала твоё горячее дыхание на моем лице. Ты сглотнул. Облизал губы. Твоё дыхание сбилось.

В этот момент я почувствовала тебя. Я *почувствовала* тебя. Кое-что твердое у тебя в джинсах. Я снова моргнула, растерявшись. Ты хочешь меня. Вот *так*? Я ощутила миллион разбежавшихся по моему телу уколов наслаждения, желания, ослепительного и приятного возбуждения, которое заставляло мой желудок подпрыгивать на невидимом батуте. Мне нужен был трос, чтобы привязать себя к земле, потому что мне так хотелось улететь в облака.

Мое тело было напряжено, реагировало на малейшее движение, а внизу живота я почувствовала приятную боль. Словно из меня вытряхнули все содержимое и теперь я пила искрящийся солнечный мед. Мы не

шевелились, привыкали к низменностям и возвышенностям наших тел и к тому, как близко они находились друг к другу. Недостаточно близко.

Я услышала, как ты снова сглотнул, и твои руки медленно сжали меня. Я была цветком на твоих ладонях, и ты хотел аккуратно поцеловать мои лепестки, чтобы не помять их. Я чувствовала твоё сомнение и желание. Оно накатывало на тебя волнами, которые накрывали меня, и я хотела выпить их до дна. Я запустила пальцы в твои волосы, уткнулась носом в твою шею, и твой кадык дрогнул от прикосновения.

– Элли, я...

Мне показалось, что тебе внезапно стало стыдно из-за твердости в твоих штанах. Может, я тоже должна была смутиться? Ты немного отодвинулся, чтобы между нашими ногами появилось пространство, а потом наклонился, и твоё лицо оказалось в миллиметре от моего. Ты коснулся губами моей щеки, и я закрыла глаза. Ты превратился в дыхание, взмахи ресниц, прикосновения рук, и я жадно прижалась к тебе, чувствуя жажду. Жажду того, чего я не знала и не понимала, но все равно желала.

– Ты затаила дыхание, – сказал ты.

Я поняла, что это действительно так. Я держала в себе весь кислород, весь воздух, чтобы не нарушить и не испортить момент.

– Я не хочу сдуть тебя, – сказала я и почувствовала, как твои губы сложились в улыбку у меня на щеке.

– Я буду рядом, Элли. Всегда

И я тебе поверила. Ты провел губами по изгибу моей шеи, дотронулся до подбородка, а потом легко и нежно поцеловали меня. Поцелуй, предназначенный для лепестков, и сбитых коленок, и дружбы двух лучших друзей, превратившейся во что-то новое.

Мы оба выдохнули. Оба немного отклонились назад. Оба почувствовали боль, влечение, желание и хрупкий яркий свет между нами.

Я моргнула, потому что хотела удержать тебя. Но я не думала, что у меня получится. Я сделала шаг назад. Мне показалось, что я вот-вот упаду. И упаду не по уши в ватные облака, а на твердую землю, как в кошмарном сне. Я сглотнула. Снова моргнула. Я отчаянно пыталась отбросить сомнения и неуверенность, потому что мне очень хотелось вернуться в кольцо твоих рук, но я не могла.

– Элли...

– Мне... мне пора.

Я не хотела уходить, а хотела остаться, но я боялась, что еще одно прикосновение, и все рухнет. Еще одно прикосновение может стать ложью.

Я отвернулась от тебя. Образовавшееся между нами пространство

напоминало Гранд-каньон. Мир раскололся на две половины, и мы оказались по разные стороны разлома, и мне хотелось плакать.

– Элли, прости меня, пожалуйста, не... – Я не стала дожидаться окончания этой фразы. – Элли... – Твой голос звучал громче, требовательнее. Я уже бежала. Ты не последовал за мной.

39

Мама,

мои исписанные кеды стучали по тротуару. В моей голове бушевали чувства. Мое тело разрывалось на части. Мне хотелось быть рядом с Августом, мне хотелось стать ближе, но сомнения затвердели и встали комом у меня в груди. Пока я бежала, я вспомнила историю, которую ты однажды рассказала мне.

Когда ты впервые встретила отца, тебе показалось, что небо разверзлось и осыпало тебя звездами. Вначале не было на свете безопаснее места, чем в его объятиях. Когда-то давным-давно ты его любила.

А потом ты стала плакать в душе, в кровати, прятать синяки под тональным кремом и огромным количеством теней для век.

Я верила, что Август никогда не причинит мне боль.

Но когда-то ты тоже не думала, что отец причинит боль тебе.

Увидев его впервые у нас на крыльце, я тоже не думала, что он будет кусаться.

Я боялась отдавать свое сердце. Оно уже было разбито. Я знала, каково это, жить в клетке, и боялась, что кольцо рук Августа может превратиться в грубые железные прутья и я окажусь в ловушке.

Я знала, что это твоя жизнь и ты затащила меня с собой в эту клетку. Но я не хотела сбегать из одной тюрьмы в другую.

40

Мама,

я проснулась от того, что ты гладила меня по голове. Я моргнула заспанными глазами. Я так устала и не хотела вставать.

– Тебе снился кошмар? Ты дергалась во сне. Что случилось, голубка?

Я все еще находилась в полудреме.

– Я не хочу жить в клетке.

Ты снова провела рукой по моим волосам, расправляя запутавшиеся локоны.

– Тебе не место в клетке.

– Но что, если... – Было темно, я была сонной и смелой. – Все мужчины такие, как отец?

Ты перестала гладить меня и вздохнула.

– Нет, Элли. Не все мужчины такие, как твой отец. Но тебе все равно нужно быть осторожной с тем, кому ты доверишь свое сердце.

Это прозвучало как *«Не доверяй слепо свое сердце, как это сделала я»*.

Затем ты нежно взяла меня за подбородок.

– Но это не означает, что нужно закрываться.

41

Небо,

я летела сквозь твои облака без парашюта, стремительно несясь вниз и крича, но звук растворялся в воздухе. Я падала, пытаюсь ухватиться руками за солнечные лучи и твою васильковую голубизну. Но я падала, и падала, и падала, и у самой земли, я закрыла глаза...

И проснулась.

42

Сны,

вы были жестоки и казались такими реальными. Иногда я просыпалась, и мне все равно казалось, что я падаю.

43

Август,

ты не пытался вывести меня на разговор, заставить объяснять тебе что-либо. Но после урока мистера Джеймсона, как только прозвенел звонок, ты взлетел со своего места со скоростью молнии. Передо мной лежала сложенная записка. Я развернула ее. Она оказалась не запиской, а

рисунком.

На нем был изображен наш крытый мост. Мы были детьми. Мы сидели в оконном проеме, свесив ноги через край. Я смотрела вниз на реку с широкой улыбкой на лице. Я выглядела счастливой и живой. Мне хотелось быть этой Элли. Той Элли, которая вдыхает мазки кисти, а не той Элли, которой кажется, что оно вот-вот, капля за каплей сползет на пол и растворится. Потом я посмотрела на рисованного тебя, сидящего рядом со мной. Ты смотрел не на реку.

Твой взгляд был прикован ко мне.

44

Депрессия,

я так устала от историй про страдания и потери, которые ты нашептывала мне на ухо. На уроках я впивалась ногтями в дерево стула, чтобы убедиться, что я все еще сижу на нем, что я не упаду.

Ты продолжала попытки запереть меня. Но я медленно находила ключ. Когда я отвлекалась на написание эссе для университета и на глазоблюдочки, ты вела себя тихо. Мне надоели прощальные песни, которые ты нежно напевала мне на ухо. Они звучали так красиво. Они звучали как ложь.

И я устала от чувства, что я вот-вот утону, из-за которого реальный мир казался далеким.

Я устала быть одна, ведь я знала, что все вокруг может заиграть новыми красками.

Если я буду с ним. Поэтому я решила сопротивляться, когда ты будешь подкрадываться ко мне. Бороться. Тебе тут больше не было места. Тогда же я поняла, чего не хватает в моем рассказе. Я достала свой блокнот и написала о боли. А еще я написала о надежде.

45

Август,

я написала о нас.

Август,

ты сказал:

– Привет!

– Привет, – ответила я.

Мы оба смотрели в пол. Мои белые кеды, усеянные словами, твои чистые кроссовки. Прошла неделя с тех пор, как мы по-настоящему *смотрели* друг на друга. Я чувствовала вибрирующую энергию между нами, волнение, влечение. Мы стояли на тротуаре, но с таким же успехом мы могли быть заперты в тесной кладовке. Воздух вокруг, казалось, давил на нас, наполненный ожиданием и нерешительностью.

– Прости...

– Прости меня, Август. – Я все еще смотрела на твои ноги. – Я... слишком остро среагировала. Ничего такого не было, я просто... разнервничалась.

Несколько секунд ты молчал.

– Я никогда не сделаю тебе ничего плохо, никогда осознанно не причиню тебе боль.

Ты сделал шаг мне навстречу, кроссовки подвинулись ближе. Я почувствовала, как твоя рука поднимает мой подбородок. Ты сглотнул, и я увидела, как дернулся твой кадык.

– Элли Уокер, ты меня прощаешь?

Часть меня хотела сказать, что не за что просить прощения, что мне понравилось ощущать, что ты меня хочешь, что, оттолкнув тебя, мне еще сильнее захотелось быть с тобой. Но вместо этого я сказала:

– Август Мэттьюс, ты прощен. – Ты выдохнул, с твоих плеч спало напряжение. Воздух стал менее плотным. – И вообще, что бы я делала, если бы в моей жизни не было великолепного Августа Мэттьюса?

Ухмылка.

– Страдала. Тяжко. Очевидно же.

– Действительно. Ведь так тяжело, когда тебя никто непрерывно не достает. Тишина сводит с ума.

– Тишина – твоя лучшая подруга, так что, сдаётся мне, кто-то привирает.

– А вот и нет. У меня тут рой слов и миров.

Я дотронулась пальцем до своего виска.

– Ага, но было бы здорово, если бы ты почаще пользовалась ртом.

Тут твой взгляд задержался на моих губах: одна секунда, две секунды, три секунды.

Я хотела что-то сказать, но отвлеклась на твои глаза, следящие за моими губами, и забыла, как сложить слова в предложение.

Потом ты встряхнул головой, словно освобождая ее, и сделал шаг назад.

– Хочешь пойти на наш мост?

Мне нравилось, как ты говорил «наш» мост. Это было приятно, потому что мы уже много лет туда не ходили, но он все еще оставался *нашим*.

– Да, хочу.

* * *

Мост ничуть не изменился. Разве что немного состарился и обветшал. Ты подошел к тому месту, где на дереве были вырезаны наши имена.

Я моргнула и провела пальцами по буквам.

– Неужели они до сих пор так хорошо читаются?

– Возможно, им кто-то помог.

Ты вытащил швейцарский армейский нож и покрутил его в руках.

– Ты приходил сюда, чтобы обновить их?

– Может быть.

– Почему?

Ты переминался с ноги на ногу.

– Я... я не хотел тебя отпускать.

Я быстро моргала. Мне было неловко, волнительно, страшно – во мне смешались все подобные эмоции. Я взглянула в твои большие, огромные серые глаза. Они смотрели на меня, и мне казалось, что я тону в них. Передо мной стоял мальчик, который бегал со мной наперегонки по улицам, который поцеловал меня на мосту, который рисовал для меня картинки, заставлявшие меня чувствовать себя настоящей и живой. Я хотела сказать тебе об этом, но вместо этого выдала:

– Твои глаза не помещаются на твоем лице.

Ты моргнул.

– Мои глаза?

– Да, они слишком большие, и, когда ты на меня смотришь, мне кажется, я могу споткнуться и упасть в них.

– Я даже не знаю, как на такое реагировать: радоваться или обижаться.

Ты склонил голову.

– Обижайся. Закипай от негодования. Да, я думаю, это самая подходящая реакция.

Может быть, после этого я перестану заглядывать в твои глаза и плавать в их серых водах без спасательной шлюпки. Я чуть не потеряла равновесие, когда заметила на твоих губах самую идиотскую и прекрасную ухмылку.

– Что? – спросила я, тряхнув головой, чтобы избавиться от наваждения.

Твои глаза и улыбка затмили все остальное. Ты дотронулся до моего носа.

– Может, я хочу, чтобы ты споткнулась и упала в моих глаза. Думаю, это будет честно, потому что я уже давно потерялся в твоих веснушках.

Я тут подняла руку к носу.

– Моих веснушках?

– Помнишь, в четвертом классе с мисс Бейли мы проходили звезды?

Я прищурила глаза.

– Да.

Ты отодвинулся.

– Я помню, что смотрел на тебя. Я специально сел сбоку и чуть позади тебя, чтобы смотреть на тебя, когда мне захочется, и чтобы ты не могла перехватить мой взгляд. Я очень дорожил своими конечностями и не хотел с ними расставаться.

Я усмехнулась и ткнула тебя локтем в ребра. Я помню, что немного обиделась, когда ты пересел. Мне казалось, ты захотел больше личного пространства. А на самом деле все это время ты просто пытался скрыть от меня свой растущий интерес. Кажется, я даже покраснела.

Ты улыбнулся и сглотнул.

– Мы проходили звезды, созвездия и их названия. Как-то раз мы играли после школы, я посмотрел на твои веснушки, и мне захотелось дать им имена, как звездам на небе, потому что мне казалось... что они такие прекрасные и я не могу до них дотянуться.

Мы сидели в тишине. Мое сердце превратилось в желтый воздушный шар и парило где-то над нашими головами. Ты отвернулся. Как будто ты подозревал, что я встану и уйду, но тебе не хотелось этого видеть.

– И что, ты придумал, как назвать, – я неловким жестом обвела свое лицо, – эти созвездия?

Я затаила дыхание, будучи уверенной в том, что прямо там, на кривом деревянном полу, потеряю сознание.

Наконец ты перевел на меня взгляд.

– Все до одного.

Я выдохнула.

– Врун.

Я надеялась, что ты не врешь. Едва заметный изгиб твоих губ. Когда ты наклонился ближе, я чуть не вздрогнула. Ты провел пальцами по моей переносице и щекам, соединяя пятнышки. Нежным голосом ты стал перечислять названия:

– Парис и Елена. Тристан и Изольда. Ланселот и Гвиневра. Ромео и Джульетта...

– Это все имена влюбленных из литературных произведений.

Ты прерывисто вздохнул, убрал руку и покраснел.

– Это потому, что все созвездия нужно было поцеловать.

Я перестала дышать.

– Трагические истории, – сказала я. – Это все трагические истории любви...

– Наверное, это потому, что я не рассчитывал на счастливый конец.

Мое сердце было не просто ярким воздушным шариком. Нет. Оно оказалось всеми шарами в мире, взлетающими все выше и выше в небо.

– Я люблю тебя, Элли, – прошептал ты. – Я люблю тебя, не так, как человек любит своего лучшего друга, а... намного больше.

Ты глубоко вздохнул, понимая, что назад пути нет, хотя ты и боялся моего ответа. Возможно, мое молчание придало тебе смелости, и ты продолжил:

– Я люблю, когда ты улыбаешься, глядя на пустые страницы. Я люблю, когда ты поднимаешь руку на уроке, даже если не совсем уверена в ответе. Я люблю восторг в твоем голосе, когда ты говоришь про Колумбию. Я люблю мир, который ты создала для нас, когда мы были детьми. Я люблю, когда ты смотришь на мои картины и видишь меня в них, по-настоящему видишь меня. Я люблю то, как ты смотришь на меня. Я люблю то, как ты произносишь мое имя, будто уместя в него все прелести лета. Я люблю тебя такой, какая ты есть, внутри и снаружи. Я люблю тебя, Элли Уокер.

Я тебе ничего не ответила. Ты так нервничал, что тебя трясло, а мне хотелось расцеловать каждый сантиметр твоего тела, но я не могла. Еще нет. Я растворялась в тебе. Да, я любила тебя, Август. И я люблю тебя. Я давно это знала, просто боялась признаться.

Ты взял меня за руку.

– Элли, прошу... скажи что-нибудь.

Я посмотрела на тебя. Мальчик, который помог мне забыть мой дом, мои тайны, мои океаны непролитых слез. Мальчик, который придал мне сил, чтобы бороться с собственной тенью в темноте.

Все еще паря облаках, я посмотрела на тебя.

– Я хочу рассказать тебе историю. – Я встала и отряхнула свои джинсы. – Но тебе придется подождать до завтра.

Я чмокнула тебя в щеку и убежала.

Я бежала и улыбалась.

47

Август,

мы были на уроке мисс Хупер. Ты вертелся около своей парты, пытаюсь перехватить мой взгляд, но я не обращала на тебя внимания. Я не хотела терять самообладания. Я подошла к мисс Хупер, и ее лицо озарилось сияющей яростной силой улыбкой. Это меня чуть не спугнуло, но я моргнула и прошептала:

– Я бы хотела прочитать свое эссе. Перед классом.

Ее улыбка растянулась во все лицо.

– Это замечательно, Элли! Хочешь выступить завтра? Обычно именно по пятницам мы делимся...

– Нет, я могу прочитать его сегодня? Прямо сейчас?

Я закусила губу. Она склонила голову набок и увидела в выражении моего лица что-то такое, что заставило ее кивнуть.

– Давай, Элли. Ты можешь выступить в начале урока.

Мисс Хупер встала, и все затихли на своих местах. Она объявила классу, что я собираюсь прочитать эссе. Послышалась пара смешков, закрипели стулья, но я сняла портфель с плеча и достала листок с текстом. Эссе, которое я сдавала мисс Хупер и на котором красовалась пятерка с плюсом. Эссе, которое я отправила в Колумбию.

Мисс Хупер села. Ученики сидели тихо. Я бросила портфель на пол, собралась с силами, выпрямила спину. Мне всегда казалось, что мое тело – рваная рана и я разваливаюсь на части, но, стоя на виду у всех, я почувствовала, что меня собрали воедино и наложили швы. Словно мои кости и суставы наконец разобрались, как сложиться так, чтобы всем хватало места, и теперь я могла стоять прямее. У меня тряслись руки и хрустели кости, но мой голос звучал твердо.

Все молча слушали, и мой голос завладел пространством, которое казалось бесконечным и не имеющим пределов: расстояние между мной и звездами, расстояние между пальцами моих ног, расстояние между

сломанным дверным косяком и дверью, расстояние между искрящимися глазами мисс Хупер и моими руками, расстояние между мной и тобой.

Ты внимательно смотрел на меня, но я игнорировала твой взгляд. Я боялась, что, если я посмотрю в ответ, мне не хватит смелости прочитать слова, написанные на моем листке.

– Жил-был мальчик, сотканный из красок и мазков кисти. Однажды он повстречал тень, бредущую на трясущихся ногах рядом с ним. Он решил красиво ее раскрасить...

И так я прочитала свое эссе. Не называя наших имен. Я рассказала историю о мечтах, печали и тайнах. Рассказала о тени, которая научилась дышать, и о мальчике, который научился раскрашивать мир яркими новыми красками.

Единственное, чего я не произнесла, – это «я тебя люблю». Но в каждом слове была зашифрована эта фраза. «Я тебя люблю», – звучало в каждом слоге, виднелось в каждой букве. «Я тебя люблю», – шептала каждая строчка.

Когда я закончила, я подняла голову, чтобы увидеть тебя. Твои глаза были раскрыты, а на губах играла улыбка. И я поняла, что ты все услышал.

48

Отец,

я шла домой, перепрыгивала через трещины в асфальте, и мне чудилось, что я летаю на семенах одуванчика. Каждая клеточка моего тела головокружительно искрилась. Я была уверена, что скоро мне станет дурно от того чувства.

Но за каждым взлетом следует падение. Когда я пришла домой, твоя злость затушила мое чувство. В тот день ты нашел мое заявление на поступление. Я заполняла его несколько месяцев. Я распечатала его так, чтобы на полях осталось место для моих заметок, которые я писала посреди ночи.

Ты их не читал. Ты просто достал зажигалку и сжег страницу за страницей.

Ты запер дверь в мою комнату, чтобы не вошла мама, и лупил меня ремнем, пока на моей коже не появились раны.

Я плакала, но я не сломалась.

И звенели удары ремня, а я закусывала губу, пока не начинала идти

кровь, а мама кричала из-за запертой двери. Мне хотелось улыбнуться тебе.

Я уже прочитала свое эссе перед аудиторией. Оно принадлежало миру. Бесконечное. Бессмертное. Август слышал его.

А это заявление, которое ты сжег? Это был всего лишь черновик, я заполнила форму онлайн.

Еще за день до этого в школе я нажала кнопку «отправить». Ты сильно опоздал, и ты даже не подозревал этого. Позднее тем же вечером моя спина так болела, что я не могла на ней лежать. Я очень устала, поэтому уснула, распластавшись на матрасе. Мне все еще хотелось улыбаться, но сон овладел мной.

Я не уверена, но кажется, в промежутках между снами я открывала глаза и видела маму, сидящую в изножье моей кровати и держащуюся руками за голову.

49

Мама,

на следующее утро я увидела тебя на кухне.

– Как ты можешь оставаться с ним? – спросила я. – Ты не видишь, что он такое?

Ты помолчала, а потом сказала:

– Конечно, вижу.

– Но тогда почему...

– Потому что... потому что...

Твой голос казался уставшим и неуверенным.

– Почему!

Я почти кричала, перегибаясь через столешницу, а ты взялась за сковородку. Ты посмотрела на меня.

– Потому что иногда у тебя нет выбора.

Я не сводила с тебя глаз. Выбор есть всегда.

Ты пожала плечами:

– Он не нарочно такой. Он просто не знает, как удержать все то, что он не может контролировать, то, что кажется ему настоящим.

Он никогда не видел настоящую меня.

Хотя это было не совсем точно. Он видел меня. Ту, которая напоминала тебя в прошлом.

Меня, которая хотела быть свободной. Ты заперла нас в этой клетке с замаскированными под стены прутьями. Когда-то мы управляли миром с трона на вершине горы. Когда-то ты была королевой. Это было очень и очень давно. Я отошла от стола и повернулась к двери.

– Ты находишь для него оправдания, мама. Еще много лет назад нам нужно было собрать вещи и уехать.

– Мы уедем. Элли, я...

– Я не хочу ничего слышать, мама.

В моей голове жило достаточно лжи. Я не хотела добавлять к этому твое вранье.

Август,

в пятницу я не пошла в школу. На моей коже темнели синяки, а под ней порхали бабочки. Черные и синие пятна выглядывали из-под моих безразмерных футболок, а в животе трепетали чувства. Мне хотелось тебя увидеть. Несмотря на то, что от одной мысли о встрече с тобой меня разбирало волнение.

Целый день и вечер я рассматривала разложенные на полу фотографии Колумбийского университета. Отец их не тронул. И хотя он был дома, я все равно осмелилась смотреть на них. Я водила пальцами по изображениям классической архитектуры, колонн, красивых красных кирпичей. Я распечатала так много фотографий, что у школьного принтера стали заканчиваться чернила и последние пару снимков представляли собой черно-белую мешанину с вкраплениями других цветов.

Это не имело значения. Я сидела среди этих фотографий, и мне казалось, что я *там*. Я была одним из размытых пятен с рюкзаком, входящих в главный корпус. Мое место было среди колонн: камня и зеленых газонов, где я могла сидеть и погружаться в раздумья рядом с бронзовой копией «Мыслителя» Родена. Я не слышала крики телевизора, доносившиеся из коридора, не чувствовала боли в ребрах, не думала о том, что я сижу в доме с потрескавшейся и осыпающейся краской и мне приходится запира́ть свою комнату на ночь.

Я была там. Не здесь. И я была счастлива. Я взяла в руки каждый снимок, словно они были отлиты из золота, а потом спрятала их. Я сделаю свои фотографии. Очень скоро.

Я уснула с улыбкой на лице.

* * *

Несколько часов спустя я услышала: тук-тук-тук! Стук в окно разбудил меня, и я села кровати. Я поспешно бросила взгляд на дверь и выдохнула. Все так же закрыта. Я посмотрела в сторону окна. Может, это ветер? Дерево? Я никогда не замечала, как близко от моего окна растет ветка.

Тук-тук-тук! Камешки. Кто-то бросал в мое окно мелкие камешки. Я прищурила глаза, откинула одеяло и подбежала к окошку. Я выглянула на улицу и, увидев тебя, затаила дыхание.

С широчайшей улыбкой ты сидел на той самой ветке. В руках у тебя

была пригоршня камней. Ты выглядел так, словно тебе снова двенадцать. Открыла окно и, высунув голову, прошептала:

– Какого черта ты здесь делаешь?

– Ты не можешь прочитать такое эссе, а на следующий день просто не прийти в школу. Вчера ты ракетой вылетела из класса, а потом целый день избегала меня.

– У меня и в мыслях не было избегать тебя.

Да, я действительно тебя избегала.

– Я был на грани сердечного приступа.

– Сомневаюсь. – Я облокотилась на оконную раму. – К тому же... терпение – великая благодетель.

– Я не очень-то благодетельный.

Я улыбнулась.

– Я заметила.

Я сглотнула, обернулась на свою комнату и сказала:

– Тебе лучше уйти.

– Пойдем со мной.

– Ты с ума сошел?

– Пожалуйста. Я хочу тебе кое-что показать.

– Август, я не могу выйти из дома.

– Ой, да ладно тебе. Разве это жизнь без риска? – Ты протянул рукой и указал пальцем на трельяж. – Мы недолго.

Я высунулась из окна. Трельяж выглядел крепким, спуститься по нему ничего не стоило. Это обещало быть первым из множества приключений. Я снова взглянула на тебя и улыбнулась. Тут я заметила, что с твоего лица исчезла улыбка, и ты смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Я недоуменно моргнула.

И увидела, как ты пристально меня разглядываешь. В моей маечке. Со всеми пестреющими на моей коже синяками.

Я сделала шаг в глубину своей комнаты, чтобы спрятаться в тень. Я почувствовала себя голой и уродливой. Я почувствовала, как воздушные шары, на которых парило мое сердце, лопались один за другим. *Ты видел меня. Меня настоящую. Со сломанными частями.*

– Август, уходи.

Я взялась за раму окна и потянула ее, чтобы опустить, отгородиться от тебя...

...но ты протянул руку и не позволил мне закрыть окно.

– Элли.

– Просто уйди.

– Что произошло?

– Август... – Печаль накрыла меня, как приливная волна. Она яростно схватила меня за горло. – Уходи, – процедила я сквозь зубы.

– Элли Уокер. Пожалуйста, не закрывайся от меня. Расскажи мне, что случилось.

И несмотря на то, что я с трудом могла дышать, что я пыталась выбраться из течения, обволакивающего меня отчаянием и шепотом голосов, я вдруг поняла, что хочу рассказать тебе. Я хочу рассказать тебе все.

– Элли, прошу.

Твой голос сорвался.

– Нам не по двенадцать лет. Мы больше не можем жить в фантазиях и сражаться с воображаемыми чудовищами. В этом мире есть настоящие монстры. И еще... – Я показала на ветку. – Она скоро под тобой сломается.

Я стояла очень близко к холодному ночному воздуху и к тебе. Мои глаза смотрели на небо, мои ноги стояли на кривом деревянном полу.

– Когда-то давно я слышал историю про красочного мальчика и чернильную девочку, которые вместе побеждали монстров. *Настоящих* монстров. – В лунном свете твои глаза казались стеклянными. – Тех, о которых ты мне никогда не рассказывала.

Вместе. Я вдохнула ночной воздух. Я потянулась за кофтой с длинными рукавами, чтобы спрятать синяки. Я собиралась *рассказать* тебе все, но я не хотела заставлять тебя на это *смотреть*.

– Не прячь их, Элли, – прошептал ты. – Больше не прячь их от меня.

Я сжала кофту в кулаке. *Спрячь. Спрячь. Спрячь.* Именно это я хотела сделать, но твой голос был нежный, как прикосновение перышка, и он щекотал ту часть меня, которая хотела быть увиденной.

– Ладно.

Я бросила кофту с длинными рукавами на пол. Она упала бесшумно, но мне показалось, что она с грохотом разбилась на осколки, как стекло.

Я перекинула ногу через подоконник и нащупала опору на трельяже. Я слышала, как ты слезал на землю. Я чувствовала дерево трельяжа под моими пальцами и остро ощущала каждый шаг на пути вниз. Я посмотрела вверх – расстояние до моего окна увеличивалось. Я задумала, почему мне раньше не приходила в голову, что через окно можно выбраться из дома.

Мои ноги опустились на траву, она была холодной и влажной от росы. Я закрыла глаза, все еще держась кончиками пальцев за трельяж, словно я отпущу его и сломаюсь.

Ты положил руки мне на плечи, сделал шаг навстречу, и я

почувствовала твоё тепло. Ты наклонился и прошептал мне на ухо:

– Отпускай, Элли. Ты можешь отпустить.

Я так и сделала. Взявшись за руки, мы убежали.

Наше место в лесу. Я так и знала. Без нас оно продолжало жить и расти, становясь диким и красивым. А я тем временем сидела взаперти и прогнивала. Чего я не предвидела, так это свечей. Повсюду были расставлены свечки на батарейках, благодаря которым наше детское убежище снова показалось волшебным.

Откуда ты узнал, что без них я не увижу магии? Я посмотрела на тебя, а ты застенчиво отвернулся.

– Я хотел, чтобы ты увидела его таким, как вижу его я.

Твои руки были грубыми и шершавыми, но ты не отпускал. Я высвободила свою ладонь, чтобы войти в нашу страну драконов и замков, в наш маленький мир магии и побед. Я обернулась кругом. Электрические свечи мерцали, как настоящие, и я улыбнулась.

– Электрические свечи? – спросила я.

– А что? Ты думаешь, я бы принес сюда открытый огонь, рискуя спалить дом нашего детства, ради создания романтической атмосферы?

– Ах, так это задумывалось как романтическая атмосфера?

Мне стало неловко от своего вопроса. Он казался очень личным.

– Это... – Ты осмотрелся по сторонам и подал плечами. Твои щеки залились краской. – Это... для тебя. Для нас. Я – я не хочу больше ничего говорить, потому что думаю... что ты можешь убежать от меня. Снова. – Твои глаза сияли в темноте, отражая мерцающие оранжевые блики. – Как всегда.

– Мне бы хотелось, чтобы все это было по-настоящему, – сказала я, осматривая все вокруг.

– Так и было. Все это было по-настоящему.

Ты шагнул вперед, стараясь не наступить на пластиковые свечки, и взял меня за руки. Мое сердце колотилось в груди, и я не сразу решилась посмотреть на тебя. Ты положил ладонь мне на щеку.

– Все, что здесь происходило с нами, было по-настоящему. Но ты закрылась от меня. И не подпускала близко.

Я наблюдала, как ты проводишь кончиками пальцев вверх по моей руке, легко опускаешь ладони мне на плечи, на которых пестреют гнилыми оттенками синяки.

– Почему ты мне не рассказала? Почему не позволила спасти себя? – Ты стоял так близко. – Почему ты не могла дать мне шанс хотя бы раз стать твоим рыцарем в сияющих доспехах?

Я почувствовала, как слезы и всхлипы подступают к горлу, готовые извергаться вулканом. Мне не хотелось плакать.

– Потому что ты не рыцарь в сияющих доспехах. Ты мой мальчик из нарисованной мечты.

Я почти шептала:

– Мне было так страшно попросить тебя нарисовать меня иной, новой. Мне было так страшно попросить тебя стереть всю мою боль. Мне было так страшно попросить тебя написать меня целой, не сломленной.

А потом я рассказала тебе все. Я ощутила незначительное чувство потери и значительное чувство освобождения.

Ты рассмотрел каждый синяк. Ты увидел меня, и в глазах твоих появилась печаль.

– Элли, тебе, может, и больно, но ты никогда не была сломленной.

Я не собиралась реветь, не собиралась рыдать. Не здесь. Не с тобой. Не после того, как я долго держала все в себе. В тот момент я не могла сломаться. Я отстранилась и хотела было уйти, но ты схватил меня и притянул к своей груди. Ты был таким теплым и сильным.

– Отпусти меня! – сказала я, выворачиваясь, отчаянно пытаюсь вырваться и убежать, прежде чем потекут слезы.

– Нет, – сказал ты. – Нет.

Ты прижал меня к себе так крепко, что мне показалось, что ты каменная стена, высокая крепость, в которой мы с мамой когда-то были королевами и воительницами. Мне больше не нужно было возводить мои собственные стены, да я и не могла. Я упала тебе на грудь, зарылась лицом в твою футболку и зарыдала – громко, мокро и больно. Я не могла остановиться.

Ты держал меня, пока мои слезы лились потоками, и целовал в те места, которые я так тщательно прятала ото всех.

И пока я задыхалась от всхлипов, ты прижимал меня крепче и крепче и шептал:

– Я рядом. Я всегда буду рядом.

Я не помню, как долго я плакала в твоих объятиях. Я не помню, когда ты сел на землю и посадил меня к себе на коленки. Я не помню, в какой момент ты начал меня целовать.

Но в какой-то момент ты начал. Это было мягкое, нежное прикосновение губ к моему плечу, где кожа была изуродованной и испорченной. И все равно ты ее целовал. Я стала дышать ровнее, перестала всхлипывать. Я устала и была истощена, в моих висках пульсировала тупая боль.

Ты поцеловал меня в плечо, а потом посмотрел на меня.

«Ты не против?» – спрашивали твои глаза. Никаких ожиданий, никакого давления.

Мои, должно быть, сказали «не против», потому что ты снова поцеловал меня в плечо. Потом провел губами вверх по моей шее, прижал свой лоб к моему, и наше дыхание слилось в танце в темноте. Твоя рука, твои длинные пальцы художника гладили кожу у моей талии. Неровно вдохнув, ты поцеловал меня.

– Элли, я люблю тебя...

– Я тоже тебя люблю.

Я чувствовала тебя, твоё желание, упирающееся в меня. Ты положил голову между моим плечом и шеей, стал целовать меня там. Мой пульс зашкаливал, кожа горела, и я была готова взорваться.

Понимая, что я чувствую то, что прижимается к моему бедру, ты немного отодвинулся, но мне не хотелось отпускать тебя. Я не казалась себе грязной, использованной. Я не переживала, что у меня пытаются что-то отнять. Каждое прикосновение и поцелуй ощущались как нечто, что принадлежало мне по праву и наконец-то возвращалось ко мне. Среди частого дыхания и выгнутых спин я чувствовала, что просто могу быть с тобой, в твоих руках, любить тебя, наслаждаться твоей любовью. Звезды и деревья стали нашими свидетелями. Я хотела, чтобы они видели все.

Среди мерцающих свечей я легла на землю и увлекла тебя за собой, притянула ближе, чтобы почувствовать на себе твой вес. Твои ноги лежали между моих ног, а туловище нависало над моим. Нас разделяли джинсы, футболки, пуговицы и замки, но наша близость казалась мне более тесной, чем то, что я когда-либо видела в фильмах.

Ты снова произнес мое имя, глядя мне прямо в глаза. Я прижалась к тебе бедрами. Мне хотелось большего, мне это было необходимо. Ты вздрогнул, твоё дыхание сбилось. Я целовала тебя и целовала, пока ты начал часто дышать и двигаться на мне, пока мы оба не выбились из сил. Я запустила руку тебе под футболку и почувствовала напряжение мышц твоей спины и лопаток и влажную от пота кожу. Я лизнула тебя, чтобы узнать, какова твоя кожа на вкус. Ты издал низкий, утробный, голодный звук. Ты поцеловал мой подбородок, затем мой висок, затем мою шею.

– Элли, благодаря тебе мне кажется, что я лечу, хотя мои ноги на земле.

Твое сердце тоже парило на воздушных шариках.

Я посмотрела в твои глаза. Твои милые, огромные, прекрасные глаза.

– Благодаря тебе я чувствую себя живой, пробудившейся ото сна, ты помогаешь изгнать грустные мысли. Ты рисуешь меня, и мне кажется, что я цельная. Что я... красивая.

– Элли, ты цельная. Это, – ты провел пальцами по моим синякам и шрамам, – ничуть не делает тебя хуже. Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности.

Ты обнимал меня, и в твоих руках я не чувствовала своих сколов, не чувствовала себя стеклом, готовым вот-вот разбиться. Ты был мужчиной, который может держать в руках, не ломая. Ты обнимал меня, и я чувствовала себя сильнее.

– Я не хочу, чтобы меня насильно оберегали, – сказала я. – Я хочу перестать бояться.

Мне просто хотелось быть свободной. Быть с тобой.

Твои глаза стали влажными.

– Не бойся меня.

– Я не боюсь. Больше не боюсь.

Я сняла с тебя футболку, потом ты снял мою, и мы остались всего лишь двумя телами, держащимися друг за друга в темноте.

Двумя телами, которые впервые почувствовали и узнали друг друга.

Двумя телами, которые ничего не боялись.

Я чувствовала тебя, и я могла думать лишь о том, как однажды ты придумал названия для всех созвездий на моем лице. Мне казалось, что я яркая, удивительная и необузданная, как звезды или как краска на твоем холсте.

51

Мама,

все вокруг стало казаться более ярким, реальным, живым, явственным и пульсирующим. Август держал меня за руку и привлекал к себе, целуя украдкой. Мы все друг о друге знали. Он был ласковым и нежным, а мне какое-то время чудилось, что мы герои его картины. Живем в новом нарисованном мире.

Было все еще темно, но через несколько часов должно было взойти солнце. Я поцеловала его на прощание, не вникая его просьбам остаться с ним подольше. Мне не хотелось, чтобы реальность – та реальность, которую знала я, – запятнала время, которое мы проводили вместе. Он смотрел мне вслед, а потом отвернулся и пошел в сторону дома. Но через каждые пару шагов он оборачивался ко мне с улыбкой на лице.

Я подошла к лестнице-трельяжу у внешней стены дома и только тогда

услышала крики. Я заглянула в окно. На кухне и в гостиной горел свет. Отец своими руками-клещами стискивал твои руки и прижимал их к дверному проему. У тебя был такой вид, словно ты умоляла земной шар остановиться, чтобы ты могла сойти.

– Где она?

Она. Он знал, что я не дома. Откуда он узнал? Они спали, когда я ускользнула к Августу. Укрытая во тьме, я видела, как ты качаешь головой.

Она ночует у подруги, она...

Он отвесил тебе тяжелую пощечину, от которой твоя голова резко повернулась набок. Ты схватилась за щеку.

– Дверь в ее комнату закрыта, Регина, – сказал он тихим и вселяющим ужас голосом. – Изнутри. – Он выдвинул стул и уселся перед тобой, смотря снизу в твои глаза. – И окно открыто. – Он зажал твой подбородок между большим и указательным пальцем. Он заставил тебя смотреть на него. – Ты считаешь, – он приблизил свое лицо к твоему, – что я полный идиот?

– Нет, – прошептала ты не дыша. – Конечно, нет. Я решила...

– Ты ошиблась.

Он схватил тебя за волосы и подтащил еще ближе к себе, так что его губы касались твоей щеки. Я не слышала, что он сказал. Он произнес эту фразу слишком тихо.

Я устала в окно. Если бы кто-нибудь просмотрел эту сцену по кадрам, приблизил, вырезал звук и отретушировал нелицеприятные детали, могло бы показаться, что за окном бушует страсть, а не насилие. Можно было подумать, что мой отец просто притягивает к себе жену, потому что хочет быть ближе к ней, а не потому, что собирается задать ей трепку.

Я сморгнула подступившие слезы. И тогда я заметила, что с тебя капает вода. Твои волосы и футболка были мокрыми. Как будто ты залезла под душ в одежде. Тебя трясло. Позади тебя я увидела канистру с бензином.

В руках отец держал зажигалку.

Я рванулась к двери, распахнула ее и закричала:

– Мама!

В доме пахло бензином.

Взгляд отца медленно переместился на меня, и он склонил голову набок.

– Я предупреждал тебя, Элли. Я предупреждал тебя, что будет, если ты захочешь уйти.

Ты начала вырываться, но я видела, что он держал тебя крепко. Я видела, что тебя разбирала дрожь, и мне показалось, что ты можешь распасться на части.

– Элли, – сказала ты и, пока взгляд отца был прикован ко мне, одними губами произнесла: – *Беги.*

Отец щелкнул крышкой, и вспыхнуло пламя зажигалки.

Я не собиралась сбежать. Я рванула вперед и вырвала зажигалку из его руки, прежде чем он успел поджечь бензин. Я обожгла ладонь. Он хотел схватить меня за руку, но я уже бежала к входной двери. Я вышвырнула зажигалку так далеко в темноту, насколько мне хватило сил. Его зажигалка была единственным источником открытого огня в доме. Спичек у нас не было.

Я думала, он побежит на улицу и будет искать зажигалку, и я готовилась запереть дверь, когда он выйдет. Но вместо этого он захлопнул дверь и подтащил меня за волосы к тебе. Нам было страшно, но тот факт, что мы оказались вместе, придал нам смелости. Мы обе попробовали накинуться на него и расцарапать ногтями. Но он повалил нас на пол и начал бить ногами. Мы прижались друг к другу, закрыли головы друг друга руками, чтобы уберечь их от ударов.

Я почувствовала, как магия той ночи трещит и ломается, как наши кости.

Я не помню, когда потеряла сознание, но прямо перед этим я думала о твоих синяках, скрытых под макияжем. Я думала о нашем доме, который хранил так много тайн. Я думала о том, как однажды ты попыталась убежать, но он тебя нашел. Я подумала, что никогда не смогу уехать из этого места. Я подумала, что меня все равно нигде не ждут. Я вспомнила о своих мечтах, которые ускользнули от меня, не выдержав встречи с реальностью.

Я никогда никуда не сбегу отсюда. И ты тоже.

52

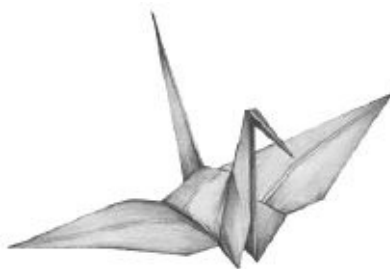
Депрессия,

мы с мамой провели ту ночь, крепко прижавшись друг к другу. Когда я проснулась, мы обе лежали в крови на полу, запутавшись в боли и тайнах.

И ты вернулась, яростная и неумолимая. А у меня не осталось сил сопротивляться.

Ты победила.

Последний день

53

Жизнь,

это был понедельник. Я должна была встретиться с Августом в школе. Я должна была обсудить с мисс Хупер мою итоговую творческую работу.

Но ничего из этого я не сделала. Я дождалась, пока мама и отец уйдут на работу.

Я уже решила свою судьбу, и в отличие от всех предыдущих эпизодов в этот раз решение было твердым, я не могла просто отмахнуться от него. Оно затуманило даже самые отдаленные уголки моего сознания, и мне казалось, что я робот, который выполняет предписанную ему программу. Я представляла, как я выполняла необходимые действия, проигрывая в голове каждый шаг. От этого я испытывала невероятное облегчение.

Я знала, что я буду делать. Я думала об этом все выходные. Я готовилась. Я спала в своих кедах, потому что знала, что не могу забрать их с собой и буду по ним скучать. Мои кеды вобрали в себя годы надежд, воплощенных в чернилах, которые теперь казались ложью.

В воскресенье вечером я уснула, глядя на потолочное перекрытие в моей комнате. В мое сознание пытались пробиться разные воспоминания: мучные войны, поцелуи и электрические свечи, надежда, приклеенная скотчем к дверце шкафчика. Но ничего этого больше не существовало. Осталась только я и мое предстоящее освобождение.

Отец так и не нашел свою зажигалку на заднем дворе. А я нашла.

* * *

В понедельник сияло солнце и небо было ясным. Я дождалась рева отъезжающего «Кадиллака». Я подошла к своему шкафу и достала оттуда

распечатки с информацией про Колумбию и эссе, которое я читала для Августа.

Я сочиняла рассказы, чтобы я смогла жить в них. Но, как оказалось, они не были волшебными.

Я достала батарейку из прибора пожарной сигнализации. Я положила распечатки в металлическую чашу, которую мама давным-давно купила в антикварной лавке. В те времена мы еще могли громко смеяться и устраивать беспорядок на кухне. В те времена на нашей подъездной дорожке не стоял «Кадиллак».

Я собрала все, что для меня что-то значило, и положила в металлическую чашу. Я подожгла ее содержимое отцовской зажигалкой. Все равно рано или ему было суждено сжечь наши жизни дотла.

Я наблюдала за тем, как бумага съеживалась и превращалась в пепел, чернея по краям. Я сглотнула, вдыхая запах гари. Я дождалась, когда все бумажки до единой превратились в пыль.

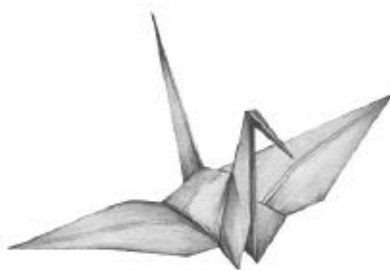
Смерть станет моим освобождением. Возможно, она будет добра ко мне. Мне хотелось мира. Тишина. Избавления.

Но ничего из этого я не получила.

Я считала, что, если я запомню ту ночь, когда мир был ярким, новым, освещенным светом свечей и полным цельных вещей, этого будет достаточно, чтобы попрощаться.

Оказалось, недостаточно.

Настоящее время

54

Август,

поток воспоминаний затухает.

Ты спал в нашей освещенной свечами рощице. Ты дрожал от слез, дергался и ворочался, ревел и кричал. Потом ты проснулся, обхватил себя руками и продолжил дергаться и ворочаться. Я никогда не забуду твои слезы. Я сижу рядом с тобой и делаю вид, что чувствую твое плечо под моей ладонью.

Так проходит время до рассвета. Тебя накрывают и отпускают новые приступы слез, но ты продолжаешь твердить мое имя, как мантру.

Когда небо наполняется светом, раскрашивается в оранжевый и желтый и освещает твое лицо, я замечаю нечто новое в твоих глазах. Ты встаешь и бежишь. Мы проносимся мимо домов и разбитых тротуаров. Ты так быстро переставляешь ноги. В каждом шаге проглядывает отчаяние и тревога. У меня нет времени притворяться, что мне нужен асфальт, чтобы отталкиваться от него. Чтобы поспевать за тобой, мне приходится скользить по воздуху. Я не сразу понимаю, куда ты направляешься, но как только я вижу впереди фабрику, все становится на свои места.

Я следую за тобой, отчаянно пытаюсь развернуть тебя назад. *Не ходи туда. Только не туда.* Но ты идешь именно туда. К единственному человеку, от встречи с которым я хочу тебя уберечь.

Ты упорно следуешь к цели. Мне бросаются в глаза все твои недостатки. Ты все еще мальчик, не мужчина. Тебе нужен кто-то, кто сможет защитить тебя. Я хочу поместить вас на разные полюса Земли, потому что каждый шаг по направлению к *нему* – это шаг навстречу побоям и синякам.

Первым тебя замечают стоящие рядом с ним мужчины. Они с

любопытством прищуривают глаза и отступают назад. Он разворачивается, и я замираю на месте. У него на лице это холодное выражение, за которым всегда следует удар или угроза.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает он.

– Это... – Ты не останавливаешься. Ты бросаешься на него. Я едва успеваю заметить, как ты заносишь руку. – ...за Элли.

От удара голова отца с хрустом откидывается набок. Отец обескураженно пятится назад. Выпрямляется.

– Будь осторожнее, мальчик...

– А то что?

– А то я изобью тебя так, что мать родная не узнает.

Мужчины за его спиной смеются. Отец оборачивается на них и тоже посмеивается, но в его голосе я слышу угрожающие нотки. Ты таранишь его головой в живот, цепляешься за его фланелевую рубашку и прижимаешь его к металлическому кузову грузовика. Отец замахивается для удара, но ты так быстро уклоняешься, что он промахивается. Ты же попадаешь точно ему в челюсть. И еще раз, и еще раз, и еще. Я в восхищении наблюдаю за происходящим. Ты кажешься слишком худым, слишком молодым, слишком милым, чтобы бросить человека истекать кровью. Но именно это ты и делаешь.

Отец падает на колени и отхаркивает кровь.

– Ты об этом пожалеешь.

– Надеюсь, выступят синяки.

– Что?

– Надеюсь, выступят черные и синие синяки. Надеюсь, каждый чертов прохожий будет их видеть. И их не получится скрыть и замазать.

Ты наклоняешься и снова бьешь его.

Отец стонет.

Не уверена, что мне больше нравится: кровь на костяшках твоих пальцев или тот факт, что это кровь отца. Не уверена, меня больше поражает, что ты намного сильнее, чем я предполагала, или что он намного слабее.

Но в одном я уверена: мне нравится наблюдать за тем, как ты уходишь с кровью на руках и капельками пота на лбу и как мой отец валяется в грязи.

* * *

Тыходишь к моему дому и становишься напротив него. Мамы там нет.

Ты смотришь на дом снизу вверх. У тебя красные глаза. Ты кусаешь губу, а затем достаешь какой-то предмет из кармана и что-то пишешь. Прежде чем я могу рассмотреть, что это такое, ты бросаешь это в почтовый ящик.

Сзади к тебе подходит почтальон, и ты чуть не сбиваешь его с ног, разворачиваясь. Он здоровается, ты просто киваешь и спускаешься с крыльца.

Я смотрю, как ты уходишь, но теперь, когда я знаю все... мне необходимо вернуться и узнать, что мне осталось.

55

Мама,

я дожидаюсь тебя в гостиной. Я хочу тебя увидеть. Удивительно, как сильно я хочу, чтобы ты меня обняла. Как я скучаю по твоему теплу.

Тыходишь в дом и бросаешь свою сумочку на диван. Твое лицо накрашено, а карие глаза потухшие и пустые. Ты прижимаешь к себе рукой стопку писем. Я глубоко вдыхаю и жду, когда ты сядешь, но ты поступаешь иначе. Ты бросаешь письма на кухонный стол и заглядываешь в холодильник, прикидывая, что приготовить на ужин. Я хочу увидеть, что Август закинул в наш почтовый ящик.

Ты нажимаешь кнопку на автоответчике, и проигрывается одноединственное сообщение: «Добрый день, миссис Уокер». Ты морщишься, услышав этот голос, и идешь доставать тарелки из шкафчика. «Мы оченьждем вашего ответа по поводу того, как тело вашей дочери должно выглядеть во время церемонии. Очевидно, вы еще не определились с датой и не выбрали гроб, и я хотел напомнить вам, что очень важно принять эти решения сегодня, так как... ну, ее тело, эм... прошу, перезвоните мне, чтобы мы успели подготовить все необходимое для достойных проводов вашей дочери».

В раковине звякнула тарелка. Я резко поворачиваю голову к тебе, думая, что ты, должно быть, уронила кастрюлю, но звон раздается снова. Ты швыряешь еще одну тарелку в раковину. Ты дрожишь.

После окончания сообщения раздается звуковой сигнал, и ты выдыхаешь и наливаешь воду в кастрюлю. Тыходишь с ней к плите, ставишь ее на одну из двух работающих электрических конфорок и долго смотришь в воду.

О чем ты думаешь? Ты медленно переводишь взгляд на стопку писем.

Разбирая почту, ты всегда становишься рядом с мусорным ведром, потому что львиную ее долю составляют либо рекламные листовки, либо письма с напоминанием о задолженности. Ты становишься в привычную позу и выбрасываешь письма в ведро, одно за одним. Вдруг твоя рука замирает. Я заглядываю тебе через плечо.

В руках у тебя фотография.

Ты расправляешь ее дрожащими пальцами. Это смятое изображение меня. Снимок, который висел на стене у Августа. Как и Август, ты проводишь пальцами по фотографии, словно пытаешься убрать мои волосы за ухо. Ты целуешь снимок.

– О, Элли. Я так давно не видела эту улыбку. Как бы мне хотелось... – Ты начинаешь задыхаться и замолкаешь.

Ты переворачиваешь фотографию, и я вижу почерк Августа.

Девушка, которую я люблю. Девушка, которая покинула нас. Девушка, которую мы всегда будем помнить. Однажды она сказала мне, что у вас веснушки, как у нее... Надеюсь, у мира еще будет шанс их увидеть.

Ты медленно выдыхаешь и прижимаешь снимок к сердцу. Ты вытираешь слезы. Шмыгаешь носом и глубоко дышишь. Ты оглядываешь комнату и снова смотришь на фотографию. Ты киваешь, целуешь снимок и тянешься к телефону. Ты медленно набираешь номер, нажимая на кнопки указательным пальцем. Ты сглатываешь подступивший к горлу ком и опираешься на дверной косяк. Я слышу, как на другом конце поднимают трубку.

– Да, здравствуйте, – говоришь ты. – Я... я определилась с церемонией для моей дочери.

Я целую тебя в лоб – так же, как делала ты, когда я была маленькой. Ты говоришь спокойным голосом, и, когда я заглядываю в твои глаза, мне кажется, я вижу его. Свет, который надолго исчез оттуда, вернулся. Он не похож на свет надежды, скорее, на свет силы.

Ты бегом поднимаешься на второй этаж и смываешь с лица макияж. Ты трешь кожу, пока она не покрывается пятнами и не краснеет, но ты не останавливаешься, пока на тебе не остается ни капли грима. Больше нет кукольного лица. Ты врываешься в свою спальню, собираешь одежду, закидываешь ее в сумку вместе с деньгами. Деньгами, которые ты прятала несколько лет в туфлях, в маленьких коробочках, в каждом уголке и в каждой щели этого дома. Наш дом был шкатулкой с секретами – но тебе не с кем было ими поделиться.

Я наблюдаю, как ты стоишь у двери в мою комнату, собираясь с духом и заглядывая внутрь.

Я с ужасом осознаю одну вещь. Тот момент, когда ты отперла замок и открыла дверь, те секунды, когда ты увидела свою мертвую дочь, чувство, что ты не можешь дышать, надежда, которая покидает тебя вместе с ней. Дочь, которую ты своим телом укрывала от ударов ремнем, чью дверь ты тихонько захлопывала перед сном. Дочь, которую ты возила в горы, с которой ты мечтала улететь отсюда птицами, которых ты прятала под ее матрасом.

Я падаю на колени рядом с тобой в коридоре.

Что я наделала?

Ты переступаешь через порог. Одна нога, затем вторая. Ты легонько касаешься руками мебели, прежде чем встать на то место, где ты меня нашла. Ты нежно дотрагиваешься до разных предметов, прижимаешь их к груди. Ты обращаешься с моими вещами так бережно – свои ты без разбора швыряла в сумку.

Твои стеклянные глаза кажутся такими яркими, и тут я понимаю.

Для мисс Хупер талисманом были ее книги. У мистера Джеймсона была его наука. У Августа – искусство. У меня – Колумбия.

У тебя была я.

К горлу подступают слезы. Они жгут и приносят боль. Ты складываешь в сумку мои блокноты, моего порванного плюшевого медведя, мою маленькую подушку и мои исписанные кеды.

Ты идешь к двери. Спина прямая, глаза сияют. Ты не оборачиваешься.

56

Мама,

на подъездной дорожке раздается рев мотора, но ты стоишь на месте. Лицо без косметики, глаза, полные слез. Ты не бежишь в ванну за консилером. Ты не скрываешь свои раны, свою боль, и тебе все равно, что он увидит их.

Ты спускаешься по лестнице на первый этаж с сумками, я иду рядом с тобой. Ты ставишь сумки за диван. В руках ты держишь мое фото и впиваешься в него так, словно можешь достать меня оттуда и вытащить в реальный мир. Но ты знаешь, что это невозможно. Я понимаю это по тому, как дрожит твоя грудь, пока ты нежно проводишь пальцем по моим бровям.

Скрипит входная дверь. Слышатся шаги.

Мы обе делаем глубокий вдох. И ждем. Он останавливается, молчит, но

нам, как обычно, кажется, что с его появлением из комнаты исчез воздух. Ты медленно поднимаешь голову, чтобы посмотреть на него. Он тоже в синяках. У него разбита губа, и на ней засохшая кровь. Вокруг его левого глаза проявляется синее пятно.

Оно ему идет.

Я чувствую нарастающее электрическое напряжение в комнате. Как будто занимается гроза, о близости которой свидетельствует заряд в воздухе. Я предчувствую треск и грохот. Вы смотрите друг на друга. У тебя слезы на глазах, но ты не отводишь взгляд и держишь спину прямо. Ты рассматриваешь его лицо, царапины и побои на нем.

Твои подернутые завесой тайны глаза, теперь живые и блестящие, сияют внутренним огнем.

Внимательные, сосредоточенные, готовые. Я нервно вдыхаю. О, *мама. Пожалуйста, прошу, не надо.* Отец не привык к тому, что ты так открыто смотришь ему в глаза. Он наклоняет голову.

– Ты выглядишь странно, – медленно произносит он.

Твой взрыв смеха подобен раскату грома.

– Ох, Абель, нет, дело в тебе... Ты выглядишь на все сто. А может... Может, так и должен был выглядеть все эти годы.

Он вытирает рот и челюсть рукой, как будто пытаюсь стереть синяки, но у него не получается. Вместо этого у него расходится трещина на губе и по подбородку течет кровь. Кровь остается даже на руке, ее капли падают на деревянный пол.

Ты стоишь с синяком под глазом, расправив плечи, и говоришь:

– Я хочу, чтобы ты убрался из моего дома.

Он стискивает и расслабляет челюсть; я вижу, как сокращаются его мышцы. Я знаю, что часовой механизм на бомбе замедленного действия тикает. Наконец он захлопывает дверь и хищно двигается вперед.

– Что-ты-сказала?

– Я сказала: выметайся.

Тебе страшно, но ты все равно произносишь эти слова.

– Это мой чертов дом, Регина.

Медленные, ленивые, обманчиво спокойные шаги, негромкий и ровный голос, как будто он читает сонет.

– Убирайся, или уйду я.

В мгновение ока он оказывается рядом с тобой и хватает тебя за шею рукой.

– Думаю, я что-то не так услышал, Регина. – Он говорит шепотом, дотрагиваясь губами до твоего уха. – Ты моя.

Все еще держа одну руку на шее, другой рукой он убирает твои волосы с глаз.

– И ты никогда, – он смотрит на тебя так, как будто вот-вот поцелует или ударит – не угадать, какой вариант из двух, – никогда не уйдешь.

Он единожды трясет тебя за горло, зарывается носом в волосы, а потом отпускает.

– А теперь неси мне мой ужин. – Он смеривает тебя взглядом. – И умойся. Я не хочу смотреть на нечто, напоминающее уличную бабу, пока буду...

– Ты знаешь, что я поняла, Абель, – перебиваешь его ты. – Я нужна тебе. – Ты дышишь быстро и неровно. Набираешься смелости. – Но мне ты не нужен. И никогда не был нужен.

Твой голос звучит громче, он обволакивает все помещение, и воздух возвращается в комнату.

– Ты преследовал меня, потому что мне хватило смелости убежать. Ты преследовал меня, потому что тебе не нравилось чувствовать себя дураком. Ты преследовал меня, потому что тебе нужно было кого-то сломать, и ты знал, что я боюсь того, что ты можешь сделать с Элли и со мной. Я должна была уйти от тебя еще много лет назад. Я должна была разбить твою чертову машину на куски, когда она только появилась у нашего дома.

Отец сощуривает глаза, нижняя часть его челюсти опускается, и теперь он напоминает охотничью собаку, которая взяла след и готова наброситься.

– Только попробуй, тварь. Только посмей.

Телефон, которым мы почти не пользуемся и который очень редко звонит, стоит прямо между вами. Ты замечаешь его, делаешь вдох и бросаешься к нему. Отец поступает так же. Ты бежишь в другой конец гостиной, наваливаешься на дверь, ведущую на задний двор. Ты набираешь 9-1-1.

Ты давишь всем своим весом на дверь.

– Алло, алло? У меня экстренное обращение...

Ты отшатываешься от двери, но тут отец хватает тебя за руку, разворачивает и ударяет кулаком по лицу. По звуку кажется, что ломаются все до одной твои лицевые кости. Ты падаешь на пол, все еще держа в руке телефон.

– Ты мелкая тварь...

Ты встаешь на четвереньки и ползешь. Из твоего носа капает кровь.

– Мой муж меня бьет, – говоришь ты в трубку.

Отец отшвыривает твою держащую телефон руку от лица. Трубка падает на пол, и он разбивает ее ударом ботинка. Ты кричишь. Ты кричишь

так громко, что дом вот-вот треснет и рассыплется на части. Раньше ты никогда не кричала. Ты всегда проглатывала всхлипы, соблюдала тишину. И только гвозди и половицы слышали твою боль. Но сейчас ты кричишь и ползешь к входной двери.

Я пытаюсь оттащить его от тебя, но мои пальцы хватают воздух.

Он берет тебя за плечи, разворачивает и придавливает своим весом к полу.

– Ты моя, слышишь меня? Твое место в этом доме, со мной, и я скорее покрошу тебя на мелкие кусочки, чем выпущу отсюда. Так что успокойся, ш-ш-ш, ш-ш-ш, ты успокоишься, и мы сделаем вид, что ничего этого не было. Ладно?

Отец прижимается к твоим окровавленным губам.

Ты лежишь на спине на полу, и он думает, что победил. Но он не замечает свет в твоих глазах, застывшую там тайну. Ты еще не закончила бой.

Ты кусаешь его за губу, бьешь коленом ему в пах. Он ослабляет свою хватку, и ты сбрасываешь его с себя и пулей летишь к двери. Он следует за тобой по пятам, хватая тебя за ногу сильной рукой, и ты падаешь.

Ты отбиваешься от него ногами, вскакиваешь и наваливаешься на дверь. Скрипят половицы. Он снова делает выпад, но его рука лишь рассекает воздух.

Отец рычит и тяжело встает на ноги.

В этот момент ты переступаешь порог, и ослепительно яркое солнце освещает твое лицо.

Ты уходишь из дома, полного тайн, лжи и побоев.

Тут же на подъездной дорожке за «Кадиллаком» появляются красно-синие мигалки и гудят сирены.

57

Отец,

тебя забирают полицейские. Мама больше не будет врать ради тебя. Да, ты разрушил наши жизни, но и твоя сгорит дотла вместе с ними. И для этого даже не понадобится твоя зажигалка.

58

Август,

через день мое тело кремировали. Мой прах лежит в белой урне. Он ослепительно белый. Рассыпчатый, яркий, новый – мама это знает.

Она подходит к твоему дому с коробкой, ставит ее на землю и стучит в дверь. У нее трещина на губе, синяк на щеке, но она держит спину ровно. Никто не отвечает, и она стучится снова.

И тогда она слышит твой топот на лестнице, ты раскрываешь перед ней дверь. Она смотрит на тебя. Твоя грудная клетка поднимается и опускается – ты изучаешь ее лицо.

Сладким голосом мама произносит:

– У нее были самые красивые веснушки, правда?

От этих слов преграда между вами рушится, и в следующую секунду вы уже стоите обнявшись. Вы тесно прижались друг к другу. Вы поддерживаете друг друга.

Когда мама отстраняется, я вижу, что у вас красные глаза, а на щеках остались следы слез.

– Я хочу попросить тебя об одолжении, – говорит мама.

– Что угодно, – отвечаешь ты.

Мама поднимает с земли коробку и достает по очереди оттуда предметы. Моя белая урна. Мои исписанные кеды. Две голубки, сложенные из бумаги. И мой старый, высохший золотой фломастер.

– Я хочу запомнить ее именно такой. Это...

– Подождите, подождите секунду...

Ты исчезаешь в доме, и несколько мгновений спустя я вижу полотно с моим портретом в звездах.

– Я хочу запомнить ее такой, – говоришь ты.

Мама проводит пальцами по краскам.

– Я так и знала. – Ее улыбка такая же бескрайняя и яркая, как звездное небо. – Я знала, что ты тот человек, который способен увидеть ее настоящую. Как вижу ее я. Я знала, что мне нужно пойти именно к тебе.

Она берет урну, прижимает ее к груди, а потом передает тебе.

– Ты сможешь нарисовать ее историю?

59

Мама,

садясь в машину, ты смотришь на наш дом.

– Я хотела, чтобы этот день был наш, Элли, – говоришь ты, заводя мотор.

Я наблюдаю, как исчезают из вида знакомые пейзажи. Заколоченные окна. Дорожные ямы. Трещины на тротуарах.

Мы едем в горы. Урна стоит на пассажирском сиденье, на моем сиденье. От меня остался лишь прах. Я сижу сзади, как в детстве, и ловлю твой шоколадного цвета глаза в зеркале заднего вида.

Урна больше не белая. Август взял свои краски и превратил меня в звезды и цвет. Слова, написанные на моих кедах, танцевали в небе вместе с парящими птицами-оригами. Так меня видели люди, которых я любила. Именно это мне необходимо было увидеть.

В тот момент, когда Август передавал урну маме, я почувствовала, что начинаю исчезать. Я не могла никого спасти. Я не могла ничего исправить. Я не могла пользоваться своими бестелесными руками. Я могла только наблюдать: боль, которую я причинила, обещания, которые не сдержала, людей, которые любили меня и видели мое сердце как нечто прекрасное, даже когда я не могла видеть его таким.

Мы уезжаем.

Мне всегда нравились наши поездки: они состояли из прогулок, возможностей, приключений. Я смотрю, как отраженные от зеркала блики солнца светят тебе в глаза, и понимаю, что это наше последнее путешествие.

Мы подъезжаем к горе Блу Мун, и ты паркуешь машину недалеко от тропы. Ты прижимаешь к груди урну и двух порванных и потрепанных бумажных птиц, и твои плечи дрожат.

Вот и наша крепость. Наш замок, за который мы сражались во время нашего последнего визита – ты была королевой, а я воительницей.

Ты громко выдыхаешь, прежде чем поставить двух птиц рядом на каменную гряду.

Меж крон деревьев виднеются фермы, разбросанные у подножья гор. Зеленые прямоугольники. Легкий ветерок сдувает твои волосы прямо на карие глаза.

Мой прах у твоей груди. Твой голос дрожит, но звучит. Не нужно больше плакать в подушку, ведь никто тебя здесь не тронет.

– Мы так долго были заперты в коробке, мне не хотелось, чтобы после смерти ты снова оказалась в ней.

Теперь у тебя дрожат и руки. Ты медленно открываешь урну, и мой прах подхватывает ветер.

И тут ты начинаешь петь.

Твой голос, дрожащий и крепнувший под аккомпанемент ветра, застаёт меня врасплох.

Ты поешь о двух птицах с израненными крыльями, которые все равно могли обрести свободу. Песня одновременно и прекрасна и ужасна. Океан несказанных слов, секретов, неразбитых сердец и неутаенной правды. В нем нет места лжи и подводным течениям боли, которые могут затопить весь мир. И даже когда у тебя дрожит и срывается голос, ты продолжаешь петь.

Каждая нота срывается в следующую, как в музыке Августа. Интересно, это потому, что горе похоже на падение, словно у тебя из-под ног вырвали ковер, и ты даже не группируешься перед ударом о землю, потому что хочешь, чтобы было больно.

Благодаря твоему голосу слова звенят, ниспадают и взлетают, и все эти слова предназначены мне. Слова, которые ты прятала у меня под матрасом, слова, которые я хотела услышать, слова, которые всегда принадлежали мне.

Мы птицы с бумажными крыльями. И то, что крылья рваные, вовсе не означает, что они не могут взлететь. Это вовсе не означает, что их хрупкие жизни ничего не стоят.

Я чувствую, как меня уносит вдаль от тебя.

Ты отрастишь новые крылья, мама.

А пока тебе поможет летать твой минивэн с разноцветными дверями.

У тебя глаза шоколадного цвета и веснушки, прямо как у меня. И я благодарна, что у нас была возможность мечтать вместе, хоть это и не продлилось долго. Я бы очень хотела проснуться и воплотить эти мечты в жизнь вместе с тобой. Мы были созвездиями страданий, впечатанными в черный и пустой холст. Но я забыла, что звезды все равно прекрасны. Забыла, что мы как звезды.

Надежда – не пустое желание или мечта. Ее необходимо наполнять, чтобы через край лились цели, действия, вера и упорство, упорство и еще раз упорство. Нужно тянуться за желаемым, пока твои мышцы не станут болеть, ведь оно тебе так чертовски необходимо, что ты не остановишься, пока не получишь его.

Пока оно не станет твоим. А я сдалась слишком рано.

60

Жизнь,

ты была искалеченной, зачастую пугающей, ты подкидывала испытания, что были выше моих сил, но в твоих карманах всегда были

припрятаны возможности, надежда затаилась под матрасом, а среди острых и опасных моментов поджидали светлые мгновения.

Прости, что я о них забыла. Прости, что я ничего не замечала. И только испустив последний вздох, я осознала...

Я тебя любила.

Благодарности

Процесс написания этой книги был одновременно и опустошающим и исцеляющим. Самый первый черновик, непоследовательный и несвязный, я набросала за одиннадцать дней. Я работала в одиночестве и в темноте. Я не хотела, чтобы мой муж слышал, как я плачу над компьютером. Я не хотела произносить вслух то, о чем я писала на каждой странице. Я не хотела признаваться, что мне тоже было больно и что эта история, давшаяся мне кровью и потом, была отчасти моей.

Этой книги не было бы без комментария Кэти Шелби: я опубликовала небольшой рассказ в честь Всемирного дня предотвращения суицида, а она настояла, что я должна написать полноценную книгу. Я помню, что почувствовала ужас, страх, полное отрицание. А потом я поняла, что эта история должна быть написана, потому что мое сердце болело от одной мысли о ней. Книга не выросла бы из первого никудышного черновика в нечто большее без Бэки Джонсон. Она первая прочитала его, раскритиковала и помогла собрать в связную историю. Именно она писала заметки на полях, которые заставили меня поверить в то, что я делаю что-то значимое. Были и другие люди, которые видели эту книгу в младенчестве и укрепили во мне мысль, что история Элли важна. Я продолжала идти по этому пути благодаря каждому из них.

Холли Макги, святая покровительница фантазии автора и по совместительству мой любимый агент, была движущей силой процесса редактирования и осмысления текста. Ее терпение, любовь, равнодушие и блестящий ум воистину невероятны. Она подарила этому роману новую жизнь и стала его рьяным адвокатом. Мне невероятно повезло стать частью семьи агентства Pirpin.

Во время нашего первого телефонного разговора с Брайаном Геффеном я поняла, что хочу видеть его своим редактором. Его энтузиазм и видение полностью совпадали с моими собственными. Лучшего дома для истории Элли я и представить себе не могла. Его комментарии к рукописи стали для меня ракетным топливом и заставили меня поверить, что с помощью этого романа я смогу донести свои важные мысли. Он и Рейчел Мюррей вносили предложения и правки, с помощью которых мы смогли подойти к этой сложной теме с должной чувствительностью и сердечностью. Я не могу не поблагодарить Брайана за его твердую преданность этой книге.

Огромное спасибо команде издательства Holt/Macmillan! Еще на нашей первой личной встрече с Брайаном и Кристианом Тиммером я

почувствовала себя как дома. Со мной назначили работать прекрасного художественного оформителя (и, возможно, мою давно потерянную двоюродную сестру) Кэти Климовиц и потрясающего иллюстратора Пеони Йип. Меня поразили мой корректор Бренна Франзита с ее внимательностью к деталям (я уверена, что все корректоры – единороги) и мои выпускающие редакторы Мелинда Акелл и Тейлор Питтс. Я также хочу спеть хвалебную оду феноменальной команде, отвечающей за рекламу и маркетинг: Кэлси Марруйо, Милесса Зар, Кэти Квинн, Кристен Люби и Гэби Салпетер! Они создали стратегию, которая полностью соответствовала задаче этой книги, и я в восторге от их таланта и упорной работы. Мне также хотелось бы отметить всех тех людей, которые одним декабрьским днем собрались за столом в офисе издательства Macmillan (и всех тех, кто помогал мне на пути издания этой книги) за поддержку. Когда я вошла в помещение, я сдержала слезы благодарности. При мысли о вас они до сих пор выступают у меня на глазах.

Мы вычитывали книгу вместе с моим агентом, нам предложили контракт, начался процесс редактуры книги, и я поступила в Институт искусств в Вермонте. Я написала книгу до того, как пошла учиться, но приобретенные знания я смогла применить при работе над рукописью. И, что более важно, я нашла близких по духу людей. Я очень рада, что звезды свели меня с вами. Вы одни из самых тонких, прекрасных и щедрых людей, которых я когда-либо встречала. Вы волшебные.

Джин Лавлесс, моя книжная лучшая подруга. Спасибо тебе за твои восторженные вскрики всякий раз, когда я сообщала тебе новости о книге, за твое глубокое, как океан, сочувствие и понимание, и за твою бесконечную задиристую крутость. Эти качества вдохновляют меня, и знаю, что сомнения одолевали бы меня гораздо чаще, если бы не ты. Мы затеяли длинную поездку на американских горках, и я рада, что ты сидишь со мной на соседнем сиденье.

Регина (спасибо, что разрешила мне позаимствовать твое имя!) и Шона, мой духовный отряд. Вы обе богини воображения. Вы были со мной с самого начала и стали свидетелями некоторых переломных моментов и озарений, которые случались в моей жизни. На самом деле многие из них состоялись именно благодаря вам. Для меня большая честь быть рядом с вами. Спасибо. За то, что подталкивали меня вперед, любили меня, радовались за меня и верили в меня. Время, проведенное вместе с вами, искрится магией.

Бабушка и дедушка, в вашем сердце всегда находилось место для творчества, и эта черта передалась и нам. Я очень по вам скучаю. Я

чувствую, что вы рядом, когда я нуждаюсь в вас. Когда я подписывала контракт, я окружила себя вашими письмами и семейными реликвиями, потому что я знаю, что ничего бы этого не было без вас.

Папа, ты всегда был моим любимым болельщиком и самым лучшим другом. Твоя сила и поддержка очень много для меня значат. Все эти годы ты помогал мне. Ты прекрасный отец и дедушка, и я очень счастлива, что ты есть в наших жизнях. Дедушка Джордж, папочка, ты лучше всех. Спасибо, что напоминал мне, как важно сосредоточиться на цели и отдавать себе должное за проделанную работу. Лори, спасибо, что стала прекрасным дополнением к нашей семье. Ты столько всего пережила и стала воплощением любви. Мы очень счастливы, что ты у нас есть.

Мартина, моя сестра и маленькая птичка чиви. Ты неизменно остаешься верной себе, а меня поражают твое огромное сердце, талант и ум. Черт возьми, женщина. Пускай мир готовится к тебе. Мне кажется, гордиться тобой может стать моей профессией. Ты никогда не даешь мне забывать, кто я есть и куда меня ведет мое сердце. Продолжай светить ярко, милая. Миру нужен твой реактивный заряд. И мне тоже.

Ох, моя мама-медведица. Где бы я была без тебя? Уж точно не здесь. Твоя сила, бесстрашный оптимизм и невероятная открытость жизни – настоящее чудо. Ты жертвовала, ты любила, ты отдавала и отдавала. Ради меня. Ради нас. Ради мечты, которую мы хотели воплотить в реальность. Наш кофейный столик превратился в алтарь для твоих надежд. Мне так повезло быть твоей дочерью. В одно и то же время мы нашли себя в творчестве. Спасибо. Ты всегда говорила мне, что не надо бояться летать, даже если я потеряюсь в темноте. И взгляни сейчас на нашу жизнь. Бури приходят и уходят, а над нашей головой всегда остается бескрайнее голубое небо. Давай же взлетим высоко. И когда ты воспарить, не забывай, что твои крылья (и песня) прекрасны.

Джезэ, жизнь моя, ты заставляешь меня смеяться, поддерживаешь меня, крепко сжимаешь в объятиях. Ты стал камнем, о который я затачиваю свой меч, фундаментом, на который я могу смело и уверенно опереться. Когда меня раскачивает и уносит – ты мой якорь, а твое плечо – мое убежище. Ты не даешь мне забывать, что нет предела моим возможностям. Ты подарил мне наших очаровательных детей и эту жизнь, наполненную любовью и преданностью. Ты моя сила, сердце, любовь и энергия. Я скромный свидетель твоей веры, тяжелой работы, жертв, сияющего и сильного духа. Каждый день ты вносишь в мою жизнь новые краски. Я горжусь тем человеком, которым ты стал, и очень рада, что ты рядом со мной.

Джио, мой маленький дракон. Ты поддерживал в своей маме силы на

этом нелегком пути. Ты показал мне, на что я способна. Ты научил меня тому, что сон и объятия – это не нечто само собой разумеющееся, и что лучшие дни своей жизни мы, возможно, проживаем в окружении детского смеха и улыбок. Мы с папой тебя очень долго ждали. Спасибо, что выбрал нас.

Джульетта, доченька, для меня огромная честь быть твоей матерью. Ты сплошное сердце, любовь и искусство. Я помню, что, впервые услышав твое сердцебиение, все мое существо проснулось ото сна. Из-за тебя я снова начала писать. Я знала, что раз я буду учить тебя следовать за мечтой, то пора и мне начать поступать так же. Мечтай, моя маленькая чудо-женщина. Пусть твоя жизнь будет наполнена мечтами. Я тебя люблю.